

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1984

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Совершенствование методов борьбы с преступностью:
Сборник научных трудов /Отв. ред. Р.П.Краузе. - Рига:
ЛГУ им. П.Стучки, 1984. - 154 с.

В настоящий сборник научных трудов вошли работы преподавателей кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, а также работы членов секции криминалистики Берлинского государственного университета им. Гумбольдта.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, студентов старших курсов, а также практических работников, интересующихся проблемными вопросами уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.П.Краузе (отв. ред.),

Р.Г.Домбровский, И.Г.Индуленс, М.П.Шешуков

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

С П002-060у I4-доп.84.I203I40000
M8I2(II)-84

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки, 1984

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГДР

Германская Демократическая Республика обладает богатым как духовным, так и материальным культурным наследием. Более 600 музеев хранят бесценные культурные богатства. К ним же относится и большое число культурных ценностей, находящихся в архивах и библиотеках. В главном списке памятников ГДР, а также в списках памятников округов и районов содержатся более 50 тыс. наименований объектов, достойных защиты и охраны.

Исторические, научные и художественные ценности прошлого и настоящего охватывают при этом широкий круг разнообразных форм. К ним относятся вместе с разного вида изделиями искусств, большая часть которых объединена в государственном музейном фонде ГДР, ценные инкунабулы и книги, а также другие письменные документы, памятники строительства и технические объекты, археологические и геологические находки и зоологические материалы.

Защита и надежная сохранность этого богатого культурного наследия, выступающего в виде движимого и недвижимого имущества, является составной частью политики социалистического государства. Социалистическое общество приняло на себя высокую ответственность за надежную защиту и полную сохранность культурных ценностей ГДР. Следовательно, одна из почетнейших и, конечно же, не второстепенных обязанностей социалистического общества состоит в том, чтобы сокровища культурного достояния были защищены от всякого рода опасностей. Принимая во внимание то обстоятельство, что культурное достояние ГДР составляет неотъемлемую часть нашей социалистической национальной культуры и представляет собой значительную часть духовного и материального национального богатства, высокая ответственность по защите этого достояния возложена на все социалистическое общество. Эту ответственность юридически несет каждый гражданин и, прежде всего те лица, которые связаны с прямым использованием, обеспечением допус-

ка и хранением культурных ценностей, как то уполномоченные руководители и сотрудники музеев и других учреждений, в которых находятся культурные ценности.

Особые ценности требуют особых мероприятий по защите и охране. Наибольшее внимание мы уделяем уникальным предметам культуры: в первую очередь предметам, имеющим отношение к жизни людей, затем таким экспонатам, которые имеют высокую духовную и материальную ценность. Исходя из того, что сложное по своему характеру культурное наследие, правосмерно обозначенное термином "вещи" и включающее в себя как социалистическую, так и личную собственность, требует защиты и сохранности, возникает необходимость в соответствующей деятельности государственных органов. Функция ухода, охраны и хранения, которую выполняет социалистическое государство по отношению как к движимым так и недвижимым объектам культурных ценностей, основывается на непосредственной заинтересованности социалистического государства в том, чтобы навсегда сохранить для жизни нашего народа, для развития нашей страны и общества достояние, имеющее высокую историческую, научную или культурную ценность. Изложенный выше вывод типичен для социалистического общества. Обусловленные социалистическим общественным порядком отношения к искусству и культуре, к определению места культурного достояния в жизни общества, в свою очередь определяют деятельность по сохранению культурного богатства, которую осуществляет социалистическое государство и которую оно считает своей неотъемлемой обязанностью.

Подобная забота государства была вызвана обстоятельствами исторического, научного и культурного характера, когда экспонаты и объекты, созданные за многие тысячелетия, подвергались в течение своего существования различному воздействию, которое нередко причиняло вред или даже приводило к их разрушению. История богата примерами когда в результате войны, разграбления, разбоя, воровства, нелегального вывоза, а также из-за случайных действий бесценное, уникальное культурное достояние подвергалось

уничтожению. Самые разрушительные последствия для состава и содержания культурных богатств, особенно для произведений искусства, имели без сомнения, во все времена войны и их последствия, в связи с чем борьба за сохранение мира также стала важнейшей задачей нашей эпохи и принуждает человечество к сознательному и ответственному отношению к имеющимся ценностям [1].

Опасностью для движимого и недвижимого культурного достояния является и течение времени, состав материала и его качество, а также само состояние этих объектов. Прежде всего - неподходящая температура, неудовлетворительное освещение, влажность и загрязненность, кроме того различные биологические и химические факторы, а также вибрация и сотрясания - опасные враги для сохранения ценностей искусства и культуры.

Такие факторы как несоответствующий уход, плохие условия хранения, показа на выставках, плохая транспортировка и т.д. могут значительно повлиять на разрушение культурных ценностей и привести к ухудшению их состояния. Нередко имевшие в прошлом (до 1945 г.) место случаи ненадлежащего использования средств по уходу за музейными экспонатами и памятными объектами доставляют и на сегодняшний день значительные трудности тем специалистам, задачей которых является сохранение памятников ГДР. С 1945 г. в ГДР не жалеют сил на реставрационные работы, на эти работы израсходованы огромные средства.

Но не только фактическое сохранение и охрана наших неповторимых и поэтому необыкновенно ценных культурных богатств были предметом постоянной заботы социалистической культурной политики. Свой вклад в дело всесторонней и по возможности полной защиты находящихся в нашем государстве культурных ценностей внесли также принятые и соответственно применяемые правовые акты (особенно после 1970 г.).

Законодательные акты для эффективной защиты всесторонней сохранности существующих в ГДР культурных богатств были необходимы также и по другим не менее важным причи-

нам.

Совершаемые в мире преступления против сохранности культурных ценностей, в некоторых капиталистических странах сравнимые по объему с наркоманией и преступлениями имущественного характера, оказывают влияние на ГДР и, как известно, также на другие социалистические страны.

Организованные преступления, запланированные и совершенные бандами, причисляемые находящимся в ГДР культурным ценностям в некоторых случаях значительный ущерб. Подготовленные в ФГТ и совершенные в Потсдаме (Сан-Суси) и в Любенау (Шпревалд) кражи культурных ценностей, причинившие значительный ущерб, весьма убедительно свидетельствуют об опасности, которой было подвергнуто культурное достояние ГДР. Причем, случилось это не по причине особого территориального положения нашей страны, характеризующегося влиянием широко развитых транзитных путей между Западным Берлином и ФГТ. С целью устранения опасности, грозящей культурному достоянию ГДР, в частности, для ликвидации растущих со стороны преступных сил попыток нелегального вывоза противозаконно приобретенных или открыто украденных культурных ценностей, государство, наряду с другими мероприятиями, было вынуждено последовательно и в полном объеме регламентировать эти вопросы в законе 2. Таким образом, наблюдается острый поворот к повышению ответственности (даже в международном масштабе) по вопросам обеспечения сохранности движимых и недвижимых культурных ценностей, уже начиная со 2-й половины 70-х годов. С этого времени, как никогда раньше, в ГДР начали проводиться различные мероприятия как в области реставрации, так и в области защиты и охраны, причем на объем и результаты этих мероприятий сильное влияние оказали законодательные акты, которые были приняты в предыдущие годы.

Успешное развитие борьбы прошлых лет с преступлениями против культурных ценностей, последовательное применение правовых актов ГДР по уводу и сохранению, а также по устранению незаконного приговора культурных ценностей, является убедительным доказательством того, какое место

занимает и какое отношение имеет социалистическое государство к сохранению и охране нашего исключительно богатого культурного наследия.

С принятием закона от 19 июня 1975 г. о сохранении памятников в ГДР было установлено стабильное основание для эффективной в последние годы разработки нормативных актов по регламентации правового режима и недвижимых культурных ценностей. Так, к примеру, после принятия закона о сохранении культурных ценностей в музеях, в церквях, в исторических зданиях и в подлежащих сохранению районах городов нашей страны были осуществлены различные мероприятия, которые обеспечили дальнейшее сохранение национального культурного наследия.

Такое развитие происходит непрерывно и в области правовой регламентации. Вследствие этого размах издания в прошедшие годы нормативных актов о сохранении, уходе и охране, о защите и предохранении культурных богатств относительно велик и охватывает различные аспекты нашей культурной жизни.

Во всех случаях правовая регламентация отражает международные обязательства, которые мы приняли на себя присоединившись к Конвенции 1954 года "О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта" и принятой на 16-ой Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1970 г. "Конвенции о мерах по запрещению и предотвращению нелегальных экспорта, вывозов и передач в чью-либо собственность культурных ценностей". К обоим соглашениям ГДР присоединилась в процессе общего международного признания этих конвенции в 1974 г.

По тем же соображениям и, реализуя требования международных обязательств в ГДР, было принято постановление "О государственном музейном фонде" от 12 апреля 1978 г. В целях конкретизации этого постановления и в настоящее время еще публикуются директивные указания. Постановление о государственном музейном фонде имеет во многих отношениях особое значение, т.к. с одной стороны благодаря ему

впервые в ГДР было внедрено регулируемое законом распределение по категориям музейных объектов и коллекций (различной ценности) и с другой - в качестве юридической обязанности предусмотрено проведение систематической проверки и каталогизации (внесение в каталог) предметов движимых культурных ценностей находящихся в государственных музеях и филиалах.

По всем этим вопросам мы последовательно выполняем наши обязательства по международным договорам и учитываем соответствующие рекомендации. В настоящее время существующие эффективные правовые меры несомненно опираются на закон от 3 июня 1980 г. "О защите культурного достояния ГДР". Благодаря разработке этого закона был создан юридический документ, имеющий международное значение, полностью соответствующий как положениям международного права, так и специфическим особенностям защиты культурного достояния и учитывающий высокие требования сохранности большей части движимых и недвижимых культурных ценностей ГДР. Основным смысл этого закона состоит в том, что социалистическое общество несет высокую ответственность не только частично (т.е. за экспонаты государственного музейного фонда), но и за все имеющиеся в ГДР культурные ценности, несмотря на разные формы собственности, необходимость существования которых неоспорима.

Основной задачей этого закона является обеспечение доступности пользования и одновременно охрана богатого культурного наследия нашей страны. Это касается главным образом движимых культурных ценностей многих музеев, а также и многочисленных церквей и экспонатов, находящихся у отдельных граждан. В этом смысле закон преследует в основном следующие цели:

1. При строгом соблюдении гарантированных конституцией прав всем владельцам культурных ценностей социалистическое государство обеспечивает неприкосновенность всего культурного богатства ГДР, уход за ним, сохранение и доступ к нему в интересах социалистической национальной культуры.

2. Универсальность закона заключается в том, что он охватывает все достойные защиты и охраны культурные ценности во всех их качествах и категориях, во всех формах собственности и отношениях владения, а также учитывает положения международного права, согласовывая их с задачами защиты национального культурного богатства ГДР.

3. В основном закон регулирует ответственность компетентных центральных и местных государственных органов, которые он обязывает к защите и сохранению культурных богатств в рамках поставленных перед ними задач. Законом устанавливается специальная юридическая ответственность таких государственных учреждений как музеи, архивы и библиотеки в которых сконцентрировано культурное достояние.

Наконец закон касается народных комбинатов и предприятий, государственных и хозяйственных органов, социалистических обществ и общественных организаций, других юридических лиц и граждан, во владении которых находятся охраняемые законом культурные ценности.

4. Если возникает опасность для охраняемых культурных ценностей, то на основе общей общественной ответственности за сохранение и защиту культурных ценностей возникают точно установленные законом права и обязанности государственных органов и учреждений. Закон ориентирует при этом в первую очередь на согласование интересов и воли социалистического общества и собственника, между теми, в чьем распоряжении или владении находятся культурные ценности. В соответствии с этим законом была отменена любая возможность отчуждения ценностей. Государственное управление защиты культурного наследия через уполномоченного руководителя применяется ограниченно и только в тех случаях, когда находящиеся в опасности ценности никаким иным способом нельзя в достаточной мере защитить от ущерба или вреда. Но и тогда право собственности сохраняется.

5. Установленные законом условия по вывозу гарантируют полный государственный контроль над вывозом культур-

ных ценностей за границу. Эти условия находятся в полном соответствии с международно-правовыми нормами, с которыми мы связаны по договору и которые соответствуют обоснованным интересам нашего народа по сохранению его культурного богатства.

6. За противозаконные действия, направленные на охраняемые культурные ценности закон предусматривает соответствующий штраф. С этим связана в первую очередь наша цель исключить организацию в империалистических странах преступных актов против культурных ценностей ГДР.

Особое значение в области применения закона имеет его ограничение по предмету, т.е. как "охраняющего культурные ценности" ГДР.

Закон определяет впервые для практики понятие "охраняемое культурное достояние ГДР" как вещное, стоимостное (в то же время как идеальное), а также собственническое и международно-правовое. Подробное изложение наиболее типичных категорий охраняемых культурных ценностей содержит I-я инструкция по исполнению закона о защите культурных богатств. Она также уточняет и видоизменяет положения выше названной конвенции от 1970 г. Ограниченное первой инструкцией по исполнению количество категорий культурных ценностей (в количестве 16) рассматривается как ориентировочное. Это количество при необходимости может быть в любое время расширено.

Закон о защите культурных богатств в соответствии с конвенцией (1970) регулирует правоотношения по поводу культурных ценностей в пределах нашего государства; причем инвентарь всех законно подлежащих суверенитету ГДР культурных ценностей, имеющихся в наличии к моменту вступления в силу закона, учтен по стандартным принципам.

И в остальном нормы закона о защите культурного богатства соответствуют критериям конвенции (1970), откуда следует, что учитываются принципы как по субъекту (гражданину ГДР), так и территориальные. В первом случае закон обеспечивает то, что культурные ценности, созданные гражданами ГДР за границей, тоже находятся под защитой этого

закона; во втором случае этот закон охватывает имеющие значение для ГДР культурные ценности, созданные на территории нашего государства иностранцами и лицами без гражданства, постоянно проживающими в ГДР. С целью усовершенствования социалистического правопорядка в области защиты и сохранения культурных богатств помимо уже названной I-й инструкции по исполнению закона о защите культурных ценностей в 1982 г. вступают в силу еще и другие инструкции по исполнению данного закона, которые регулируют отдельные существенные вопросы.

2-я инструкция по исполнению регулирует порядок заявок и регистрации культурных ценностей, не являющихся собственностью народа. Эта инструкция охватывает главным образом вопросы о культурных ценностях, принадлежавших гражданам, церквям и религиозным обществам, т.к. именно там сконцентрирована большая часть ненационализированных культурных ценностей.

Значение заявки и регистрации ненационализированных культурных ценностей в местных органах государственной власти проявляется прежде всего в том, что этим

- обеспечивается надежный государственный учет собственников соответствующих культурных ценностей, а также владельцев или лиц, имеющих право ими распоряжаться;

- создаются соответствующие условия для проведения мероприятий по защите культурных ценностей;

- собственники, владельцы и лица, имеющие право ими распоряжаться, уведомляются государственными органами, что сохранение этих культурных ценностей из-за их значимости для истории, науки и культуры осуществляется в интересах общества.

Из приведенного выше нетрудно понять, что обязательной заявке и регистрации подлежат только культурные ценности, имеющие качественно значимую ценность. Только такого значения культурные ценности, а не просто любые экспонаты нуждаются в охране в интересах всего общества. 3-я инструкция по исполнению, утвержденная I октября 1982 г., регулирует вывоз культурных ценностей. Ее сущ-

ность обусловлена заботой об эффективном предотвращении нелегального вывоза культурных ценностей в любой форме и допущения легального вывоза (например, в случае наследования или переезда в другую страну) лишь при наличии условий, предусмотренных законом. Установленный законом порядок исключает вывоз культурных ценностей в случаях, когда вывоз их недопустим согласно международным договорам, к которым присоединилась ГДР, когда из-за предусмотренного вывоза экспонаты национально и интернационально значимых культурных ценностей находятся под угрозой, когда требование вывоза касается памятников культуры, если вывоз отражается на экспонатах, которые являются частью коллекции, существенно определяющей её значение или состав и если применяемое по этим вопросам законодательство противоречиво.

В других случаях компетентный местный орган вправе выдать разрешение на их вывоз. В соответствии с 4-й инструкцией по исполнению закона о защите культурных ценностей при решении вопроса об их вывозе предусмотрено обязательное участие специалистов. Но до сих пор законом не регламентирован порядок участия данного рода специалистов при расследовании или рассмотрении дела в суде. Регламентация их деятельности способствовала бы обеспечению более высокого уровня работы следователей при раскрытии преступлений, направленных на расхищение культурных ценностей, а также способствовала бы выявлению и предупреждению посягательств на культурное достояние ГДР.

Список литературы

1. Богословский М.М. Интернациональная защита культурных ценностей.- М., 1979.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ МОРСКОЙ РЕСУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Практике морской ресурсной деятельности известны различные источники загрязнения морской среды. К ним обычно относят: загрязнение при навигации и операциях дебалластирования, катастрофы, захоронение ядовитых газов и других отравляющих веществ, радиоактивные отходы, научные исследования, береговые источники, геологические процессы, происходящие на дне океана. Однако особый интерес с точки зрения теории и практики правового регулирования представляет загрязнение морской среды при освоении нефтегазовых ресурсов морского дна.

Дело в том, что в последнее время участились случаи аварий на буровых установках при добыче нефти на морском дне. Так, например, авария на буровой вышке в Мексиканском заливе в 1979 году привела к значительным выбросам нефти из скважины в море. Во время аварии на платформе "Браво" в Северном море, в море выливалось 4-6 тысяч тонн нефти каждые сутки. Только в 1970 году в Мировой океан было выброшено 50 млн. тонн нефти [1].

Известно, что добыча нефти осуществляется преимущественно с помощью платформ для морского бурения. Причем по критерию подвижности они отличаются друг от друга и могут быть классифицированы на различные виды, это, в свою очередь, имеет большое значение для практики применения правовых норм об охране морской среды. Так, самоходные подвижные платформы в период движения имеют статус обычного судна, а при ее закреплении на дне превращаются в искусственные сооружения. В этом случае они приобретают статус искусственного сооружения, представляющего потенциальную опасность для навигации и нуждающегося в зонах безопасности. Несамостоятельные подвижные буровые установки буксируются к месту работ. Поэтому в период буксировки на них распространяются правовые нормы, присущие буксировке, в частности, правила для предупреждения

столкновения судов.

Следовательно, нормы Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [2], содержащиеся в разделе У-VI /ст.207-222/ практически полностью применимы к регулированию отношений по предотвращению загрязнения морской среды в процессе осуществления ресурсной деятельности на морском дне.

Так, ст.208 Конвенции устанавливает, что государства, действуя, в первую очередь, через компетентные международные организации или дипломатические конференции, устанавливают глобальные и региональные нормы, стандарты и процедуры для предотвращения и сокращения загрязнения морской среды, вызываемого ресурсной деятельностью на морском дне подпадающей под их юрисдикцию, а прибрежные государства с этой же целью принимают законы и определенные правила.

Этим объясняется тот факт, что проблема правовой охраны морской среды в процессе ресурсной деятельности на морском дне и в его недрах должна рассматриваться с учетом взаимозависимости международно-правовых норм и национального законодательства. Основными нормативными актами, действующими в СССР и других государствах в области охраны морских вод, являются, во-первых, международные соглашения по предотвращению загрязнения моря, в которых участвуют эти государства, и, во-вторых, национальные законодательные акты по данному вопросу.

В числе основных нормативных актов первой группы можно назвать такие, как Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью 1969 года, Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросом отходов и других материалов, подготовленная на Лондонской конференции в 1972 году и другие.

Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросом отходов и других материалов, в частности, определяет обязанность для подписавших её стран, способствовать как в индивидуальной, так и в коллективной форме эффективной борьбе с любыми источниками загрязнения морской среды.

Здесь же предусматривается, что страны-участницы

принимают всевозможные меры в области предотвращения загрязнения моря различными материалами, которые могут представлять собой опасность для здоровья людей, повредить живым ресурсам и жизни моря, нанести ущерб зонам отдыха или препятствовать другим законным видам использования моря.

Конвенция по защите морской среды Балтийского моря подписана в марте 1974 года в Хельсинки представителями СССР, ГДР, ПНР, ФРГ, Дании, Швеции и Финляндии. Основной целью этого соглашения явилось объединение усилий прибалтийских государств с целью предотвращения загрязнения вод моря, а также сохранения флоры и фауны. Это международное соглашение по охвату различного рода источников загрязнения является наиболее универсальным. По мнению советских юристов оно могло бы служить примером решения проблемы охраны и других районов Мирового океана [3]. В Конвенции содержатся основные принципы и обязательства прибалтийских государств принимать различные юридические и административные меры, как в индивидуальном, так и в коллективном порядке, которые в максимальной степени способствовали бы предотвращению загрязнения морских пространств. В качестве источника загрязнения предусматриваются источники как морского, так и берегового происхождения. К ним относятся: реки, эстуарии, суда, самолеты, эксплуатируемые в море плавучие стационарные платформы.

Конвенция предусматривает различные формы сотрудничества между странами-участницами по вопросам загрязнения моря и суши, в частности, разработку и принятие специальных норм и правил сброса сточных вод, содержащих вредные вещества, принятие взаимного обязательства не проводить в море захоронений любых веществ и материалов, за исключением грунта, выкинутого при дноуглубительных работах. Также предусматривается оснащение всеми прибалтийскими странами нефтепогрузочных пунктов и ремонтных портов сооружениями для приема и очистки нефтесодержащих вод и строгие ограничения слива морских судов балластных и льяльных вод, сброса мусора и других отходов, образу-

ющихся на судах.

Конвенция по защите морской среды районов Балтийского моря довольно детально регламентирует деятельность государств при исследовании и эксплуатации морского дна и его недр. Все государства-участники обязуются применять комплекс надлежащих мер для предотвращения загрязнения морской среды района Балтийского моря в процессе ресурсной деятельности по эксплуатации недр морского дна. В положениях Конвенции предусматривается статус стационарных и плавучих буровых установок, прочих платформ, используемых для разведки и разработки нефтегазовых ресурсов морского дна. Сброс нефти и нефтесодержащих смесей с платформ, закрепленными в этом международно-правовом акте нормами права, запрещен. На район северо-восточной Атлантики и часть Северного Ледовитого океана распространяются положения Соглашения о сотрудничестве в связи с загрязнением Северного моря нефтью от 9 июня 1969 г., Конвенция по предотвращению загрязнения морской среды сбросами веществ с судов и летательных аппаратов, подписанная 15 февраля 1972 г. в Осло, Конвенция по предупреждению загрязнения морской среды наземными источниками, заключенная в Париже 4 июня 1974 г.

В районе Средиземного моря вопрос об охране морской среды решается в принятом в феврале 1976 г. в Барселоне Заключительном акте Конференции полномочных представителей прибрежных государств средиземноморского района. Подобно другим международно-правовым актам в области охраны морской среды, в Заключительном акте предписывается всем государствам-участникам принимать всевозможные меры для предотвращения загрязнения Средиземного моря при разведке и разработке континентального шельфа, дна и недр моря [4].

В советской юридической литературе вполне своевременно ставится вопрос об установлении принципа современного международного права - принципа охраны морской среды, связанного с проведением мероприятий по ликвидации изменения морской среды, предупреждению дальнейшего за-

грязнения морской среды, восстановлению возобновляемых ресурсов, улучшения их качества, сохранению природных ресурсов, комплексов, устройству специальных зон [5].

Новый принцип получил закрепление в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству государств в Европе, подписанного в Хельсинки в 1975 году, в различных договорах, программах и рекомендациях, разработанных в рамках международных организаций по охране природы.

XXVI съезд КПСС отметил, что СССР "исходя из принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами, активно участвует в решении международных проблем в области охраны окружающей среды [6]. СССР выступает за рассмотрение проблем охраны окружающей среды через механизм авторитетных и эффективных международных организаций и активно участвует в них. Участие СССР в международных организациях по разрешению проблем окружающей среды определяется социалистическим отношением к природе и объективной необходимости сочетания национальных мер по охране окружающей среды с международными действиями в этой сфере.

Повышение роли международных организаций в решении проблем охраны природной среды зависит от таких объективных факторов, как ускорение темпов эксплуатации природных ресурсов, трансформация проблемы охраны природы в проблему сохранения окружающей среды, возрастание осознания экологических проблем международной общественностью. Возрастание активности международных организаций в решении вопросов охраны окружающей среды рассматривается как результат роста заинтересованности государств в предотвращении глобального загрязнения и истощения природной среды.

Весьма широкое и плодотворное сотрудничество по исследованию природных ресурсов Мирового океана предпринимают социалистическими государствами и, прежде всего, в рамках СЭВ. Например, в решении проблемы "Интерморгео" участвуют 31 организация социалистических стран. Прибал-

тийские социалистические страны /СССР, ПНР, ГДР/, учитывая потребность в более тесном кооперировании научно-технических усилий при осуществлении поисковых и разведочных работ, на основании заключенного Соглашения о создании совместной организации по проведению геологоразведочных работ на нефть и газ на Балтийском море в пределах континентального шельфа и дна территориальных морей этих стран, создали совместную организацию "Петробалтик". Ее целью является сотрудничество в проведении геологоразведочных работ в договорных районах. В последующем намечается и совместная эксплуатация обнаруженных промышленных месторождений нефти и газа [7]. Это международное хозяйственное предприятие служит примером конкретной формы международного сотрудничества заинтересованных государств по повышению эффективности геологических исследований на море и использования преимуществ научно-технического сотрудничества освоения ресурсов на дне морей и океанов.

В системе международных организаций, участвующих в охране окружающей среды, имеются различные взаимосвязанные между собой организации, участвующие в решении задач сохранения природной среды от разрушения, истощения и загрязнения.

Эта деятельность проявляется в различных организационно-правовых формах, среди которых важнейшее место занимает разработка международно-правовых актов, содержащих договорные нормы. Причем, значительная часть таких правовых актов принимается универсальными, межправительственными организациями. Повышение роли региональных организаций в решении правовых проблем экологии вызвано растущим стремлением государств к региональному сотрудничеству. Оно объясняется рядом объективных обстоятельств, важнейшими из которых являются:

- а) трудность решения данных проблем средствами одной стороны, а также потребность в кооперировании;
- б) наличие общих и взаимосвязанных минеральных ресурсов;
- в) существование проблем охраны окружающей среды,

выходящей за рамки национальных, однако, не являющихся по своей сущности региональными.

Конечно, правовые акты, принимаемые международными организациями, характеризуются рядом присущих им черт, определяющих их значение в охране окружающей среды. К ним можно отнести следующие основные черты:

а) они содержат рекомендации правительствам о необходимости принятия соответствующих правовых мер на национальном, международном и региональном условиях;

б) способствуют выработке руководящих принципов национального использования экосистем на национальном и международном уровнях;

в) предоставляют рекомендации государствам по использованию руководящих экологических принципов своего развития;

г) способствуют согласованию принципов ответственности государств за вред, причиненный окружающей среде.

Так, уже в 1954 году в Лондоне была принята Конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью, в которую затем были внесены поправки в 1969 и 1971 годах. В соответствии с ними, запретной зоной для слива нефти объявлялся весь Мировой океан.

Конвенция по предотвращению загрязнения морских вод, принятая в 1973 году распространяется как на подвижные, так и неподвижные платформы, которые могут быть использованы для разведки, разработки нефтегазовых ресурсов морского дна. Специальный правовой режим с жесткими ограничениями устанавливался в таких районах Мирового океана, как Балтийское, Черное, Красное, Средиземное море, Персидский залив.

Учитывая технологическую возможность использования при разведке и освоении минеральных ресурсов морского дна с атомных установок к правовым нормам, регулирующим процессы ресурсной деятельности на дне Мирового океана, относятся и нормы ряда специальных многосторонних договоров.

Например, договор о нераспространении ядерного ору-

жия 1968 года предусматривает обязанность государств, имеющих атомное оружие или ядерные взрывчатые устройства не помогать и не поощрять другие государства к обладанию им. Для защиты морской среды от радиоактивного загрязнения имеются и такие правовые акты, как договор 1971 года о запрещении размещения на дне морей и океанов в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, Бриссельская Конвенция 1962 года об ответственности операторов ядерных судов, Венская Конвенция 1963 года "О гражданской ответственности за ядерный ущерб" и другие.

В числе нормативных актов второй группы можно назвать такие, как: Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик; водные кодексы союзных республик; постановление Совета Министров СССР от 23 сентября 1968 года № 759 "О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря" [8]; от 14 февраля 1974 года № 118 "Об усилении борьбы с загрязнением моря веществами вредными для здоровья людей или живых ресурсов моря" [9]; Правила регистрации операций с нефтью, нефтепродуктами и другими веществами, вредными для здоровья людей или живых ресурсов моря и их смесями, производимыми на судах и других плавучих средствах [10]; Инструкция о порядке передачи сообщений капитанам морских судов и других плавучих средств и командирам воздушных средств о всех случаях нарушения правил по предотвращению загрязнения моря [11] и другие.

В основу действующих в СССР Правил санитарной охраны прибрежных вод и морей, утвержденных 31 декабря 1974 года [12], положены научные и организационные принципы, которые заложены в Правилах охраны поверхностных вод от загрязнения сточными водами [13].

В соответствии с основной целью этого нормативного акта, заключающейся в предупреждении загрязнения прибрежных районов морей и созданию благоприятных условий водопользования населения, в нем определяются условия неравномерности сброса в море сточных вод.

В декабре 1977 года Совет Министров СССР принял по-

становление "О дополнительных мерах по охране Каспийского моря от загрязнения", в котором Министерству нефтяной промышленности СССР предписано осуществить меры, обеспечивающие ведение работ по разведке и добыче нефти и газа на таком техническом уровне, который исключает загрязнение вод нефтью и вредное влияние на живые ресурсы моря. Устанавливается и строгий порядок проведения буровых, геологоразведочных и других работ, связанных с разведкой и разработкой богатств морского дна и его недр.

Важное значение для усиления охраны вод бассейнов Черного моря и Азовского моря имеет специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей" [14]. В нем закреплен особый порядок проведения на шельфе Черного моря и акватории Азовского моря буровых, взрывных, геологоразведочных работ, оказывающих влияние на живые ресурсы моря в тех зонах, которые имеют важное рыбохозяйственное значение. Для ведения этого вида работ предусматривается предварительное разрешение Министерства Мелиорации и водного хозяйства СССР и Министерства рыбного хозяйства СССР.

В Постановлении Совета Министров "О мерах по усилению охраны от загрязнения бассейна Балтийского моря" от 16 июля 1976 года указывается на необходимость проведения мероприятий по оборудованию нефтяных танкеров, а также других плавучих средств, стационарных и плавучих установок сепараторами для очистки нефтесодержащих вод до установленных кондиций или устройствами для сбора этих вод, других вредных веществ, судовых загрязненных хозяйственно-бытовых сточных вод и мусора, сдачи их на плавучие или береговые приемные устройства. Стационарные и плавучие установки, которые используются для разведки и добычи полезных ископаемых, находящихся на поверхности или в недрах морского дна, должны быть оснащены необходимым оборудованием для предотвращения загрязнения моря.

Природный комплекс бассейна Балтийского моря характеризуется определенными особенностями. К ним, в первую

очередь, относится наличие весьма разветвленной сети водных объектов, из которых поступает большое количество вод в море. Далее, в прибрежных водах бассейна Балтийского моря в результате развития производственной деятельности происходит различные физико-биологические, экологические и иные процессы, отрицательно влияющие на морскую среду. Кроме того, для этого региона характерно ускоренное развитие естественного процесса старения моря, проявляющееся в заражении и заболеваниях, изменении состава рыбных ресурсов и качества воды [15].

В целях проведения комплексных мероприятий по охране бассейна Балтийского моря и выполнения требований Конвенции по защите морской сферы района Балтийского моря, в СССР создан Межведомственный Комитет по защите морской среды Балтийского моря. Для усиления борьбы с загрязнением Балтики в Латвийской ССР образована Республиканская инспекция охраны Балтийского моря. Для организации научных исследований в бассейне Балтийского моря также создан Координационный совет из представителей Академии Наук советских республик Прибалтики.

На основе указанных нормативных актов представители различных звеньев Минводхоза СССР обладают обширным комплексом правомочий в отношении субъектов, осуществляющих деятельность в пределах советских внутренних морских водах. Среди них, в первую очередь, могут быть названы следующие.

Во-первых, право проверки наличия и содержание действительных международных свидетельств о предотвращении загрязнения моря нефтью, ядовитыми веществами, сточными водами и мусором в соответствии с международными соглашениями, в которых участвует СССР.

Во-вторых, право пребывания во время рейса в пределах внутренних морских и территориальных вод в СССР на борту судна.

В-третьих, право дачи обязательных для исполнения указаний об устранении нарушения установленных правил по операциям с веществами, вредными для здоровья людей или

для живых ресурсов моря, и смесями, содержащими вещества эти свыше установленных норм.

В-четвертых, право проверки правильности регистрации в судовых документах операций с вредными веществами в соответствии с правилами регистраций операций с нефтью, нефтепродуктами и другими веществами, производимыми на судах и других плавучих средствах, утвержденными Минводходом СССР, Минморфлотом СССР, и Минрыбхозом СССР.

В-пятых, право составления актов о нарушении правил по предотвращению загрязнения вод и оформления материалов для привлечения виновных к административной ответственности, либо передачи материалов в судебно-следственные органы для привлечения лиц к уголовной ответственности [16].

Одним из первых нормативных актов об охране морской среды, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение содержащихся в нем предписаний, явился принятый в феврале 1974 года Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении ответственности за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или живых ресурсов моря" [17]. Важное значение для развития уголовного права, регулирующего отношения, связанные с охраной морской среды, имеют также Указы Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1980 года [18] и 15 октября 1982 года [19] повлекшие за собой серьезные изменения республиканского уголовного законодательства в этой сфере регулирования [20].

В Латвийской ССР это проявилось в дополнении республиканского уголовного законодательства статьями 225¹, 225² и 225³. Так, в статье 225¹ УК ЛатвССР устанавливается, что незаконный сброс в целях захоронения в пределах внутренних морских и территориальных вод СССР с судов и иных плавучих средств, воздушных судов, платформ или других искусственно сооруженных в море конструкций веществ, вредных для здоровья людей или живых ресурсов моря, отходов и материалов, которые могут нанести ущерб зонам отдыха или препятствовать другим законным видам использования моря, а равно незаконный сброс в целях захоронения в открытом море с советских судов и иных плаву-

чих средств, воздушных судов, платформ или других искусственно сооруженных в море конструкций указанных веществ, отходов и материалов влечет за собой лишение свободы или исправительные работы на срок до одного года, либо штраф до десяти тысяч рублей.

Еще более строгая уголовная ответственность предусмотрена в действующем республиканском законодательстве в отношении субъектов, виновных в загрязнении моря веществами, вредными для здоровья людей или живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами. В части первой ст. 225² УК ЛатвССР определяется, что загрязнение внутренних морских и территориальных вод СССР вследствие незаконного сброса в этих водах с судов и иных плавучих средств, воздушных судов, платформ или других искусственно сооруженных в море конструкций либо непринятие необходимых мер к предотвращению потерь ими веществ, вредных для здоровья людей или живых ресурсов моря, или смесей, содержащих такие вещества свыше установленных норм, либо других отходов и материалов, которые могут нанести ущерб зонам отдыха или препятствовать другим законным видам использования моря наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятнадцати тысяч рублей.

Аналогичные виды наказаний предусматриваются и за такое деяние, как загрязнение вод открытого моря вследствие незаконного сброса с советских судов и иных плавучих средств, воздушных судов, платформ или других искусственно сооруженных в море конструкций или непринятие необходимых мер к предотвращению потерь или указанных веществ, смесей, отходов и материалов в нарушение международных договоров СССР.

В части второй ст. 225² УК ЛатвССР формулируются квалифицирующие признаки подобных деяний, наличие которых приводит к усилению уголовной ответственности. В ней устанавливается, что те же действия, причинившие существенный вред здоровью людей или живым ресурсам моря, зонам отдыха или другим законным видам использования моря на-

казываются лишением свободы на срок до пяти лет или штрафом до двадцати пяти тысяч рублей.

В качестве субъектов уголовной ответственности в сфере охраны морской среды выступают не только лица, виновные в загрязнении моря веществами, вредными для здоровья людей и его живых ресурсов /См. ст.225² УК ЛатвССР/ или допустившие незаконный сброс в море таких веществ /ст.225¹ УК ЛатвССР/. В соответствии со ст.225³ УК ЛатвССР уголовная ответственность установлена и за несообщение ответственными на то должностными лицами судов или иных плавучих средств, воздушных судов о сбросе в море веществ, вредных для здоровья людей или живых ресурсов моря, либо других отходов и материалов. Субъекты, виновные в совершении данного преступления наказываются исправительными работами на срок до одного года или штрафом до пятисот рублей.

Такое развитие советского уголовного законодательства в сфере охраны морской среды в процессе осуществления ресурсной деятельности в Мировом океане не только соответствует уже ратифицированным СССР международным соглашениям, но и положениям, подписанной делегацией Союза, ССР Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. В разделе У этой конвенции содержится ряд статей, прямо предусматривающих дальнейшее развитие национального законодательства по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды государствами, подписавшими это всеобъемлющее соглашение. Например, п. I ст.208 Конвенции ООН по морскому праву предусматривает, что прибрежные государства принимают законы и правила для предотвращения загрязнения морской среды, вызываемого или связанного с деятельностью на морском дне, подпадающей под их юрисдикцию и установками и сооружениями под их юрисдикцией.

Вместе с тем, в новой Конвенции ООН по морскому праву имеются положения, направленные на дальнейшее расширение национальной юрисдикции прибрежных государств в сфере регулирования ресурсной деятельности в морских про-

странствах. Это связано, в основном, с тем, что по морскому праву устанавливается в Конвенции особый правовой режим для исключительной экономической зоны, суть которого заключается в следующем. Права, юрисдикция и обязанности прибрежного государства, провозглашенные в Конвенции должны гарантировать для него присущие суверенитету правомочия на хозяйственную деятельность. Это проявляется в его суверенных правах в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, находящихся на дне, его недрах и в покрывающих водах этого морского пространства. Конечно, объём этих прав и юрисдикция достаточно строго установлены Конвенцией по морскому праву 1982 года.

Исключительная экономическая зона не входит в состав территории государства, и поэтому суверенитетом прибрежные государства здесь не обладают. Юрисдикция прибрежного государства осуществляется лишь в отношении искусственных островов, установок и сооружений, морских научных исследований, защиты и сохранения морской среды. В частности, оно имеет право принимать в отношении своих исключительных экономических зон законы и правила для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды с судов (ст. 211 Конвенции).

Нормы, содержащиеся в новой Конституции, служат таким образом международно-правовой основой для дальнейшего развития национального законодательства в сфере охраны морской среды в процессе осуществления ресурсной деятельности в различных районах Мирового океана.

Список литературы

1. Шестопалов В.Я. Персидский залив: проблема континентального шельфа. - М., 1982, с.38.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву - Документ ООН A/Conf 62/II/22.
3. См., например: Сперанская Л.В. Международно-правовая охрана морской среды. - М., 1978, с.79.

4. Старкина-Бисти Т.М. Кладовые дна Мирового океана.- М., 1980, с.36-37.
5. Сперанская Л.В. Принципы международного права, регулирующие охрану морской среды.- Вопросы международного права.- М.,1976, с.81-91.
6. Материалы XXVI съезда КПСС.- М.,1981, с.196.
7. Волков А. Развитие сотрудничества стран-членов СЭВ в области морской геологии и геофизики.- Экономическое сотрудничество стран-членов СЭВ, 1976, № 3, с.71.
8. СП СССР: 1968, № 10, ст.134.
9. СП СССР: 1974, № 6, ст.26.
- 10.Сборник нормативных актов по охране природы/Под ред. В.М.Блинова.- М.,1978, с. 299-301.
- 11.Там же, с.301-304.
- 12.Законодательство о капитальном строительстве.- М.,1978, вып.3, с.116.
- 13.Сборник нормативных актов по охране природы/Под ред. В.М.Блинова.- М.,1978, с. 304-313.
- 14.См.: Правда, 1976, 4 февраля.
- 15.Вельнер Х.А. Охрана вод Балтийского моря от загрязнения.- В кн.: Водные ресурсы и окружающая среда.- М., 1977, с.140.
- 16.Величенко Ю.П., Волков В.И. Правовая охрана вод.- М., 1980, с.159-160.
- 17.Ведомости Верховного Совета СССР, 1974, № 10, с.16 .
- 18.Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 22, с.425.
- 19.Ведомости Верховного Совета СССР, 1982, № 42, с.793.
- 20.Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1980, № 36; Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1982, № 52.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ АБОРТОВ

Постоянная забота о матерях и детях является одной из важнейших задач Советского государства. Реализуя многочисленные социально-экономические меры поощрения материнства, государство одновременно охраняет здоровье женщины-матери. Поэтому и уголовное законодательство всех союзных республик предусматривает ответственность за незаконное производство аборта, который подвергает несомненной опасности жизнь и здоровье беременной женщины.

Вместе с этим следует отметить, что эффективность действия уголовно-правовых норм в борьбе с незаконным производством абортa изучена явно недостаточно и ряд вопросов социально-психологической обусловленности этого деяния продолжает оставаться своего рода "белым пятном". С целью хотя бы частичного восполнения этого пробела нами выборочным путем были изучены уголовные дела о незаконном производстве абортa, рассмотренные районными народными судами гор.Риги, Рижского района и народным судом гор.Даугавпилса в 1979 - 1982 г.г. ^{XXX}

Изучение дел данной категории, использование специальной юридической и медицинской литературы, необходимого нормативного материала (в том числе инструкций и приказов Министерства здравоохранения СССР) позволило сделать ряд выводов относительно эффективности борьбы с незаконным производством абортa.

Прежде чем приступить к анализу полученных нами данных, необходим небольшой экскурс в историю советского уголовного права по борьбе с незаконным производством абортa. Нетрудно заметить, что все вопросы регламентации ответственности за аборт решались в непосредственной зави-

XXX

Данный регион охватывает около половины населения Латвийской ССР.

симости от конкретных социально-экономических условий. Так, после Октябрьской революции наказуемость аборта была отменена постановлением Народного Комиссариата Юстиции и Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР от 18 ноября 1920 года "Об охране здоровья женщин". Однако производить аборт разрешалось только врачу и в больнице. Во всех остальных случаях, например, за производство аборта врачом в порядке частной практики с корыстной целью, предусматривалась уголовная ответственность [1]. В связи с последующей ликвидацией моральных пережитков и улучшением экономического положения в стране Закон от 27 июня 1936 года запретил аборты и установил уголовную ответственность как для лиц, производящих аборт, так и для самой беременной женщины. Аборт допускался лишь в исключительных случаях, когда беременность угрожала жизни и здоровью женщины.

Однако запрещение производства абортов в лечебных учреждениях неизбежно имело своим результатом увеличение числа незаконных абортов, производимых вне лечебных учреждений и часто невежественными лицами, что во многих случаях причиняло вред здоровью женщин [2]. Поэтому Президиум Верховного Совета СССР в целях предоставления женщине возможности самой решать вопрос о материнстве, а также предупреждения вреда, наносимого внебольничными абортами, 23 ноября 1955 года издал Указ "Об отмене запрещения абортов." В соответствии с этим Указом было изменено уголовное законодательство союзных республик.

Согласно действующему законодательству союзных республик аборт является незаконным и порождает уголовную ответственность при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- а) аборт произведен вне больницы или другого лечебного заведения;
- б) аборт произведен лицом, не имеющим высшего медицинского образования;
- в) имеются противопоказания к производству аборта [3].

Кроме того, большинство УК союзных республик (в том числе ст. 113 УК Латвийской ССР) предусматривают повышенную ответственность за производство аборта в антисанитарных условиях, повторно или повлекшее смерть женщины или иные тяжкие последствия.

Таким образом, единственное лицо, наделенное правом производства аборта (разумеется, только в лечебном заведении и при отсутствии противопоказаний), это - врач. Закон не ограничивает этот статус какими-либо дополнительными требованиями относительно профиля, специализации. В литературе по этому поводу высказаны мнения, что, решая вопрос ответственности врачей за незаконный аборт, необходима дифференциация ответственности в зависимости от их профиля [4].

Естественно, аборт, произведенный специалистом - врачом - хирургом, гинекологом, менее опасен, чем врачом другого профиля. Однако, как уже было сказано, закон в этом отношении никаких ограничений не предусматривает.

Изученная нами судебная практика показывает: не было возбуждено ни одного уголовного дела по признакам ч. I ст. 113 УК ЛатвССР (предусматривающей ответственность врачей); только одно дело было возбуждено по признакам ч. II (производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования), а все остальные были возбуждены по признакам ч. III (либо по факту смерти беременной женщины, либо по наступившим тяжким телесным повреждениям). Но уже в процессе следствия по каждому второму делу была выявлена повторность незаконного производства аборта.

О высокой степени общественной опасности незаконных абортов в обобщенном виде может свидетельствовать хотя бы тот факт, что каждый третий аборт повлек смерть женщины, остальные - тяжкие телесные повреждения, в том числе и потерю способности к деторождению.

Одновременно не трудно предположить о высоком уровне латентности незаконных абортов. Во-первых, как уже было отмечено, практически все уголовные дела были воз-

обуждены по признакам наступивших последствий: смерти или иных тяжких последствий (тяжких телесных повреждений). Во-вторых, даже оказавшись в больнице в тяжелом состоянии после нелегального аборта, потерпевшие, как правило, не называют лицо, производившее им аборт, заявляя, что они сами произвели себе аборт, либо ссылаются на внешние причины, вызвавшие его (поднятие тяжестей, падение и т.п.). Хотя средствами современной медицины не трудно установить действительную причину наступивших последствий, т.е. незаконный аборт, далеко не всегда удается выявить лицо, производившее аборт.

Чтобы в какой-то степени определить социально-психологическую обусловленность незаконных абортов в современных условиях, обратимся к характеристике как виновных лиц так и потерпевших.

Среди всех осужденных за исследованный нами период был только один мужчина (врач). Среди субъектов преступления лица с высшим медицинским образованием составили 20%, 33% осужденных имели среднее медицинское образование, а 47% осужденных вообще не имели какого-либо медицинского образования. Тревожный фактор: каждая третья виновная занималась малоквалифицированной работой (посудомойщицы, кофегары и т.п.) или вовсе не работала в связи с достижением пенсионного возраста. Средний возраст осужденных за незаконное производство аборта - 51 год.

Только два незаконных аборта были произведены в больнице, остальные в квартирах виновных или потерпевших, как правило, при отсутствии элементарных гигиенических условий.

И еще один показатель, вызывающий тревогу: 67% виновных лиц уже ранее были судимы по этой же статье, т.е. за незаконное производство аборта (здесь мы включили и фактический рецидив, т.е. те случаи, когда к моменту привлечения к уголовной ответственности прежняя судимость была погашена или снята).

Во всех случаях за незаконное производство аборта

виновные получали вознаграждение в пределах от 25 до 150 рублей. Следовательно, доминирующим мотивом преступного поведения мы вправе считать корысть, хотя в отдельных случаях виновные руководствовались и другими мотивами например, желанием помочь и т.п.

В 20% случаев производства незаконных абортов к уголовной ответственности были привлечены также соучастники (в качестве организаторов и пособников).

Как уже было отмечено, по всем изученным уголовным делам (за исключением одного случая) виновные были осуждены по ч.3 ст.113 УК ЛатвССР, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок до 7 лет. Однако ни в одном случае за исследованный нами период лишение свободы реально не применялось. 36% виновных лиц были осуждены к лишению свободы условно, в остальных случаях - была применена ст.41 УК ЛатвССР и наказание было назначено ниже низшего предела. С учетом выявленного фактического рецидива (67%) напрашивается вывод, что подобная карательная практика по делам данной категории явно не достигает цели специального предупреждения.

По делам о незаконном производстве абортов ярко вырисовывается элемент виктимности, т.к. без соответствующего поведения самих потерпевших это преступное деяние не может быть реализовано.

Из всех потерпевших 70% составили замужние женщины, до производства незаконного аборта 77% потерпевших имели детей. Следует также отметить, что 53% потерпевших были в возрасте до 25 лет, половина из них - замужние. Несовершеннолетними оказались две потерпевшие.

46% потерпевших впервые обратились к врачу, когда беременность уже превысила 12 недель и производство незаконного аборта таким образом исключалось. Все потерпевшие обращались за советом и помощью к подругам, знакомым, коллегам по работе в поисках "подпольных абортистов", которые могли бы прервать нежелательную для них беременность.

Так как значительная часть потерпевших — это зрелые, замужние женщины, определенный интерес представляют объяснения их мужей по поводу произведенного аборта. Оказывается, что мужья обычно знали о предстоящем аборте, но не знали того где, кем и в каких условиях он производится. Муж одной из потерпевших пояснил, что он в течение двух недель каждый вечер сопровождал свою жену "к какой-то женщине" на инъекции с целью прерывания беременности. В итоге жена скончалась вследствие общего отравления организма.

Показательно дело по которому потерпевшей явилась 16-летняя Т.А. О беременности дочери родителям стало известно, когда её срок превысил 6 месяцев. По настоянию матери: мол вся жизнь впереди и еще рано думать о семье, Т.А. согласилась на аборт. В результате она навсегда лишилась возможности стать матерью [5].

Казалось бы, что в современных условиях отсутствует скольконибудь веские причины к тому, чтобы потерпевшие прибегали к производству незаконного аборта. Однако проведенное нами исследование позволило прийти к некоторым выводам относительно того почему потерпевшие в целях прерывания беременности прибегают к производству нелегального аборта.

Во-первых, это боязнь того, что прерывание беременности, поскольку оно осуществлено с соблюдением всех медицинских и юридических предписаний, может стать известным более или менее широкому кругу лиц и, следовательно, вызовет упреки морального характера.

Во-вторых, крайне легкомысленное отношение к наступлению беременности, тем более, нежелательной. Об этом достаточно ярко свидетельствует ряд примеров из судебной практики.

Так, потерпевшая С.Э. пояснила, что она не знала о наступившей беременности в течение срока, когда аборт мог бы быть произведен на законных основаниях. Потерпевшая В.И. объяснила свой поступок тем, что аборт в больнице (т.е. хирургическим путем) якобы весьма болезненная про-

педура и поэтому она избрала "домашний вариант". Третья потерпевшая Ч.И. пояснила, что никогда не обращалась к гинекологу и не проходила профилактические осмотры в поликлинике.

Мы специально выбрали именно эти примеры, так как все упомянутые потерпевшие-взрослые замужние женщины, имеющие детей.

Прежде чем обратиться к вопросам повышения эффективности борьбы с незаконными абортами, попытаемся определить самые характерные черты этого преступного деяния в целом. На наш взгляд, это, во-первых, высокая латентность, во-вторых, значительный рецидив, в третьих, тяжелые последствия.

Всё это свидетельствует об имеющихся недостатках в работе по предупреждению незаконных абортов как со стороны медицинских учреждений, так и правоохранительных органов.

Причины абортов, в том числе незаконных, довольно подробно рассмотрены в приказе № 620 от 12 июня 1979 г. Министра здравоохранения СССР "О состоянии и мерах по снижению абортов в стране." Несомненно на некоторое сокращение абортов в период с 1970 по 1978 год (на 1,5% в целом и на 9,2% незаконных), в работе медицинских учреждений, связанной с сокращением числа абортов все же еще имеются серьезные недостатки. Главные из них сводятся к следующему: не везде правильно организована работа в женских консультациях, недостаточно анализируются случаи незаконных абортов, имеются недостатки в снабжении населения противозачаточными средствами, во многих республиках недостаточное количество мест в больницах для производства абортов, во многих случаях медицинское оборудование не соответствует современным требованиям.

Нет необходимости более подробно останавливаться на перечисленных в данном приказе мерах медицинского характера по предупреждению абортов. однако отметим, что в области профилактики незаконных абортов необходимо тесное

сотрудничество медицинских учреждений и правоохранительных органов. Это обусловлено спецификой этого преступного деяния.

Прежде всего необходима самая широкая и высококвалифицированная разъяснительная работа, в том числе в сфере полового воспитания. Надо признать, что в школах во многих случаях с будущими женщинами-матерями еще слабо, слишком стеснительно ведется самая элементарная воспитательная работа в области половых вопросов. Далеко не всегда девочки могут получить соответствующую информацию в семье. Об этом наглядно свидетельствовали приведенные нами примеры из судебной практики. В процессе разъяснительной работы одновременно необходимо разъяснять к каким трагическим последствиям могут привести незаконные аборты.

В сфере взаимодействия медицинских учреждений и правоохранительных органов необходимо добиться большей оперативности по выявлению лиц, занимающихся незаконным производством абортов.

В сфере же применения уголовного наказания к виновным лицам, на наш взгляд, необоснованно либеральная карательная политика не способствует достижению целей ни общего, ни, тем более, специального предупреждения.

Список литературы

1. См.: Курс советского уголовного права: Часть особенная. - М., 1971, т.5, с.129.
2. См.: Курс советского уголовного права: Часть особенная. - Л., 1973, т.3, с.592.
3. См.: Инструкция Министерства здравоохранения СССР от 8 августа 1976 г. "О порядке проведения операции искусственного прерывания беременности (аборта)".
4. См.: Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. - Минск, 1973, с.172.
5. Уголовное дело нарсуда Рижского района I-80/2 за 1982 г.

О РАСХОЖДЕНИИ СТРУКТУР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И УПК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Все более частое обращение советских правоведов к применению системных идей, понятий и методов в исследовании права, в том числе и уголовно-процессуального, не является "данью моде". Обращение к "системной проблематике" стимулируется не только стремлением позаимствовать уже готовый концептуальный аппарат, сколько необходимостью общей ориентации в определенных исходных установках для решения тех или иных конкретных проблем. В силу этого системные исследования позволяют удовлетворить самый широкий спектр разнонаправленных научных интересов [1]. Применение системных исследований в науке уголовного процесса дает, в частности, возможность получить представление об уголовном процессе как о специфической целостности, об его интегративных свойствах, связях его элементов, его составе и строении.

Представляется плодотворным обращение к системному подходу и при рассмотрении структуры уголовно-процессуального права Латвийской ССР. Системный подход предполагает исследование уголовно-процессуального права как системы. Утверждение о том, что уголовно-процессуальное право является системой ни у кого не вызывает сомнения, поскольку совокупность составляющих уголовно-процессуальное право правовых норм обладает всеми свойствами системы. Уголовно-процессуальному праву, как и любой системе, присуща взаимосвязанность входящих в него элементов (процессуальные нормы связаны общностью целей, предмета и метода регулирования), уголовно-процессуальное право обладает устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, упорядоченностью и относительностью функционирования [2]. Подобно любой системе уголовно-процессуальное право определенным образом организовано, упорядочено, иначе говоря, обладает структурой - этим отличающимся постоянством (инвариантным) аспектом любой системы, отвечающим

на вопрос каков состав и строение системы, в каких отношениях друг к другу находятся её элементы, как они между собой связаны [3].

Основным элементом всякой правовой системы является правовая норма. Последняя выступает в качестве основного элемента потому, что при формировании системы воспринимается как неделимый элемент. "Понятие системы, как и любое другое познавательное средство, описывает некоторый идеальный объект. С точки зрения его внешних свойств этот идеальный объект выступает как множество элементов, на природу которых не накладывается никаких ограничений, кроме одного - для данной системы эти элементы являются неделимыми единицами" [4]. Неделимость правовых норм относительна. Для других задач, а следовательно, в рамках систем других уровней правовые нормы могут подвергаться дальнейшему членению на гипотезу, диспозицию и санкцию, но в любом случае при формировании правовой системы мы имеем дело с правовыми нормами как неделимыми для данной системы элементами. Сказанное в полной мере относится и к системе уголовно-процессуального права. Следует дополнить, что все структурные подразделения уголовно-процессуального права (равным образом и любой иной правовой системы) суть результат интеграции соответствующих правовых норм.

Нормы уголовно-процессуального права, как уже было замечено выше, взаимосвязаны между собой. Связи эти многозначны, однако при всей их многозначности среди них особо выделяются связи формирования правовых норм в систему уголовно-процессуального права, то есть системообразующие связи. Системообразующие связи прослеживаются при изучении системы в её предметном бытии, то есть в статике, что позволяет вычленить структурные уровни системы, необходимые и достаточные для её существования и, в конечном итоге, выявить весь набор присущих данной системе элементов. К числу системообразующих связей некоторые авторы относят генетические, структурные (связи строения),

субординации, координации (взаимодействия), управления^[5]. Соглашаясь, в первом приближении, с таким набором системобразующих связей, хотелось бы обратить внимание на то, что приведенные связи с точки зрения их значения для формирования системы неоднородны. Так, например, первостепенное значение для формирования системы имеют генетические связи, если под ними понимать связи по предмету регулирования. Генетические связи позволяют, например, достаточно точно определить относимость той или иной правовой нормы к системе уголовно-процессуального права, дают возможность отличить органически присущие этой системе нормы от привнесенных извне.

Нормы уголовно-процессуального права объединены (интегрированы, дифференцированы) в различные общности в зависимости от назначения их для регулирования тех или иных процедур, операций, участков, стадий, сторон уголовно-процессуальной деятельности, тех или иных конкретных общественных отношений, складывающихся в процессе этой деятельности. В юридической литературе высказывается мнение о возможности выделения в рамках одной отрасли права, помимо норм, таких структурных элементов как субинститут, институт, объединение институтов, подотрасль^[6]. Не подвергая сомнению возможность выделения всех названных структурных элементов в других отраслях права, было бы уместным заметить, что в системе уголовно-процессуального права эти структурные элементы находятся в несколько скорректированном виде. Объясняется это главным образом тем, что уголовно-процессуальные нормы группируются соответственно атрибутивному свойству уголовного судопроизводства развиваться путем последовательно сменяющих друг друга стадий. Каждой стадии адекватна соответствующая совокупность процессуальных норм, которая может не охватываться ни понятием "институт", ни понятием "объединение институтов", не говоря уже о понятии "подотрасль", которому вряд ли возможно обнаружить в уголовно-процессуальном праве.

В системе уголовно-процессуального права, на наш

взгляд, вычлeняются помимо норм такие, например, структурные единицы: 1) субинститут, куда включаются группы с относительно большим диапазоном количества входящих в эти группы норм, регламентирующих, как правило, отдельные процедуры, операции уголовно-процессуальной деятельности (например, возбуждение производства по вновь открывшимся обстоятельствам, порядок сношения органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания Латвийской ССР с соответствующими органами других союзных республик); 2) институт, объединяющий группу норм, обеспечивающих "цельное, относительно законченное регулирование участка [7] уголовного судопроизводства (например, производство экспертизы), а иногда и стадию уголовного процесса (например, возбуждение уголовного дела); суперинститут, представляющий собой объединение институтов или институтов и субинститутов, регулирующий обычно отдельную стадию уголовного судопроизводства; 4) Часть - наиболее высокого уровня общность процессуальных норм, которая выступает в качестве подсистемы уголовно-процессуального права и объединяет или процессуальные нормы, регулирующие общие для всех или большинства стадий вопросы уголовно-процессуальной деятельности (общая часть) или все иные, в отличие от общих специальные процессуальные нормы, соответственно регулирующие каждую отдельную стадию процесса (особенная часть).

Структура уголовно-процессуального права находит свое выражение в структуре уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, в частности УПК Латвийской ССР. "Конечно, структуру права, с одной стороны, и структуру законодательства *, с другой, отождествлять нельзя. Но их и нельзя отрывать друг от друга, противопоставлять. Они соотносятся как "внутренняя" и "внешняя" структуры. Отклонения внешней структуры от внутренней являются не правилом, а пусть и частыми, но все же - исключениями, обусловленными внешними объективными и субъективными причинами" [8]. Это суждение С.С.Алексеева о соотношении струк-

тур права и законодательства справедливо и для структур уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального закона. Как правило, в УПК Латвийской ССР институты сформированы в виде отдельных глав (например, возбуждение уголовного дела - глава 10, производство экспертизы - глава 18), а суперинституты - или в виде совокупности глав (например, предварительное следствие - главы 12-19, судебное разбирательство - главы 23-27), или в виде разделов (например, пересмотр приговоров и определений, вступивших в законную силу - раздел 5). Однако в некоторых случаях нормы, составляющие самостоятельный процессуальный институт, не формируются законодателем в отдельную главу, а включаются в различные главы и разделы. Например, нормы института гражданского иска в УПК Латвийской ССР содержатся в главе 9 "Участники процесса, их права и обязанности" раздела второго, в главе 12 "Общие условия производства предварительного следствия" раздела третьего, в главе 16 "Обыск, выемка, опись имущества" раздела третьего, в главе 27 "Постановление приговора" раздела четвертого. Однако и в тех случаях, когда правовые институты сформированы в УПК в виде обособленной главы, не все нормы этого института включаются в данную главу. Так, например, в главу 18, посвященную институту производства экспертизы, не включены нормы, устанавливающие обязательное проведение экспертизы, понятие эксперта, его процессуальное положение и отвод. Они включены в ст.ст. 59, 60, 61, 62 главы 5 "Доказательства", а нормы о производстве экспертизы в суде (ст. 286), в том числе о дополнительной и повторной экспертизе (ст. 288) а также о допросе эксперта (ст. 287) - в главу 25 "Судебное следствие". Аналогичным образом закреплен и институт возбуждения уголовного дела, составляющий главу 10 УПК. Кроме этой главы нормы, относящиеся к возбуждению уголовного дела, содержатся в главе 12 "Общие условия предварительного следствия" (ст. 131 Соединение и разъединение уголовных дел), в главе 23 "Общие условия судебного разбирательства" (ст. 256 Возбуждение уголовно-

го дела по новому обвинению, ст.257 Возбуждение уголовного дела в отношении другого лица), а также в глава I "Основные положения" (ст.3 Связанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления).

Распыление того или иного института по различным структурным подразделениям УПК затрудняет не только правоприменительную деятельность, усложняя уяснение взаимных связей между нормами правового института, но и небезразлично с точки зрения законодательной техники, поскольку группировка всех норм правового института в обособленную главу "помогает законодателю предупредить пробелы, несоответствия, неувязки между отдельными нормами, относящимися к данному объекту правового регулирования" [9]. Представляется, что любой правовой институт уголовно-процессуального права должен быть сформирован в виде самостоятельной структурной единицы уголовно-процессуального кодекса, включающей в себя всю совокупность норм, образующих этот институт.

Однако такое формирование структурных подразделений УПК сопряжено с определенными объективными трудностями, которые А.М.Ларин относит к категории объективных ограничений тенденции законодателя к объединению норм в обособленные главы сообразно правовым институтам. Он пишет: "Объективным ограничением данной тенденции является присущая праву в целом и его отдельным отраслям полисистемность. Одни и те же нормы и элементы норм могут одновременно (разными сторонами, по разным основаниям) включаться в состав разных институтов [10]. С глашаясь с мнением о полисистемности правовых норм, следует, однако, заметить, что нормы любого правового института, несмотря на их полисистемность, могут быть связаны в одну главу (или иное структурное подразделение) и уж затем, будучи соответствующим образом модифицированы, включаться в состав других структурных единиц.

В этом смысле немаловажным является и включение в УПК всех союзных республик одного и того же правового

института на один и тот же структурный уровень. Система уголовно-процессуального права каждой союзной республики разработана на базе единых общих положений, содержащихся в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и в ряде других общесоюзных актов и в силу этого обладает единством содержания. Единство содержания обуславливает единство структуры уголовно-процессуального права, а в конечном счете объективно ведет и к необходимости единства структуры УПК, в котором система уголовно-процессуального права находит свое внешнее выражение. Между тем структура уголовно-процессуальных кодексов вряд ли может быть признана единой, поскольку один и тот же правовой институт в различных УПК находится на разных структурных уровнях, то есть относится к числу различных структурных единиц. Так, например, институт возбуждения уголовного дела в УПК Латвийской ССР сформирован в виде главы 10, входящей в раздел третий "Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие", а в УПК Литовской ССР этот же институт выделен не в главу, а в самостоятельный второй раздел. Или в УПК Латвийской ССР нормы, закрепляющие процессуальное положение участников процесса, сгруппированы в самостоятельном разделе (раздел второй), а в том же УПК Литовской ССР — в виде главы 5 раздела 5 раздела первого. В УПК Латвийской ССР нормы института отвода содержатся в различных главах, а, скажем, в УПК Киргизской ССР эти нормы сгруппированы в одной главе, специально посвященной отводам.

Такого рода расхождения в структуре УПК союзных республик не могут быть объяснены ни национальными, ни географическими, ни бытовыми и никакими-либо иными особенностями той или иной союзной республики. Они вызваны, скорей всего, субъективными причинами и не имеют под собой достаточно серьезного обоснования. Объясняется это, по-видимому, тем, что в период разработки уголовно-процессуального законодательства союзных республик тогдашнее состояние развития теории систем и возможность использо-

вания её достижений в науке уголовного процесса еще не позволяли поставить вопрос о системном подходе к исследованию уголовно-процессуального права.

Говоря о структуре уголовно-процессуального закона, в частности УПК Латвийской ССР, нельзя не заметить, что в число его структурных единиц включаются такие общности правовых норм, которые не имеют своего аналога в уголовно-процессуальном праве. Рассматривая систему уголовно-процессуального права с позиции генетических связей, можно прийти к выводу о том, что ряд включенных в УПК Латвийской ССР норм такими связями не охватывается, то есть в систему уголовно-процессуального закона произвольно включены нормы, органически этой системе неприсущие, коль скоро они направлены на регулирование отношений, непосредственно не связанных с расследованием и рассмотрением уголовных дел. Речь, прежде всего, идет о нормах, регламентирующих применение мер административного взыскания к лицам, освобождаемым от уголовной ответственности. Совокупность этих норм, составляющих особый правовой институт, включена в УПК Латвийской ССР в виде его одиннадцатого раздела.

Из всех статей главы 37, составляющей одиннадцатый раздел, только ст. 45¹ содержит нормы, относящиеся к уголовному судопроизводству (в них регламентируются некоторые вопросы прекращения уголовного дела в связи с рассмотрением вопроса о применении мер административного взыскания). Однако эти нормы ничего дополнительного в систему уголовно-процессуального права не вносят, поскольку лишь дублируют, по сути дела, нормы, уже содержащиеся в нем (ст. 5² УПК Латвийской ССР). Вся совокупность правовых норм, содержащихся в разделе одиннадцатом, не вписывается в систему уголовно-процессуального права, поскольку эта совокупность индифферентна к системообразующим связям данной системы. Приведенное обстоятельство не позволяет согласиться с утверждением о том, что производство по применению мер административного взыскания относится к так называемым "вариантным" институтам уго-

ловно-процессуального права. Л.Б.Алексеева, применившая этот термин, полагает, что "к таким институтам (вариантным - М.Ш.) следует отнести системы норм, регулирующих производство по делам несовершеннолетних, производство по применению принудительных мер медицинского характера, производство по применению мер административного взыскания, производство по делам, по которым предварительное следствие не обязательно" [1]. Включение в число вариантных институтов производства по применению мер административного взыскания нельзя признать верным уже потому, что после вынесения в установленном законом порядке постановления органа дознания, следователя, прокурора (или вступления в законную силу определения суда) о прекращении уголовного дела уголовное судопроизводство заканчивается. За пределами этих процессуальных актов, то есть при производстве по применению мер административного взыскания нет ни уголовно-процессуальной деятельности, ни естественно, уголовно-процессуальных отношений. А это в свою очередь означает, что нормы, регламентирующие порядок производства по применению мер административного взыскания к лицам, освобождаемым от уголовной ответственности, генетически с системой уголовно-процессуального права не связаны. Нет с этими нормами и других системообразующих связей (взаимодействия, управления и пр.). Но если рассматриваемые правовые нормы не входят в систему уголовно-процессуального права, то их совокупность, надо полагать, не может быть включена в УПК Латвийской ССР в качестве его структурной единицы.

Случаи отклонения структуры УПК Латвийской ССР от структуры уголовно-процессуального права, разноречия в структуре УПК союзных республик, несмотря на единство их содержания, обуславливают необходимость глубокого исследования соотношения структуры уголовно-процессуального права и структуры уголовно-процессуального закона. В настоящее время научных работ такого плана, за исключением, может быть, упоминавшейся здесь статьи А.М.Ларина о струк-

туре возбуждения уголовного дела, в литературе по сути дела нет. Системные исследования структур уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального закона позволяют выявить сущность несоответствия между данными структурами и влияние этого несоответствия на правоприменительную деятельность в судопроизводстве, на полноту правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности по расследованию и разрешению дел и последующей разработке рекомендаций по изменению структуры уголовно-процессуального закона с целью повышения его эффективности.

Список литературы

1. Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований. - В кн.: Системные исследования: Методологические проблемы. - М., 1981, с.8.
2. Керимов Д.А. Философские проблемы права. - М., 1972, с.278.
3. Аверьянов А.Н. Система: философская категория и реальность. - М., 1976, с.39-40.
4. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. - М., 1974, с.83.
5. Черданцев А.Ф. Системобразующие связи права. - Сов. государство и право, 1974, № 8, с.10.
6. Алексеев С.С. Структура советского права. - М., 1975.
7. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. - М., 1979, с. 128.
8. Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права. - Сов. государство и право, 1971, № 3, с.44.
9. Ларин А.М. Структура института возбуждения уголовного дела. - Сов. государство и право, 1978, № 5, с.77.
10. Ларин А.М. Указ. соч., с.77.
11. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. - М., 1979, с.134.

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

В последние годы в социалистической криминалистике появился ряд работ, в которых наряду с другими аспектами, обсуждаются проблемы криминалистического мышления [1]. Буржуазная криминалистика также достигла в данной проблематике определенных результатов, причем особо следует отметить труд Г. Валлера [2].

Данное исследование не ставит своей целью обосновать наличие в криминалистике особого раздела, посвященного исключительно криминалистическому мышлению. Если рассматривать процесс мышления как внутреннюю и познавательную деятельность индивида, направленную на решение строго определенных задач, целенаправленную обработку информации, то станет совершенно очевидным огромное значение познавательной деятельности для криминалистики, ибо криминалистика имеет дело с раскрытием преступлений, т.е. с событиями, имевшими место в прошлом. Поэтому следует признать, что проблемы мышления играют существенную роль во всех разделах криминалистики.

Несомненно, что общая теория и методология социалистической криминалистики (на самом высоком уровне её абстрагирования) и криминалистическая психология (как комплексная отрасль научного знания, находящаяся на стыке юридических и психологических наук) не должны оставаться в стороне от обсуждения проблем мыслительной деятельности при расследовании преступлений. Специфика криминалистического мышления обусловлена процессами познания и доказывания, осуществляемыми при расследовании преступлений [3]. Тот факт, что значимое для органов расследования событие, которое необходимо установить, является событием прошлого, уже с самого начала предопределяет процесс его расследования. Расследование преступлений движется от последствий происшествия к их причине, к установлению самого происшествия. Но это совсем не означает, что криминалисты действуют исключительно индуктивным методом. Мыслитель-

ные процессы при расследовании преступлений характеризуются последовательным сочетанием как индуктивных, так и дедуктивных методов познания [4]. Дедуктивные методы следуют за индуктивными, если криминалист вначале исходит из индуктивно построенной модели преступления, затем делает выводы, имеющие значение для дальнейшего ведения следствия, т.е. для поиска еще не обнаруженных следов на месте происшествия и тем самым для усвершения предполагаемой модели познаваемого преступления. Однако криминалистическое мышление - это нечто большее, чем сочетание индуктивных и дедуктивных методов мышления и построение идеальных моделей в процессе расследования [5]. Мыслительные процессы при расследовании преступлений - это оперирование большим количеством информации, искусство отбирать и оценивать все известные факты, умение комбинировать факты (как доказанные, так и вероятные), способность выдвигать версии; отфильтровывать из полученного мыслительного материала наиболее общее, существенное и закономерное. При этом мыслительная деятельность криминалиста не ограничивается размышлением над достоверно установленными или предполагаемыми обстоятельствами дела. Она должна также охватывать практическую организацию криминалистической деятельности, эффективность которой, как известно, во многом зависит от ясности мышления, предшествующего практическому воплощению мышления в жизнь. Мысль и практическое действие в процессе расследования преступлений составляют диалектическое единство.

В криминалистической литературе высказываются различные мнения относительно роли логики в расследовании преступлений: в ряде случаев роль логики явно преувеличивается, не имеют места и противоположные мнения. Встречаются утверждения, что криминалистическое мышление прежде всего является логическим мышлением. Следует признать, что данное суждение верно. Логически мыслить - значит мыслить последовательно, непротиворечиво, обоснованно, доказательно и корректно, в полном соответствии с зако-

нами логики строить умозаключения путем применения индукции и дедукции, размышлять по аналогии. Но и логика размышления имеет свои границы: "она (т.е. формальная логика Ф.-Р.Ш.) развивает только то, что уже заложено в предпосылках. Искусство состоит не в том, чтобы делать правильные выводы из имеющихся предпосылок — это мог бы сделать и хороший автомат: особые возможности мышления заключаются в том, чтобы из определенных фактов вывести все возможные последствия путем привлечения к мышлению всей совокупности знаний, которыми обладает размышляющий. Иными словами, мы должны предусмотреть какой предшествующий жизненный опыт, положения каких областей научного знания следует использовать и применить к имеющимся посылкам для того, чтобы прийти к определенному умозаключению. Умение найти дополнительный мыслительный материал к имеющимся фактам и формальная логика составляют основу искусства ведения криминалистического следствия" [6].

Недооценка роли логики в расследовании преступлений заключается прежде всего в преуменьшении значения формальной логики. В частности, в научной дискуссии об основоположениях криминалистической идентификации (например, об её объекте и предмете) было высказано мнение, что все эти вопросы могут быть разрешены только с позиций диалектической логики. Разумеется, что формально-логическое понимание тождества, как на это обратил внимание еще Ф.Энгельс [7], недостаточно для того, чтобы понять развитие объектов, их внутренние противоречия и диалектические взаимосвязи. Однако формально-логическое тождество пригодно для применения к тем случаям, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени, в течение которого объект продолжает существовать без существенных изменений и превращений в новый объект. Одним из первых на значение законов формальной логики в криминалистической идентификации указал А.И.Винберг [8].

Криминалистическое мышление ориентируется на решение тех задач, которые определяются предметом криминалистиче-

ской деятельности. Однако способы решения этих задач весьма различны. В одних случаях оказывается достаточным выявить те или иные факты (без учета их доказательственного значения), в других - необходимы доказательства в их уголовно-процессуальном значении для подтверждения этих фактов. Большинство авторов, которые занимаются этой проблематикой, признают, что не все криминалистические действия (как в сфере мышления, так и в практической деятельности) являются доказыванием [9]. Их мнения относительно того, как соотносятся между собой познание и доказывание, расходятся. Так, Э. Штельцер более широким считает понятие "познание" нежели "доказывание". Понятие "познание" он употребляет в широком смысле слова как процесс установления истины, а понятием "доказывание" он обозначает только этап познавательного процесса. Посредством доказывания, по его мнению, обосновывается достоверность выдвигаемого положения [10].

В противоположность этому взгляду существует концепция, в соответствии с которой, криминалистика является наукой о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств [11]. В данной концепции понятие доказывания шире понятия познания.

Проблема о соотношении указанных понятий, на наш взгляд, может быть положительно решена с учетом следующих соображений.

Во-первых, познание, взятое в целом, т.е. познание обстоятельств, не имеющих доказательственного значения, и доказывание определенных обстоятельств, осуществляемое в соответствии с нормами УПК, различаются по целям. Цели познания в отличие от целей доказывания в большинстве случаев возможно рассматривать лишь как промежуточные и с этой точки зрения приоритет принадлежит, разумеется, доказыванию, а не познанию.

Во-вторых, нельзя признать достаточно исследованным вопрос о том, какой из двух взаимосвязанных процессов - познание или доказывание - имеет преимущественное значе-

ние с точки зрения практики. Нередко познавательная деятельность криминалиста непосредственно сливается с выявлением средств доказывания (например, при допросе обвиняемого). Следует также признать, что нередко приходится решать множество познавательных задач для получения одного единственного доказательства.

И, в-третьих, необходимо также проанализировать с точки зрения логики взаимосвязь указанных понятий. То, что процессы познания и доказывания не должны отождествляться уже отмечалось некоторыми авторами⁹. Однако вывод с том, что данные понятия не совпадают, далеко не однозначен, поскольку между ними может быть установлено различное соотношение.

"Познание, - как отмечал В.И. Ленин, - есть отражение человеком природы" [12]. Иначе говоря, процесс познания направлен на получение достоверных знаний об объективной реальности. В противоположность этому, доказывание представляет собой логическую операцию, процесс, направленный на установление истинности высказанной мысли посредством привлечения других мыслей.

Связь познания и доказывания может быть представлена двояким образом. Во-первых, они образуют единство, поскольку истинность мыслей, как в науке, так и в других областях общественной жизни, постоянно нуждается в подтверждении (мысль, как результат простой догадки, может быть, конечно, истинной, но она не является обоснованной), обоснованию же высказываемых мыслей предшествует их выработка в процессе познания. Во-вторых, не исключено, что при познании какого-либо факта являються доказательства этого факта, так же как в процессе доказывания приобретаются новые знания. Изложенное не позволяет отождествлять познание и доказывание и в то же время свидетельствует об их неразрывной связи между собой.

Подводя итоги, следует отметить, что познание и доказывание являются двумя сторонами единого процесса и могут быть четко разграничены лишь в абстракции. По этой

причине криминалистика не отдает предпочтение ни одной из сторон за счет другой и рассматривает их в единстве. ^{xxx}

Этим мы приблизились, хотя и косвенным путем, к основному вопросу, обсуждаемому криминалистическим мышлением: вопросу разграничения двух органически связанных частей процесса. Мы исходим из тезиса о том, что "обоснованность, доказательность - это важное свойство правильного мышления" [13]. И все же при этом познание и доказывание решают различные задачи.

Излагаемая нами позиция при формировании задач криминалистики представляется более четкой, нежели та, которая рассматривает криминалистику как науку о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств. И хотя получение доказательств составляет конечную цель в расследовании, было бы неправомерно рассматривать как доказательства все то, чем оперирует криминалист, например, при осмотре места происшествия, ибо он еще находится на уровне гипотетического знания. Против признания понятия "доказательство" единственной и ведущей категорией криминалистики свидетельствует такой факт: такие криминалистические меры как преследование по горячим следам, розыск свидетелей и т.п., направлены на достижение промежуточных целей, но не на получение доказательств.

xxx

Несомненно, что в уголовном судопроизводстве и особенно в доказательственном праве, дело обстоит иначе, ибо здесь приоритет принадлежит доказыванию. Но предмет криминалистики ни в коем случае не может быть приравнен к предмету уголовного процесса в целом или к одному из его этапов. Следует отметить, что в упомянутой нами концепции Э. Штельцера акцентировано внимание на то, что понятие "познание" более высокого порядка чем понятие "доказывание". Сразу же возникает вопрос: что же остается от одного процесса, если из него исключить доказывание? Ответ состоит в том, что это только познавательный процесс в его специальном значении, как он и рассмотрен в настоящей работе.

Поэтому предмет криминалистического познавательного процесса несомненно является более широким и всеобъемлющим нежели предмет доказывания. То, что в дальнейшем используется в уголовно-процессуальном доказывании, весьма часто составляет лишь часть результатов, добытых в обширной и многогранной криминалистической познавательной деятельности. Поэтому подлинно основной и конечной целью — получению доказательств предшествует другая — поиск средств познания, их исследование и оценка, ориентированная при этом на возможное в дальнейшем доказывание.

Криминалистическое мышление направлено на достижение соответствующих ему целей, хотя и не упускает из виду взаимосвязь познания и доказывания. Различия между ними проявляются в решаемых или вопросах: Кто преступник? Действительно ли Х. является преступником или им окажется другое лицо? В других случаях: каков предположительный ход событий? Как я докажу вид и способ совершения преступления? Возможно ли по конкретному расположению следов сделать выводы о мотивах преступления? Если да, то какие? Как могут быть доказаны мотивы действия преступника?

Г. Вальдер называет криминалистический процесс познания эвристической криминалистикой в отличие от процесса доказывания, который он именует силлогической криминалистикой.^{XXX} Он пишет: "Криминалистическое мышление не знает сомнений; по крайней мере как эвристическое мышление оно должно быть уверенным в себе поскольку при этом не нарушаются правила мышления" [14]. Этого нельзя утверждать относительно доказывания. Познание отличается от доказывания тем, что оно не регламентировано законом, в то же время как доказывание в уголовном судопроизводстве подвергнуто строгой регламентации. Поводом к "эвристическому" мышлению криминалиста служат, например, при исследовании места происшествия его восприятия (или восприятия других лиц, сообщенные ими криминалисту без занесения их в протокол).

XXX

Эти понятия следует обсудить особо. — Ф.—Р.Ш.

Криминалист нередко на основе ограниченного фактического материала срочно принимает решения относительно дальнейшего расследования. Однако для уголовного-процессуального доказывания этого фактического материала явно недостаточно, хотя бы даже по убеждению следователя обстоятельства дела ему ясны: в этих случаях не соблюдены предписанные законом формы удостоверения полученных фактических данных путем документирования результатов осмотра или составления протокола допроса заявителя.

Вследствие этого мышление в "эвристической" форме имеет другую структуру: здесь оперируют предположениями, гипотетическое познание строит различные сочетания из известных ему фактических данных, используя при этом и метод аналогии. Здесь занимает прочное место также интуиция и фантазия, потому что "процесс познания включает также такие формы мыслительной деятельности, как предвидение, фантазия, воображение, мечта, интуиция, которые на основе накопленных в производственной деятельности знаний дают возможность предугадать дальнейшее развитие предметов, явлений объективного мира" [15]. Следует признать, что эти области криминалистического мышления не применимы в процессе доказывания.

С.Л.Рубинштейн считает, что мышление характеризуется "свойственной ему привилегией" - привилегией ошибаться: только в процессе мышления возможны ошибки, ошибается только мыслящий человек. С.Л.Рубинштейн уточняет данное положение: "не ошибка сама по себе является привилегией мышления, как осознанного процесса, а возможность осознать ошибку" [16].

Для мыслительной деятельности криминалиста эта "привилегия" также действительна, но она присуща только познавательному этапу, где только и возможно оперировать предположениями. Такие предположения составляют собственно творческий элемент криминалистического мышления. То, что может быть совершенно точно установлено, путем умозаключения выведено и обосновано, не нуждается в дальней-

шем обдумывании, если, конечно, при этом не была совершена логическая ошибка. Точно установленные данные используются для выдвижения новых предположений.

Изложенное показывает, что методы оперирования предположениями в доказывании не применимы: здесь нет места гипотезам. Конечно, и предположения могут быть истинными, но для доказывания того или иного положения необходима убежденность в этом.

"Привилегия" криминалистического мышления допускать ошибки не является, конечно, призывом ошибаться при выдвижении версий. Мы подчеркиваем только то обстоятельство, что в сложных познавательных структурах, какой является расследование преступлений, ошибки не только возможны, но и в ряде случаев неизбежны, но каждая такая ошибка не должна влечь нежелательных последствий. Мы имеем в виду такие случаи, когда криминалист критически оценивает свою мыслительную деятельность, осознает некорректность своего мышления, исключая тем самым его последствия в виде нарушения прав и законных интересов граждан. Своевременно отказаться от неподтвердившихся предположений, не выдавать их за правду, не держаться упрямо за понравившиеся, но не подтвердившиеся версии, — всё это характеризует критическое отношение к своему мышлению. Мыслительная деятельность плодотворна до тех пор пока она при объяснении действительности перебирает возможные варианты, проверяет их в процессе практической деятельности, проводимых следственных действий и приближается к установлению истины.

Результаты познавательного процесса имеют для криминалиста ориентировочный характер и хотя они и не являются доказательствами в уголовно-процессуальном смысле, могут стать таковыми после того, как будут отвечать требованиям закона.

Доказывание в уголовном судопроизводстве играет центральную роль потому, что им обеспечивается достижение истины по делу, обоснование принятого по делу решения,

общественное признание принятого решения и обусловленное им воспитательное воздействие на правонарушителя. Такова функция доказывания, которой должны придерживаться следственные органы в своей деятельности.

Целью данной работы было стремление показать, что криминалистическое мышление по своим задачам и аспектам является более многогранным и дифференцированным, чем представляется на первый взгляд. Подобная характеристика криминалистического мышления не имеет ничего общего с недооценкой уголовно-процессуального доказывания.

Криминалистика при определении своего предмета (в том числе и при научном рассмотрении криминалистического мышления) должна исходить из реально стоящих перед практикой задач. Она не вправе ограничиваться исследованием лишь одного из аспектов своего предмета, хотя и эта сторона имеет для практики существенное значение. Поэтому можно согласиться с Э.Штельцером в том, что предметом социалистической криминалистики являются "процессы, закономерности, явления и методы", познание которых в соответствии с правилами доказывания и предупреждения преступлений необходимо для установления и исследования фактов и обстоятельств, имеющих правовое и особенно уголовно-правовое значение" [17].

Именно это составляет предмет мыслительной деятельности криминалиста: на его исследование, как никогда раньше, нацеливают стоящие перед нашей наукой задачи.

Список литературы

1. Дулов А.В. Судебная психология.-Минск, 1975; Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений.- Харьков, 1978; Ларин А.М. От следственной версии к истине.-М., 1976; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования.-М., 1973; Ратников А.Р. Судебная психология для следователей.-М., 1967; Эйсман А.А. Заключение эксперта: Структура и научное обоснование.-

- М., 1967; Stelzer E. Allgemeine kriminalistische Theorie und Methodologie. Sozialistische Kriminalistik.-Berlin, 1977, Bd.I.
- 2.Walder G. Kriminalistisches Denken.-Hamburg, 1964.
- 3.Stelzer E. Op.cit., S.32.
- 4.Koldin V. Ia.: Aktuelle theoretische Fragen der Sowjetischen Kriminalistik. Krim.forens. Wiss. 1982.S.6.
5. См.: Ратинов А.Р. Указ. соч., с.II4-I47.
- 6.Walder G. Op.cit., S.II2.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы.- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20, с.530.
8. Винберг А.И. Некоторые вопросы теории криминалистической идентификации.- В кн.: Вопросы криминалистики.- М., 1961, № 1-2, с.26.
9. Лузгин И.М. Указ. соч., с.18-25; Ратинов А.Р. Указ.соч., с.41-50; Ebeling W.: Das Beweisrecht. In: Strafverfahrensrecht: Lehrbuch-Berlin, 1977, S.I49-I50.
- 10.Stelzer E.Op.cit.,S.31.
- 11.Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: Общая теория советской криминалистики.- М.,1977, т.1; Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики.- Правоведение, 1967, № 4.
- 12.Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Наука логики".- Полн. собр. соч., т.29, с.163.
- 13.Кондаков Н.И. Логический словарь - справочник.- М., 1975, с.159.
- 14.Walder G. Op.cit., S.I78.
- 15.Кондаков Н.И. Указ. соч., с.451-452.
- 16.Rubinstein S.L. Grundlagen der allgemeinen Psychologie.- Berlin, 1977, S.439.
- 17.Stelzer E. Op.cit., S.I3.

СУБЪЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кто такой криминалист. Ответ на этот вопрос не столь уж прост как это может показаться на первый взгляд. Понятие "криминалист" в своем историческом развитии претерпело некоторые изменения. Первоначально криминалистами считались специалисты в области уголовного права — преимущественно теоретики. Свидетельством этому служит образованный в 1888 году международный союз криминалистов, объединивший в своих рядах многих ученых-специалистов уголовного права из ряда стран. И по настоящее время можно встретить высказывания, в которых понятие "криминалист" придается значение ученого в области уголовного права [1].

В дальнейшем криминалистами стали именовать также представителей науки уголовного процесса в рамках соотношения их с представителями гражданского процесса — цивилистами. При этом и те и другие именуются процессуалистами. Так, в частности, некоторые авторы считают возможным применять такие словосочетания как "процессуалисты (цивилисты и криминалисты)" [2]. Следует признать, что сложилась традиция обозначать понятием "криминалист" представителей уголовно-правового (в терминологии некоторых авторов — криминального) направления, т.е. специалистов различных уголовно-правовых (криминальных) наук. В этом случае понятие "криминалист" употребляется учеными в широком смысле слова.

Существует и другое объяснение понятия "криминалист" — так называют специалистов только в области криминалистики, а не уголовного права и уголовного процесса. Анализу данного понятия в узком смысле слова и посвящена данная статья.

Относительно того, кого же следует признавать специалистом в области криминалистики, и тем самым именовать криминалистом по настоящее время высказываются несовпадающие мнения. Лишь в одной части эти мнения совпадают. Общепризнано, что криминалистами являются кримина-

листы-теоретики, т.е. субъекты криминалистической научной деятельности. Что же касается криминалистов-практиков, то в этом вопросе мнения относительно содержания анализируемого понятия "криминалист" существенно расходятся. Так, в частности, С.П.Митричев, обсуждая вопрос о природе тактики при расследовании преступлений, пришел к выводу, что тактика может быть только следственной, но не криминалистической. Криминалист, считал С.П.Митричев, "ни одного следственного действия не производит, а разрабатывает научные методы расследования и исследует в лаборатории судебные доказательства" [3]. В представлении С.П.Митричева криминалистами являются субъекты как теоретической так и практической деятельности. Однако круг криминалистов - субъектов практической деятельности он ограничивал лишь экспертами, производящими криминалистические экспертизы.

Относительно криминалистов - субъектов практической деятельности высказывается и другое мнение. Например, А.И.Винберг считает, что криминалистами являются оперативные работники, следователи, судьи, а также эксперты - криминалисты в их целенаправленной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [4]. Промежуточную и недостаточно последовательную позицию в этом вопросе занимает Р.С.Белкин. "Какой образ возникает в вашем представлении при упоминании слова "криминалист"?", - спрашивает Р.С.Белкин в одной из своих работ, адресованной широкому кругу читателей. Первоначально ответ Р.С.Белкина сводится к тому, что "в известном смысле могут быть названы криминалистами" те лица, "которые в своей работе используют положения криминалистической науки, все они криминалисты-практики." Казалось бы, что в дальнейшем Р.С.Белкин расширяет круг лиц, которые в своей практической деятельности применяют положения науки криминалистики и тем самым являются криминалистами-практиками. Однако в конечном итоге Р.С.Белкин приходит к выводу: "... когда я слышу слово "криминалист", мне всегда представляется не следователь и не инспектор уголовного розыска, а человек в

белом халате, склонившийся над лабораторным столом в поисках решения очередной задачи" [5], т.е. эксперт-криминалист. Изложенное показывает, что столь широко вошедшее в советскую криминалистическую литературу понятие "криминалист" еще не получило определенного содержания.

На наш взгляд, недостаточно четко определяется данное понятие и в криминалистической литературе социалистических стран. Так, в изданном в ГДР криминалистическом словаре указывается, что криминалистами являются следователи, эксперты, техники-криминалисты, работники уголовного розыска и других служб, имеющие криминалистическое или другое специальное высшее и профессиональное образование и участвующие в предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений [6]. В данном определении круг лиц, являющихся криминалистами очерчен лишь в общих чертах.

Анализ понятия "криминалист" показывает, что криминалистом является субъект криминалистической деятельности. Так, криминалистом-теоретиком является субъект научной криминалистической деятельности, а криминалистом-практиком - субъект криминалистической практической деятельности. Для обоснования указанного тезиса следует обратиться к широко вошедшему в криминалистическую и процессуальную литературу положению о том, что следственные действия и расследование преступлений в целом имеют процессуальную и криминалистическую стороны [7]. Указанное положение, во-первых, фиксирует то обстоятельство, что каждая из двух наук - в данном случае уголовно-процессуальная наука и криминалистика - изучает в расследовании преступлений свой аспект, свою сторону. Во-вторых, указанное положение содержит в себе в неявном виде указание на то, что каждая из сторон в расследовании преступлений представляет собой форму практической деятельности. В работах В.И.Ленина имеются высказывания о том, что различные стороны общественной деятельности - это не что иное как формы общественной деятельности. В работе "Детская болезнь "левизин" в коммунизме" В.И.Ленин писал: "революционный класс для

осуществления своей задачи должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности... [8] Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что различные стороны в расследовании преступлений, в частности, процессуальная и криминалистическая, являются специфическими формами практической деятельности по расследованию преступлений.

Анализ каждой из сторон в расследовании преступлений неразрывно связан с такими понятиями как "деятельность" и "отношения". Отметим, что в науке уголовного процесса указанные понятия прочно вошли в научный обиход; в её понятийном аппарате имеются такие понятия как "уголовно-процессуальная деятельность" и "уголовно-процессуальные отношения". Иными словами, уголовно-процессуальная сторона в расследовании преступлений включает в себя уголовно-процессуальную деятельность и складывающиеся при этом уголовно-процессуальные отношения.

В науке криминалистики указанные понятия "деятельность" и "отношения" еще не приобрели "права гражданства" и не вошли в её понятийный аппарат. Ученые криминалисты обычно оперируют понятиями "криминалистические средства", "криминалистические приемы" и "криминалистические методы". Отсюда и господствующая в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе точка зрения, в соответствии с которой расследование преступлений — это исключительно уголовно-процессуальная деятельность, а криминалистические приемы и методы являются своеобразными элементами, включенными в ткань уголовно-процессуальной деятельности. Анализируемая точка зрения ущербна тем, что одну из сторон в расследовании преступлений она связывает с понятием "деятельность", а другую — с понятием "приемы" или "методы". Нельзя отрицать того, что и уголовно-процессуальная деятельность складывается из уголовно-процессуальных приемов и методов, ибо "совокупность действий, которые объединены общей целью и выполняют определенную функцию, составляют деятельность" [9]. Видимо, не случайно мно-

гие авторы при сопоставлении между собой процессуальной и криминалистической сторон в расследовании преступлений применяют однозначную терминологию, т.е. рассматривают каждую из сторон в расследовании преступлений как совокупность приемов и методов. В частности, М.С.Строгович обычно пишет об уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношениях. Но как только он обратился к вопросу о соотношении уголовного процесса и криминалистике, то сразу же применил другую терминологию и приступил к сопоставлению между собой процессуальных и криминалистических приемов и методов расследования преступлений [10]. О процессуальных и криминалистических приемах расследования преступлений и их соотношении между собой пишут также Б.М.Шавер и Н.А.Якубович [11]. Представляется правомерным вывод с том, что уголовно-процессуальные приемы и методы в своей совокупности составляют уголовно-процессуальную деятельность, а криминалистические приемы и методы - криминалистическую деятельность.

Криминалистические приемы и методы могут быть двоякого рода: одни из них составляют практическую криминалистическую деятельность, а другие - научную криминалистическую деятельность. Нельзя не согласиться с Я.Пешаком, который совершенно правильно обращает внимание на необходимость четкого разграничения методов криминалистической практической деятельности и методов криминалистической научной деятельности [12].

Мысль о наличии особой формы практической деятельности, а именно - криминалистической практической деятельности - не чужда и советской криминалистической литературе. Еще И.Н.Якимов писал о "практической криминалистике". В 1964 г. В.М.Коган отмечал, что "целям познания... служит советская криминалистика - как наука и как деятельность. Криминалистика как деятельность состоит в применении, в строгом соответствии с советским уголовно-процессуальным правом, методов и приемов, разработанных наукой криминалистикой" [13]. Следует обратить внимание на то, что

многие советские криминалисты оперируют понятиями "криминалистическая деятельность", "практическая криминалистическая деятельность", обозначая и криминалистический аспект или криминалистическую сторону в расследовании преступлений [14]. Понятия "криминалистическая деятельность", "криминалистическая практика" вошли также в криминалистическую литературу социалистических стран Европы. Понятие "криминалистика" нередко употребляется как для обозначения науки, так и для обозначения специфической формы практической деятельности [15].

Но есть и противники выделения криминалистической деятельности в качестве самостоятельной формы практической деятельности. В частности, по поводу позиции Э.Штельцера, включающего в понятие "криминалистика" как форму научной деятельности так и форму практической деятельности, высказали свое отрицательное мнение Г.М.Миньковский и А.Р.Ратинов. Они считают нецелесообразным употреблять термин "криминалистика" в двойном смысле - и для обозначения науки, и для обозначения формы практической деятельности [16], хотя и не приводят аргументов против такого словоупотребления. В то же время известно, что во многих других отраслях знания одним и тем же понятием охватывается как область практической деятельности, так и отрасль научного знания, например, "политика", "уголовный процесс" и т.д.

Р.С.Белкин вообще отрицает необходимость "пусть даже условно, различать некую "криминалистическую деятельность", отличную от уголовно-процессуальной деятельности" [17]. Свою позицию он обосновывает следующими соображениями: "принято различать формы деятельности по борьбе с преступностью по характеру их правового регулирования. С этой точки зрения, существуют оперативно-розыскная, процессуальная и административно-правовая формы деятельности, но не криминалистическая форма деятельности. Любая из названных форм деятельности может рассматриваться в криминалистическом аспекте постольку, поскольку она

допускает применение для её осуществ. ления криминалистических средств и приемов" [18].

Данная точка зрения не может быть признана, на наш взгляд, убедительной. Сферу борьбы с преступностью - в том числе и расследование преступлений - нельзя рассматривать исключительно как сферу правовых отношений, т.е. сферу, регулируемую исключительно лишь правовыми нормами. В юридической литературе существует и другая более перспективная точка зрения, в соответствии с которой складывающиеся общественные отношения нельзя сводить только к правоотношениям [19]. Поэтому различать в сфере борьбы с преступностью лишь формы деятельности, отличающиеся друг от друга по характеру их правового регулирования, как это предлагает Р.С.Белкин, - это значит отрицать наличие в данной сфере нравственных, организационно-управленческих, криминалистических и других форм деятельности и складывающихся при этом общественных отношений, не регулируемых нормами права. Следует согласиться с А.М.Лариным в том, что "деятельность следователя, прокурора, суда по уголовному делу является не только (хотя и прежде всего) процессуально-правовой, но также криминалистической, психологической, организационной и т.д." [20].

Необходимость понятия "криминалистическая деятельность" в понятийном аппарате криминалистики представляется несомненной. Чтобы сравнивать между собой две стороны, два аспекта в расследовании и судебном разбирательстве преступлений - криминалистическую и процессуальную - их необходимо сделать сопоставимыми, равными в каком-либо отношении. Поэтому наряду с уголовно-процессуальной деятельностью, на наш взгляд, следует различать также криминалистическую деятельность. Как уже отмечалось, в работах некоторых советских криминалистов понятие "криминалистическая деятельность" начинает входить в научный обиход. Исследования в этом направлении должны показать специфику практической криминалистической деятельности и её субъектов - криминалистов - практиков, ибо криминалисти-

ческая деятельность является деятельностью криминалистов.

Заслуживают пристального внимания и поддержки первые высказывания по этому вопросу. Так, по мнению В.А.Образцова одной из актуальных проблем теории криминалистики является создание криминалистической теории раскрытия преступлений. В.А.Образцов исходит из того, что наряду с криминалистической характеристикой преступлений должна быть создана криминалистическая теория раскрытия преступлений и в основу этой теории должен быть положен анализ понятия "человеческая деятельность". "Введение этой категории в криминалистику..., - пишет В.А.Образцов, - может в значительной мере изменить понятийный строй её теоретических знаний, привести их к корректировке и углублению, дать импульс к определению путей продуктивного решения как новых, так и традиционных проблем, при рассмотрении которых возникли определенные трудности гносеологического порядка" [21].

То, что В.А.Образцов именует криминалистической теорией раскрытия преступлений, в основу которой он ставит принцип деятельности, по своему существу является учением о криминалистической деятельности. Учение о криминалистической деятельности в нашем понимании не составляет одну из частных криминалистических теорий, сосуществующих наряду с другими частными теориями. Это учение лежит в основе всего криминалистического знания. Как уже отмечалось, криминалистическая деятельность складывается из криминалистических приемов и методов расследования преступлений. В связи с этим традиционное определение криминалистики как науки о технических и тактических приемах и методах расследования преступлений может быть интерпретировано как учение о криминалистической деятельности, связанной с познанием подлежащих установлению обстоятельств расследуемого преступления, ибо "криминалистическая деятельность сводится к установлению наличия или отсутствия в деяниях определенных лиц составов преступлений" [22]. Однако подобное определение криминалистики односторонне и ущербно

тем, что оно фиксирует лишь одну из двух сторон предмета криминалистики, а именно деятельность по раскрытию преступлений и оставляет в тени его другую сторону - деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступлений. Криминалистика как систематизированная область знания включает в себя, во-первых, криминалистическое учение о преступлении (в общепринятой терминологии - криминалистическую характеристику преступлений) и, во-вторых, криминалистическое учение о раскрытии преступления или учение о криминалистической деятельности.

Криминалистическая деятельность как и любая другая форма практической деятельности характеризуется присущими ей целями, средствами и результатами. Этим она отличается от любой другой формы деятельности, осуществляемой при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Цель, которую ставит перед собой субъект криминалистической практической деятельности, состоит в том, чтобы познать обстоятельства расследуемого преступления, необходимые для правильного разрешения уголовного дела по существу, иными словами, цель состоит в том, чтобы раскрыть преступление. Некоторые криминалисты, чувствуя необходимость такой категории как цель в науке криминалистике, пишут о целях науки и о целях криминалистики "практического плана" [23]. Данная терминология не может быть признана удачной - вполне правомерно говорить о целях практической криминалистической деятельности.

При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд в своей деятельности ставят перед собой двоякого рода цели - ближние и дальние. Ближайшей, первоочередной целью они считают установление обстоятельств расследуемого дела. Именно эта цель присуща практической криминалистической деятельности. Что же касается дальней, конечной цели при расследовании преступлений - изобличение лиц, виновных в совершении преступления, и обоснование принимаемых по делу решений, то она находится за предела-

ми практической криминалистической деятельности. Эта цель присуща уголовно-процессуальной деятельности.

Некоторые авторы вполне обоснованно указывают на необходимость различать уголовно-процессуальные и криминалистические средства [24]. Средствами криминалистической практической деятельности, осуществляемой лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом, являются:

- во-первых, практические приемы и методы работы со следами (материальными и идеальными) преступления, входящими в производимые по делу следственные и судебные действия,

- во-вторых, логические приемы и методы, т.е. методы мыслительной деятельности.

Результатом практической криминалистической деятельности является знание лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом обстоятельств расследуемого преступления, необходимых для принятия решения по уголовному делу.

Давно уже замечено, что при производстве расследования по уголовному делу не каждое следственное или судебное действие носит познавательный характер. Криминалистика имеет дело лишь с теми действиями, которые связаны с обнаружением материальных и идеальных следов преступления, т.е. связаны с познавательными процессами. Практическая криминалистическая деятельность носит ярко выраженный познавательный характер. Даже исторически криминалистика определялась как наука о раскрытии преступлений, ибо криминалистика на основе обобщения следственной и судебной практики вырабатывает рекомендации к раскрытию преступлений.

Субъекты практической деятельности, поскольку они применяют выработанные криминалистикой рекомендации, выступают как субъекты практической криминалистической деятельности. Ими прежде всего является лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд. Положения науки

криминалистики применяются не только при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, но и также при рассмотрении гражданских дел, в деятельности нотариата, таможенных органов [25]. Соответственно этому расширяется и круг субъектов практической криминалистической деятельности. Вопрос о круге субъектов практической криминалистической деятельности, таким образом, требует дальнейшего обсуждения и разработки.

Несомненно, что свое основное назначение криминалистика видит в служении делу борьбы с преступностью. Поэтому она и определяется как наука о раскрытии преступлений, хотя при этом остается в тени роль криминалистики в других сферах общественной жизни.

Следует признать, что ученые-криминалисты, будучи субъектами криминалистической научной деятельности, изучают и обобщают опыт практической криминалистической деятельности (и складывающихся при этом криминалистических отношений) по раскрытию преступлений и применяют при этом научные методы познания, т.е. криминалистические научные методы. Иными словами, криминалистическая научная деятельность, являясь познавательной деятельностью, имеет дело с практической познавательной деятельностью (криминалистической деятельностью), осуществляемой в зависимости от способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений и оставляемых ими следов. В этом специфика предмета криминалистики, который составляют криминалистические отношения, познавательные отношения, возникающие в процессе раскрытия преступлений.

В соответствии с отстаиваемыми нами взглядами в основе разграничения криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности лежит разграничение познания и доказывания. Криминалистическая практическая деятельность является познавательной, а уголовно-процессуальная — доказательственной деятельностью [26].

Список литературы

- I. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права.- М.,1970, т.2, с.26, 90, 116 и др.; Кузнецов А.В. Вопросы развития науки уголовного права и её преподавание в ВУЗах. - В кн.: Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права.- М.,1975, с.49.
2. Зусь Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. - Владивосток, 1976, с. 48.
3. Г.А. Актуальные проблемы советской криминалистики. - Вестник Московского университета: Право, 1961, № 4, с.72.
4. Винберг А.И. Вопросы криминалистической техники в свете ленинских идей о научно-техническом прогрессе.- В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза.- Киев, 1969, вып. 6, с.23.
5. Белкин Р.С. Ведется расследование... М.,1976, с.116.
6. Wörterbuch der sozialistischen Kriminalistik.-Berlin, 1981, S.235
7. Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия.- М.,1971, с.66; Саливанов Н.А. К вопросу о понятии и системе криминалистики. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М.,1977, вып. 26, с. 103.
8. Ленин В.И. Полн., собр. соч., т. 41, с.81.
9. Степанов А.А. Понятие о деятельности. - В кн.: Психология/Под ред. А.Г.Ковалева, А.А.Степанова, С.Н.Шабалина.- М., 1966, с.426.
10. Строгович М.С. Предмет криминалистики и её соотношение с уголовным процессом.- В кн.: Труды ВЮА Красной Армии.- Ашхабад, 1942, с.20.
11. Шавер Б.М. Предмет, метод и система советской криминалистики.- Соц. законность, 1938, № 6; Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия.- М., 1971.
12. Přebák J. a kolektiv. Základy kriminalistiky.-Praha, 1976, str.16.
13. Коган В.М. Роль криминалистической идентификации в установлении истины.- В кн.: Научная конференция аспирантов и соискателей, посвященная 30-летию Казахского гос.

- ун-та: Рефераты докладов.- Алма-Ата, 1964, с.58.
14. Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве.- Киев, 1980, с.58; Домбровский Р.Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения.- Уч. зап. Латвийского ун-та. Рига, ЛГУ им.П.Стучки, 1973; т.188, Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства., с.114-136; Крылов И.Ф. Предмет, методы и система советской криминалистики.- В кн.: Криминалистика.- Л., 1976, с.12; Ларин А.М. Эффективность применения уголовно-процессуального закона.- В кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности.- М., 1979, с.217; Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика.- М., 1982, с.19; Самошина З.Г. Некоторые вопросы преподавания криминалистической науки на юридическом факультете МГУ -Вестник МГУ: Право, 1977, № 6, с.46; Тавасевич В.Г., Образцов В.А. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений.- В кн.: Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений: Межвуз. сб. научных трудов.- Свердловск, 1978, вып. 69, с.20.
15. Stelzer E. Sozialistische Kriminalistik.-Berlin, 1977, Bd. I.
16. Миньковский Г.М., Ратинов А.Р. О предмете криминалистики и её соотношении с другими отраслями научного знания. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью.- М., 1979, вып. 30, с.142.
17. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: общая теория советской криминалистики.- М., 1977, т. I, с.35.
18. Там же, с.35.
19. Элькинц П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовном процессе.- Л., 1976, с.9; Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса.- Л., 1982, с.11.
20. Ларин А.М. Эффективность применения уголовно-процессуального закона.- В кн.: Советский уголовно-процес-

- суальный закон и проблемы его эффективности.- М., 1979, с. 217.
21. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика раскрытия преступлений.- В кн.: Борьба с преступностью на современном этапе.- Барнаул, 1982, с.119.
22. Танасевич В.Г., Образцов В.А. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений. - В кн.: Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений: Межвуз. сб. научных трудов.- Свердловск, 1978, вып. 69, с.20.
23. Комиссаров В.И. Специфика и диалектика взаимодействия целей и средств криминалистики.- В кн.: Актуальные проблемы отраслевых юридических наук.- Саратов, 1982, с.155.
24. Дубровный В.А. Механизм выбора уголовно-процессуальных средств достижения целей предварительного следствия.- В кн.: Актуальные проблемы отраслевых юридических наук.- Саратов, 1982, с.105.
25. См.: Тихиня В.Г. Применение криминалистической тактики в гражданском процессе (при исследовании вещественных доказательств). - Минск, 1976; Вандер М., Хоруева В. Использование данных криминалистики в работе нотариата. - Сов. юстиция, 1969, № 4, с. 18-19 и др. работы.
26. Домбровский Р.Г. Логика и теория судебных доказательств.- В кн.: Оптимизация расследования преступлений: Сборник научных трудов.- Иркутск, 1982, с.10-21.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Важнейшая задача научного исследования состоит в том, чтобы посредством научных изысканий способствовать решению тех вопросов общественного развития, которые возникают в 80-е годы. Социалистическая криминалистика занимает определенное место в борьбе с преступностью; её задача заключается в том, чтобы развивать теоретические основы криминалистической практической деятельности.

Криминалистическая тактика более тесно, чем другие разделы криминалистики, связана с явлениями общественной жизни, поэтому она должна с учетом реальных ситуаций своевременно и последовательно реагировать на выдвигаемые жизнью политические задачи. Криминалистическая тактика, участвуя в борьбе с преступностью, проводит обширные комплексные исследования в области предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, и тем самым она ответственна за свою научную продуктивность и свои достижения.

На основе общей теории и методологии социалистической криминалистики, путем использования общенаучных и частных методов познания, в том числе и методов других разделов криминалистики, криминалистическая тактика разрабатывает:

- учение о структуре, организации в целях осуществления деятельности по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений, с учетом общественных причин и условий, лежащих в их основе;
- методику борьбы с преступностью в полном соответствии с требованиями и предписаниями социалистического права;
- принципы, правила и рекомендации целенаправленной криминалистической деятельности как мыслительной так и практической;
- оптимальные критерии эффективности осуществляемой практической криминалистической деятельности.

Криминалистическая тактика по отношению к общей теории и методологии криминалистики выступает как её состав-

ная часть: к изучению своего предмета она привлекает положения и методологические правила общей теории криминалистики, модифицирует их и тем самым разрабатывает и развивает теорию своего предмета и методы его изучения.

Проблемы соотношения криминалистической тактики и криминалистической психологии нами, по сути дела, не рассматриваются. Мы исходим из общеизвестного положения о том, что любое научное и практически значимое исследование, имеющее дело с человеческой деятельностью, содержит в себе элементы психологического исследования.

Криминалистическая тактика обязана обеспечить конкретными и точными предписаниями по принятию решений в каждом отдельном случае. В качестве отдельного случая следует понимать случаи, совокупность которых составляет деятельность (вид этой деятельности) по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений. Указанные случаи на практике связаны с неопределенным количеством конкретных событий. Эти события, с одной стороны, по своим закономерным признакам поддаются классификации на отдельные группы (подгруппы) и тем самым подчинены направленной на них познавательной деятельности (структурный аспект). С другой стороны, события одной группы (или подгруппы) различаются в зависимости от того, какая правовая норма каждым из них нарушена (что составляет политико-правовой аспект), в зависимости от характера их происхождения (феноменологический аспект) или от условий их допускающих (конституциональный аспект).

Научный анализ криминалистически значимых событий требует не только их дальнейшей систематизации, но и также разработки новых, не только собственно криминалистических, но и иных методов целенаправленного расследования преступлений. Подобного рода исследования необходимы как для разработки теории криминалистической тактики, так и для совершенствования практической криминалистической деятельности.

Из этого следует, что теория криминалистической тактики должна развиваться с учетом составляющих её элементов,

образующих различные виды познавательного процесса. Нам представляется возможным выделить в качестве самостоятельных (и различающихся по существенным элементам) следующие модификации криминалистической деятельности:

- в зависимости от того, какие события подлежат распознаванию: события, имевшие место в прошлом, или ожидаемые события, могущие произойти в будущем;
- в зависимости от того, имеется ли подозреваемое по делу лицо или нет;
- в зависимости от имеющейся информации и выдвинутых версий;
- в зависимости от тех проблемных вопросов, которые стоят перед расследованием по делу, а также от степени решения той или иной проблемы;
- в зависимости от того, осуществляется ли расследование лишь криминалистическими методами (т.е. расследование ведется самими следственными органами) или к процессу расследования привлечены специалисты (эксперты).

Анализируя разновидности познавательных процессов, характеризуемых суммой типичных признаков их формирования, мы тем самым получаем новые теоретические выводы:

- а) при помощи положений, относящихся к формированию познавательного процесса, обосновываются организационные требования, предъявляемые к расследованию;
- б) в целях дифференциации расследования следует разрабатывать критерии типизации познавательных процессов;
- в) необходимо уделять больше внимания структурным свойствам (элементам и причинно-логическим предпосылкам) и тактическим целям каждой разновидности познавательного процесса;
- г) следует придавать большее практическое значение доказательствам по делу, имея в виду их влияние на эффективность криминалистической деятельности.

В качестве критериев отграничения криминалистической тактики от специальной криминалистики^{xxx} выступают некото-

^{xxx} В данном случае термином "специальная криминалистика" обозначается то, что в советской криминалистике обозначает "криминалистическая методика". - Примечание переводчика.

ные присущие им функции, а также предъявляемые к ним практикой требования. С одной стороны - это учет тех задач по совершенствованию теории формирования познавательных процессов (их характеристики, описание их структур и т.п.), которые стоят перед криминалистической тактикой. С другой стороны, т.е. с точки зрения специальной криминалистики, - это применение теории криминалистической тактики к различным видам преступлений, различающимся по уголовно-правовым критериям, поскольку криминалистическая тактика реализуется через другие разделы криминалистики и преимущественно через специальную криминалистику. Рекомендации по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений, непосредственно обращенные к практике, вырабатывает специальная криминалистика, но не криминалистическая тактика.

Совпадение и различие обоих разделов криминалистики диалектически скоординировано применительно к формируемому познавательному процессу и его реализации. Оба раздела науки находят нечто общее в одном и том же частном (единичном) событии, а с другой стороны, каждый из них в обобщенном познавательном процессе находит нечто свое, частное. Именно этим объясняется то обстоятельство, что специальная криминалистика испытывает существенное влияние со стороны криминалистической тактики.

Существенным моментом в вопросе о предмете криминалистической тактики является уточнение соотношения понятий "тактика" и "методика", а также применение этих понятий в разделе криминалистической тактики. В криминалистической тактике понятием "методика" охватывается комплекс правил (предписаний, взаимосвязанных с принятием решений), посредством которых осуществляется переход от одной ситуации к другой, например, устанавливается достаточное количество фактов, объясняющих выявляемое событие. В указанных предписаниях речь идет о том, как следует действовать, а не мыслить - в той или иной ситуации, т.е. речь идет о тех или иных мероприятиях или операциях и последовательности их осуществления.

Наряду с задачами, для решения которых имеются выработанные и проверенные на практике методы, криминалистическая тактика знает также проблемные ситуации, для решения которых еще не выработаны соответствующие им методы. Выбрать из всех возможных наиболее подходящий метод возможно лишь путем осмысливания возникшей проблемы. Возникшую проблему в ряде случаев необходимо расчленить на ее составные. Возникшая проблема становится разрешимой благодаря членению предстоящей деятельности на промежуточные стадии и "расчлененная проблема" при этом разрешается гораздо легче. Изложенные аспекты совершенствования применяемых методов расследования еще не получили достаточной разработки в криминалистической тактике: требования, предъявляемые к проблемным ситуациям, по своему уровню гораздо выше предлагаемых ныне решений, стоящих перед криминалистической деятельностью задач. Требуется новый "тактический подход" к их решению. Это обусловлено весьма низким уровнем развития интересующей криминалистическую тактику проблематики в других науках (эвристике, теории игр, современной логике и др.), а также тем, что до сих пор недостаточно разработаны методологические аспекты криминалистических проблемных ситуаций. Следовательно, необходима разработка методики разрешения проблемных ситуаций в криминалистической деятельности.

Наряду с феноменологическим и категориальным аспектами требует дальнейшей разработки профессиональный аспект ведения расследования в его связи с криминалистической тактикой. Это необходимо для повышения эффективности борьбы с преступностью.

Изложенное приближает нас к уточнению содержания расплывчатого по своей природе понятия "тактика". Особенно это проявляется применительно к таким существенным элементам понятия тактики как процесс принятия решения, доминирование применяемых методов, оценка их эффективности. Здесь же одновременно возникает вопрос о структуре проводимого по делу расследования. Исследователем этого вопроса

обычно ограничивалось рассмотрением планирования расследования на основе сложившихся ситуаций. Планирование расследования должно преследовать цель раскрытия преступления и это, конечно, представляется разумным и необходимым в практической деятельности следователя. Планирование расследования должно учитывать случайную информацию, относящуюся к отдельному событию, входящему в расследуемое преступление. Таким образом, эмпирическим путем накапливаются определенные знания о расследуемом преступлении.

Вопросы планирования расследования должны разрабатываться с учетом двоякого рода трудностей, встречающихся на этом пути. Во-первых, наблюдается стремление стандартизировать накопленный опыт по планированию и тем самым стандартизировать сам процесс планирования. Во-вторых, накопленные знания, в свою очередь, привносятся в процесс планирования и учитываются как при планировании расследования отдельного события, так и при планировании всего расследования. Разработка планирования расследования идет от частного к общему.

Возникает вопрос: какие правила лежат в основе формирующегося процесса расследования и насколько они входят в структуру принимаемых решений (структурные аспекты имеющейся информации и принимаемых решений)? Опыт показывает, что процесс принятия решений осуществляется в соответствии с применяемыми методами расследования, а также в соответствии с уже осуществленным планом и оценкой установленных расследованием событий. Следует признать, что планирование расследования имеет важное значение в расследовании. Однако спорными являются утверждения о том, что:

а) любая мысль, любой вывод по поводу расследуемого преступления может служить достаточным основанием для последующего планирования; в подобной интерпретации институт планирования приобрел бы характер бесконечности;

б) самые различные мыслительные операции и действия, такие как анализ фактов, проверка обстоятельств дела, оценка доказательств и разнообразные следственные действия

должны рассматриваться исключительно в аспекте планируемого расследования;

в) всякое отношение между целями расследования и их осуществлением должно рассматриваться в качестве элемента планирования и его реализации; это неприемлемо, в частности, при выявлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, поскольку здесь возможен выход за намеченные расследованием рамки устанавливаемых обстоятельств. Разумеется, что и здесь все осуществляемые действия планируются, однако вполне допустима несколько иная разновидность планирования, т.к. возможны расхождения между запланированными и полученными результатами.

Указанная проблема может быть несколько упрощена путем постановки вопроса следующего содержания: в какой мере криминалистическая тактика совпадает с составленным планом расследования по делу и его реализацией путем производства соответствующих действий?

Если это было бы возможно, то в таком случае невозможны исчерпывающие ответы на следующие вопросы.

- каким образом формируется процесс предупреждения и раскрытия преступлений;

каковы объективно действующие закономерности формирования и совершенствования расследования преступлений;

каково минимальное количество информации, необходимой для принятия по делу решений;

- каковы правила, связанные с применением тех или иных методов, в случаях возникновения проблемных ситуаций (например, для выявления и разработки узловых проблем расследования).

Ответ на эти и другие, подобного рода вопросы мы видим в том, что расследование преступлений в виду его стохастического характера, не может быть всесторонне рассмотрено лишь с позиций применяемых в расследовании методов криминалистической тактики. Поэтому расследование преступлений, в том числе и отдельных, составляющих его событий, требует всестороннего подхода и с позиций различных наук. Теория

расследования преступлений формируется на основе марксистско-ленинской философии, правовых наук (науки государственного права, уголовно-процессуального права и др.), а также других отраслей общественных наук.

Теория расследования преступлений способствует развитию общей теории и методологии социалистической криминалистики, процесса криминалистического познания и процесса доказывания. Она способствует разработке эмпирических и теоретических методов познания структуры и организации расследования преступлений и на основе своих выводов развивает отдельные теории своего предмета.

Теорией расследования преступления разрабатываются такие положения, которые, отражая изучаемые ею закономерности и выполняя при этом систематизирующую функцию, имеют непреходящее значение для теории криминалистической тактики в части разработки методов установления:

- взаимосвязи между предупреждением, предотвращением, выявлением и раскрытием преступных деяний в плане социальных задач социалистических уголовно-правовых наук;

- взаимосвязи между преступлением, его причинами, условиями и последствиями и той социальной средой, с учетом которой вырабатываются теоретические обобщения их взаимосвязи, служащих в качестве исходных данных для построения структурных модификаций процесса расследования;

- взаимосвязи между поведением индивида в пространстве и времени и закономерным возникновением информации (юридически допустимой, целенаправленной, эффективной и достаточной), её собиранием, проверкой и оценкой и доказыванием как основными элементами криминалистического аспекта расследования;

- взаимосвязи между преступлением и процессом расследования, осудительном с учетом положений криминалистической тактики, основывающихся на политически и научно-обоснованном базисе; обеспечивающем развитие теории криминалистической тактики.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО XXX

Допрос является наиболее распространенным следственным действием: без него немыслимо расследование ни одного уголовного дела. Поэтому тактике допроса посвящено немало фундаментальных работ советских и зарубежных криминалистов, изучаемых по курсу советской криминалистики. Именно с овладения практическими навыками допроса начинается работа почти каждого выпускника юридического факультета на должности следователя.

Такое положение, казалось бы, должно гарантировать высокое качество проведения данного следственного действия, или, во всяком случае, исключить необходимость ещё раз писать о нем. Изучение следственной практики свидетельствует, что так оно и есть. Подавляющее число всех допросов проводятся качественно, в их результате добывается максимально возможное количество информации.

Речь прежде всего идет о допросах свидетелей и потерпевших, дающих, как правило, правдивую и достоверную информацию. Роль допрашивающего в этих случаях сводится к оказанию помощи допрашиваемому вспомнить и воспроизвести интересующую следствие информацию и правильно её зафиксировать. Если не считать отдельных тактических ошибок и ещё более редких нарушений закона, то с этими задачами даже молодые следователи - вчерашние выпускники факультета справляются, в основном, успешно. Значительно сложнее обстоит дело с эффективностью и качеством допросов подозреваемых и обвиняемых.

Правда и среди этих категорий допрашиваемых большинство составляют люди, которые на первом же допросе чисто-сердечно и более или менее подробно рассказывают о соде-

XXX Статья публикуется в порядке обсуждения. Редакционная коллегия не разделяет некоторые положения, высказанные автором.

яном. Поэтому их допрос по существу ничем не отличается от допроса свидетелей по делу. Положение с качеством проведения этого следственного действия в данном случае аналогично описанному.

Однако упомянутое большинство подозреваемых и обвиняемых образуется за счет лиц, впервые совершивших преступление, как правило, не представляющих большой общественной опасности. Ранее судимые — тем более особо опасные рецидивисты — лица, совершившие тяжкие или множественные преступления, участники устойчивых преступных групп почти никогда не желают давать правдивые и полные показания — лгут, изворачиваются, стремясь избежать ответственности или хотя бы смягчить её. И тут многие следователи оказываются бессильными, не подготовленными к активному противоборству, к установлению истины в таких условиях.

Согласно уголовно-процессуальному закону дача показаний подозреваемым или обвиняемым — обязанность, а право этих участников процесса. Причем их показания являются не только источником доказательств, но и одним из главных средств защиты.

В то же время без правдивых развернутых показаний лица, совершившего преступление, в очень многих случаях установление истины, полное раскрытие всех эпизодов его преступной деятельности, установление и изобличение всех соучастников или очень затруднено, или вообще невозможно. Данный тезис свидетельствует не о возрождении средневекового положения о "признании обвиняемого как царице доказательств", а о том, что в этих случаях только из показаний обвиняемых следователь может получить информацию о месте нахождения других необходимых доказательств.

Преодоление этого противоречия, получение правдивых и развернутых показаний подозреваемого или обвиняемого, не желавшего их давать, естественно при условии строжайшего соблюдения требований закона, запрещающего домогаться таких показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер, по праву может считаться одной из труднейших задач предва-

рительного следствия, да и всего процесса раскрытия преступления. Недаром подлинным мастером своего дела на практике считается только следователь, способный добиться этого.

Но таких специалистов, к сожалению, среди следователей весьма немного. Представляется, что твердо и устойчиво владеющих мастерством такого вопроса можно насчитать единицы да и то не в каждом отделе внутренних дел и прокуратуре. Очевидно, это свидетельство недостаточного внимания данному вопросу во время обучения будущих следователей ещё на студенческой скамье. Поэтому на практике, как правило, умение это приобретаетс^я только с опытом.

Подобный допрос, пожалуй, один из самых творческих процессов из всех действий, осуществляемых для расследования преступления. И как любое творчество процесс этот предельно индивидуален и ситуационен. У каждого следователя, способного к такому допросу, есть свои излюбленные приемы и методы его проведения, приносящие успех. Кстати, уверенность в таком успехе, в правильности избранного пути допроса, настойчивость в его осуществлении, зачастую больше влияет на его эффективность, чем все остальные компоненты, о которых пойдет речь далее.

Индивидуальность тактики рассматриваемого вида допроса означает и соответствие её личности допрашиваемого. Немыслимо одинаковыми приемами допрашивать почти неграмотного конокрада, участника устойчивой группы квалифицированных магазинных воров и взяточника, занимавшего порой солидное должностное положение. При этом, как ни парадоксально, — и любой следователь подтвердит это — наиболее сложно и трудно добиться правдивых показаний именно от малограмотного обвиняемого (подозреваемого). Общее правило, — чем умнее и образованнее обвиняемый или подозреваемый (если, конечно, допрашивающий не уступает ему в этих качествах), тем легче строить допрос и тем больше вероятность получения правдивых показаний.

Ситуационность тактики допроса означает необходи-

мость учета множества факторов: наличие доказательств, точнее - достоверной информации, обстоятельства совершения преступления, наличие соучастников и многоэпизодности деяний допрашиваемого, его семейное положение, здоровье, даже склад характера и настроение.

Научиться и научить всему этому только теоретически невозможно, как нельзя научиться играть на рояле только, читая соответствующую литературу по теории музыки.

И тем не менее, не претендуя ни в коем случае на разработку каких-то новых теоретических положений тактики допроса непризнающего свое вину подозреваемого или обвиняемого, представляется целесообразным поделиться с читателями, в первую очередь студентами, меткими стать следователями, некоторыми, неоднократно оправдавшими себя за последние два с половиной десятилетия следственной практики, приемами и методами такого допроса.

I. Во многих случаях ключ к успеху кроется в обладании допрашиваемым максимально возможной информацией о личности допрашиваемого, его биографии, связях, образе жизни, времяпрепровождении непосредственно накануне задержания. Трудно порой переоценить силу воздействия на обвиняемого в ходе разговора упоминания как бы незначай какой-то даже не относящейся к раскрываемому преступлению детали из его прежней жизни. Если упоминание это будет сделано достаточно органично и уместно, оно во всех случаях создаст у допрашиваемого представление об осведомленности следователя не только о его личности, но и об обстоятельствах совершенного преступления.

Кроме того, такое знание необходимо, чтобы нащупать как иногда ошибочно говорят "слабое место" допрашиваемого, точнее - определить кто и как из его окружения может повлиять на него положительно. Необходимо лишь умело строить разговор так, чтобы обвиняемый как бы сам о нем заговорил. Так в целом ряде случаев лица, обвинявшиеся даже в тяжчайших преступлениях, соглашались давать правдивые показания после того, как их жены или невесты обещали жить

их после отбоя наказания.

Нужная информация иногда имеется в уголовном деле, но чаще её можно почерпнуть из оперативно-розыскных материалов, которыми некоторые следователи необоснованно пренебрегают.

В идеальном варианте, когда имеется достаточно времени для подготовки допроса (например, обвиняемый скрылся и разыскивается) чрезвычайно ценную информацию подобного рода можно получить, изучая архивные уголовные дела. Делается это на практике, к сожалению, редко.

Однако часто складывается и противоположная ситуация: времени на изучение личности подозреваемого вообще нет — он только что задержан и необходимо приступить к допросу. В этом случае нужный минимум информации может быть получен от самого допрашиваемого, в ходе т.н. предварительной беседы. Такая беседа вообще необходима, чтобы "разговорить" подозреваемого, установить с ним элементарный контакт. И если её правильно и умело строить, из рассказа допрашиваемого можно уловить много данных, необходимых для выбора оптимальной тактики последующего допроса.

2. Не менее важное значение для обеспечения эффективности допроса подозреваемого имеет его эмоциональное состояние. Оно, в свою очередь, в значительной части зависит от непосредственно предшествующих событий.

Общеизвестно, что наиболее продуктивным является допрос лица сразу после его задержания с полым. Неизбежно возникающая у субъекта преступления стрессовая ситуация не позволяет ему сосредоточиться, обдумать создавшееся положение и поэтому возможно получение информации, недостижимой в условиях последующих "спокойных" допросов.^{XXX} Незаменима в подобной ситуации звукозапись, хотя предупреждение о её применении может "замкнуть" задержанного.

^{XXX} Классический случай эффективности такого допроса описан в романе А. Богомолова "Август сорок четвертого".

Поэтому данный вопрос следует решать очень осторожно.

При этом следует иметь в виду, что иногда при условии особой внезапности задержания и не очень сильном характере подозреваемого весь первый с ним разговор может свестись к предложению собственноручно написать о совершенных им преступлениях, а в случае отказа - в водворении без допроса в ИВС. Такие действия, сопровождаемые комментариями следователя о том, что "всё и так ясно, а создание смягчающих вину обстоятельств путем чистосердечного раскаяния - это дело самого обвиняемого", нередко понуждают задержанного если не сразу, то через несколько часов, просить бумагу для изложения чистосердечного признания.

3. Основным стержнем допроса не признающего свою вину обвиняемого или подозреваемого, как показывает опыт, должно быть его убеждение в выгодности дачи правдивых показаний. Современный уровень умственного развития среднего преступника исключает, как правило, достижение положительного эффекта путем формального разъяснения положений уголовного закона о чистосердечном раскаянии как смягчающем вину обстоятельстве или утверждения типа "признайся легче будет." Желая получить правдивые показания следователь должен быть готов и способен в течение 2-3, а порой 6-8 и более часов подряд, аргументировать, доказывать допрашиваемому безусловную выгодность правдивых показаний.

Конкретное содержание приводимых аргументов, бесспорно, зависит от конкретных обстоятельств дела, особенностей личности допрашиваемого. Однако, на практике чаще оправдывают себя следующие схемы аргументов:

3.1. При допросе лица, совершившего преступление в группе, начать разговор можно с учетом явной заинтересованности допрашиваемого в назначении ему более мягкого наказания. Далее вполне возможно перейти к разъяснению общих принципов назначения наказания при участии в совершении групповых преступлений:

наиболее тяжкие - организаторам и инициаторам, мягче - непосредственным исполнителям и ещё мягче - пособникам, второстепенным соучастникам. После этого следует подробно разъяснить о наличии в деле таких фактических данных, которые с несомненностью доказаны и в дальнейшем разъяснить допрашиваемому необходимость получения от него правдивых показаний при помощи которых возможно восполнить пробелы в деле. Это вопросы о том, кто первый подал мысль о совершении преступления, кто предложил конкретный план его осуществления. Подчеркнув ещё раз зависимость тяжести наказания от установления именно этих вопросов, можно показать опасность для допрашиваемого "опоздать", дать возможность другим участникам преступления первым в своих показаниях отразить свою уменьшенную роль. При этом, конечно, недопустим обман допрашиваемого утверждениями типа, что соучастники уже признались, если этого на самом деле нет. Подобное утверждение является грубым нарушением социалистической законности и, кроме того, полностью дискредитирует допрашивающего в глазах обвиняемого (подозреваемого), делает его дальнейшее участие в деле невозможным.

При умелом использовании этого приема, подозреваемый или обвиняемый, как правило, начинает давать в целом правдивые показания, стараясь, однако, преуменьшить свою истинную роль в преступлении. Последнее следует иметь в виду и в процессе дальнейшего следствия скорректировать путем проведения очных ставок и других следственных действий с другими обвиняемыми.

3.2. При допросе лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении особо опасного, тяжкого преступления. Тяжесть неминуемого грозящего наказания, казалось бы блокирует порой, всякую надежду на получение правдивых показаний. В таких случаях на практике иногда положительный результат достигается применением следующего приема. В разговоре допрашиваемый незаметно для него как бы подводится к мысли (прямой подсказ недопустим, незаконен) изобразить

содеянное таким образом, чтобы оно влекло бы менее тяжкое наказание или вовсе освобождало от такового.

Так, в ряде случаев обвиняемые в грабежах, разбойных нападениях, изнасилованиях увидели спасительный для себя путь в преувеличении моментов виктимного, предосудительного поведения потерпевших, а один из убийц решил подробно рассказать о всей серии совершенных им тягчайших преступлений в надежде, что их бессмысленность и множество "лишний раз докажут наличие у него психической болезни и, следовательно, его невменяемость".

Что касается допускаемых допрашиваемыми при таких показаниях неизбежных отступлений от истины, то они, как в предыдущем случае, легко исправимы в процессе дальнейшего следствия допросами потерпевших, очевидцев, экспертами.

3.3. В ряде случаев все попытки "разговорить" допрашиваемого, убедить его в выгоде дачи правдивых показаний не приносят ожидаемого эффекта, все аргументы наталкиваются на неверие, скептицизм, вызывают реакцию типа - "а что вы стараетесь, если мне от этого легче? Вы ведь заинтересованы в обратном". На практике в этих случаях утверждения о том, что следствие заинтересовано в установлении истины и только истины по делу, как правило, допрашиваемым воспринимаются как обман и пользы не приносят. Более понятными для т.н. "среднего" обвиняемого являются аргументированные утверждения допрашивающего о том, что среди правоохранительных органов существует четкое разделение функций и задач. При этом следствие отвечает лишь за то, чтобы преступление было раскрытым, а мера наказания, определяемая судом, в известной степени ему безразлична. Естественно, что в короткой статье эта мысль подается в упрощенном, сжатом, схематичном виде. Столь вульгарно преподноситься обвиняемому она не должна, т.к. создаст превратное представление о некоем делячестве допрашивающего.

Так же осторожно и деликатно должен преподноситься

очередной аргумент о том, что интересы следствия и подозреваемого (обвиняемого) на данном этапе, как бы парадоксально это не звучало, совпадают. При этом разъясняется, что орган следствия заинтересован прежде всего в затрате минимума сил, возможно меньшем числе и трудоемкости следственных действий. При правдивых показаниях обвиняемого обычно отпадает необходимость в очных ставках и ряде обысков. Именно стремлением к такой экономии собственных сил и времени объясняется желание допрашивающего во что бы то ни стало добиться правдивых показаний. В то же время, но еще более подробно и убедительно должна раскрываться заинтересованность допрашиваемого в даче таких показаний, используя изложенные и иные аргументы, вытекающие из конкретных обстоятельств дела и особенностей личности конкретного обвиняемого. При умелом построении вопроса неверие допрашиваемого в искренность следователя, как правило, снимается и он начинает давать показания.

3.4. При допросе второстепенного участника преступной группы, ожидающего поддержки от её организаторов и боящегося мести, основным направлением допроса должно быть разубеждение допрашиваемого в реальности оказания помощи со стороны соучастников, разоблачение мифа о наличии т.н. воровской (преступной) солидарности, наглядный показ незаинтересованности допрашиваемого выгораживать основных организаторов преступления. При этом дается понять, что неполное установление истины по делу может помешать выявлению подлинной роли самого забирающегося обвиняемого, определению судом степени его общественной опасности и, следовательно, назначению справедливого наказания. Подтолкнуть такое лицо к даче правдивых показаний может демонстрация допрашивающим результатов обыска и наложения ареста на имущество основных участников преступной группы, если в них усматривается разительное превосходство их материального положения над материальным положением допрашиваемого.

3.5. При допросе относительно неиспорченных в мо-

ральном смысле подозреваемых и обвиняемых, являющихся хорошими семьянинами, любящих своих детей и близких, главное побудить допрашиваемого поверить в возможность быстрой встречи с ними только в результате создания себе такого смягчающего вину обстоятельства, как чистосердечное раскаяние. Возможно разрешение свиданий обвиняемого с близкими. Последнее, естественно, только при полной уверенности в положительном их влиянии и в условиях, исключающих передачу неконтролируемой или непонятной работнику информации.

Так, одному из "раскаивающихся" обвиняемых было дано свидание в присутствии следователя с невестой. После обильных слез и сетований на неудавшееся семейное счастье, которое теперь придется отложить, уже перед прощанием обвиняемый очень трогательно попросил невесту посетить и за него все места (дачу, лесное озеро, сарай с сеном), где они оба были столь счастливы. Впоследствии стало известно, что во всех этих местах было спрятано похищенное и догадливая невеста его перебрала.

3.6. Допрос колеблющегося обвиняемого также представляет определенную сложность. Такое состояние может ощущаться уже в ходе допроса допрашиваемого, либо стать известным из других следственных действий. В подобной ситуации одинаково опасно "перегнуть", т.е. чрезмерно прямолинейным напором вопросов вызвать реакцию безмотивного запирательства и отрицания "всего и вся", так и прервать допрос, дать возможность допрашиваемому успокоиться. Как бы не устал допрашивающий, колебания допрашиваемого нужно использовать до конца, т.е. до получения правдивых показаний.

Одним из оправдывающих себя на практике приемов в подобном случае является как бы импровизированное изложение допрашивающим двух вариантов возможного обвинительного заключения или приговора по делу: одного - при отрицании обвиняемым своей вины, второго - при чистосердечном признании. От прогнозов конкретных сроков наказания в

обоих случаях целесообразно воздержатся, показав лишь их существенную разницу. В самом изложении прогнозируемых вариантов внимание уделяется соответственно отягчающим и смягчающим вину обстоятельствам, зависящим от избранной обвиняемым линии поведения. При этом можно подчеркнуть не только те обстоятельства, которые прямо перечислены в законе, но и другие, вытекающие из норм морали. Так, вполне возможно разъяснение о том, что своим отказом дать показания о соучастнике обвиняемый определенным образом создал условия, способствовавшие, возможно, совершению новых тяжких преступлений. Даже если работник дальше не разовьет эту мысль, допрашиваемый из неё, как правило, сделает вывод о нецелесообразности утаивания информации о соучастнике. Этому способствует ещё и весьма распространенный в преступной среде эгоцентрический принцип - "Если мне плохо (я арестован), то почему ему должно быть хорошо?" Следует оговориться, что прямая, непосредственная ссылка на этот и подобные "правила", принципы и положения недопустимы, т.к. дискредитируют (подрывают авторитет) работника в глазах обвиняемого (подозреваемого).

4. Свообразным, отличным от рекомендаций, изложенных в учебниках криминалистики и относящихся к подавляющему большинству, если их так можно назвать, ординарных допросов, при разговоре с рассматриваемой категорией обвиняемых должно быть отношение к использованию доказательств. Обычно принято считать, что лучший способ получения правдивых показаний - это предъявление допрашиваемому имеющихся доказательств. Разработан и даже студентами усвоен целый набор тактических приемов такого предъявления - от менее значительных к более весомым, внезапное предъявление наиболее весомого доказательства, предъявление всей их совокупности одновременно и т.п. По глубокému, основанному на четверть вековом опыте борьбы с преступностью, убеждению автора все эти приемы применимы лишь в тех случаях, когда допрашиваемый один совершил только одно преступление и противное исключается (как

например, по т.н. бытовым преступлениям), либо, когда неопровержимые и достаточные доказательства имеются по всем без исключения возможным эпизодам преступной деятельности и наличие неизвестных следствию эпизодов или соучастников исключается.

Многие следователи забывают, что опытный преступник (а сейчас речь идет о допросе только таких) всегда стремится во чтобы-то ни стало вынудить допрашивающего "раскрыться" - предъявить или назвать имеющиеся доказательства. И только получив таким образом информацию о том, что известно следователю и что нет, он выбирает свою линию поведения. Можно привести десятки, если не сотни примеров из следственной практики, когда в результате преждевременного предъявления доказательств получались показания обвиняемого по одному какому-то преступлению, а целый ряд совершенных им других преступлений оставался нераскрытым или раскрывался с большим трудом и спустя значительное время, иногда даже после осуждения виновного за первый эпизод.

Искусство эффективного допроса обвиняемого (подозреваемого) рассматриваемой категории и заключается в том, чтобы, как правило, не предъявлять и не упоминать при этом имеющиеся конкретные доказательства.

Допрашивающий, безусловно, должен знать эти доказательства, как и знать, по возможности, детально обстоятельства всех тех преступлений, в совершении которых может подозреваться допрашиваемый. Однако вместо ссылок на конкретные доказательства по конкретным эпизодам, предпочтение должно быть отдано утверждениям и намекам более общего порядка.

Так, наличие хотя бы по одному, двум эпизодам отпечатков пальцев подозреваемого, дает основание допрашивающему утвердительно заявить, что коль скоро преступления (не конкретизируя) совершались без перчаток, то оставшиеся отпечатки, как должен понять допрашиваемый, с достаточной убедительностью изобличат его в содеянном, поэто-

му лучше продемонстрировать суду добровольный характер раскаяния, а не вынужденный, когда будут предъявлены заключения дактилоскопических экспертиз. Необходимо также использовать информацию о наличии свидетелей или потерпевших, которые могут опознать подозреваемого (обвиняемого). И тут лишь абстрактно упоминается, что преступника многие видели. Более того, при умелом построении разговора об имеющихся очевидцах, иногда удается избежать в дальнейшем столь рискованного (а вдруг не опознает!) предъявления обвиняемого на опознание, добившись от последнего согласия самому опознать потерпевших.

Так по одному из дел о целой серии изнасилований малолетних и несовершеннолетних имелись опасения, что потрясенные случившимся, далеко не все потерпевшие смогут опознать преступника. Тогда при его допросе, развивая мысль о важности накапливания даже мельчайших, смягчающих вину обстоятельств, нежелательности дальнейшего психического травмирования девочек, вынужденных опознавать преступника и ещё раз публично (при понятых и опознаваемых) рассказывать о происшедшем, он был как бы подведен к идее самому опознать потерпевших.

Аналогично используется, не предъявляя и не упоминая конкретно другие доказательства, и имеющаяся об обстоятельствах совершения раскрываемых преступлений.

Изложенное, безусловно, не следует понимать как категорическое предписание для всех возможных случаев. Бывают ситуации, когда при всем старании не удается "разговорить" допрашиваемого, надеющегося, что конкретных доказательств, возможно, против него нет. Тогда допустимо и даже необходимо упомянуть или предъявить отдельные из доказательств. Но, во-первых, это должно быть абсолютно бесспорным доказательством, чтобы ни в коем случае не дать возможности подозреваемому начать диалог о его значении. Во-вторых, упоминать или предъявлять доказательства следует только в процессе длительного разговора, как бы невзначай, просто как иллюстрацию общего те-

зиса о наличии такого рода доказательств. Если обвиняемый почувствует доказанность лишь некоторых фактов, можно с уверенностью сказать, что о всех остальных он говорить не будет и они останутся нераскрытыми.

5. Одним из важных путей повышения эффективности допроса лиц, рассматриваемой категории является развитие у следователя т.н. рефлексивного мышления (т.е. умения как бы мыслить и за собеседника, в данном случае за допрашиваемого обвиняемого, представить ход его мыслей и вероятное поведение после получения той или иной информации). Наличие такого мышления является обязательной предпосылкой правильного построения всего разговора с подозреваемым и обвиняемым, выбора наиболее оптимальной линии поведения, приема и метода допроса. Применение рефлексивного мышления возможно только при наличии информации о личности допрашиваемого, о важности которой уже отмечалось в начале этих рекомендаций.

Вместе с тем следователю необходимо не только иметь информацию о конкретном допрашиваемом, но знать и понимать особенности мышления преступника вообще. Анализируя причины неудач в работе по раскрытию преступлений и розыску преступников, часто обнаруживается, что молодые, а иногда и опытные следователи вроде и применяли рефлексивное мышление, на его основе прогнозировали определенное поведение допрашиваемого, осуществляли следственные действия и задавали вопросы, рассчитанные на определенную реакцию подозреваемого или обвиняемого, но положительных результатов не добились, т.к. он поступал или отвечал совсем иначе. Беда в том, что многими, если не большинством следователей, рефлексия сводится к ответу самому себе на вопрос: "А как бы я поступил на месте обвиняемого в подобной ситуации?" При этом не учитывается огромная, принципиальная разница в мировоззренческих принципах, жизненном и профессиональном опыте, ценностных критериях, во всем образе мышления следователя и обвиняемого (подозреваемого). Нужно скрупулезно изучать и стараться доско-

нально понять образ мышления обвиняемого (подозреваемого), думать за него, а не за себя на его месте. Без такого познания немислимо раскрытие тяжких преступлений, совершенных опытными преступниками, оно залог и их эффективного допроса.

Одним из наглядных проявлений специфики поведения опытного преступника может служить т.н. заведомый самооговор с целью последующей дискредитации в глазах суда всего остального установленного предварительным следствием. Будучи вынужденным в силу тех или иных причин дать правдивые показания о совершении одного или нескольких тяжких преступлений, опытный обвиняемый через некоторое время, успокоившись после естественного волнения в первые дни после внезапного задержания, интенсивных допросов и других следственных действий, начинает жалеть о сделанном признании и изыскивать мотивы отказа от данных показаний и ухода от ответственности за содеянное. При этом, полагая, что голословное утверждение о применении насилия и иных незаконных методов допроса не даст желаемых результатов, в последнее время обвиняемые все чаще прибегают к методу умышленного самооговора. О наличии и обстоятельствах совершения нераскрытых преступлений, в которых обвиняемый оговаривает себя, он знает либо от других себе подобных ещё до задержания, либо от сокамерников в ИВС и СИЗО. К сожалению, не редки случаи, когда эту информацию он получает и от следователей во время неумелых допросов. Особенно опасен с этой точки зрения рекомендуемый иногда в криминалистической литературе и применяемый на практике метод подробного изложения следователем всего процесса или отдельных деталей совершения преступления якобы для того, чтобы создать у допрашиваемого впечатление о наличии неизвестных ему очевидцев, иных доказательств его вины или признания соучастников. После такого допроса обвиняемому не составляет большого труда весьма правдоподобно оговорить себя и если он знаком с местностью, то даже убедительно вести себя при проверке показаний на месте. Усы-

пив обидительность следователя признанием ряда действительно совершенных преступлений, иной рецидивист ложно "берет" на себя десятки преступных эпизодов. Дождавшись вменения ему их в вину следователем, а иногда и окончания следствия и начала судебного процесса, он вдруг отказывается от всех ранее данных показаний, выдвигая по эпизодам по которым имел место самооговор, бесспорное неопровержимое алиби, а другие подлинные, отрицая голословно. И если следователь не достаточно опытный, не ожидал подобного, иногда расчет обвиняемого может оправдаться. Предусмотренные законом сроки содержания под стражей истекают, разобратся в нагромождении десятков, а порой сотен подлинных и ложных эпизодов не легко и дело как говорят "комкается".

Понять такую уловку обвиняемого, распознать самооговор не так легко. В этом может помочь только детальное скрупулезное расследование каждого эпизода, перепроверка всего сказанного обвиняемым, максимальная детализация его показаний.

Кроме того, в случаях последовательного признания обвиняемым все новых эпизодов своей преступной деятельности, возможна и менее трудоемкая перепроверка правдивости его линии поведения. В ряду других не раскрытых преступлений, возможно совершенных допрашиваемым, называется и такое, которое заведомо не могло быть им совершено (он еще находился в заключении, подлинный преступник известен и т.п.). Естественно, если обвиняемый тут же соглашается и подтверждает, что и данное преступление совершено им - налицо самооговор. После этого особо критически следует пересмотреть и все ранее полученные показания. Однако прерывать допрос и показывать допрашиваемому, что его уловка разгадана, как правило, не следует. К этому необходимо подготовиться, собрать доказательства по всем эпизодам самооговоров и тогда внезапно изобличить обвиняемого, стараясь использовать момент крушения его планов и надежд для получения новых правдивых показаний

о фактах, которые им ранее утаивались.

Подобные, почерпнутые из практики, рекомендации и размышления о путях поднятия результативности допросов подозреваемых и обвиняемых можно было бы продолжать ещё долго. Почти каждый опытный следователь мог бы дополнить их все новыми и новыми, в то же время, возможно, оспаривая некоторые из изложенных. Уже отмечалось, что научиться этому только теоретически невозможно. Поэтому настоящей статьёй и не ставилась цель дать какой-то исчерпывающий набор пригодных на все случаи жизни рецептов, применяя которые гарантировано получение правдивых показаний. Хотелось лишь привлечь внимание преподавателей криминалистики и студентов, готовящихся стать следователями к важности затронутой проблематики, необходимости овладения уже в процессе учебы и этой гранью следственного мастерства.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКЕ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ ПРИ
ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

До последнего времени в криминалистической литературе криминалистической характеристике преступлений не уделялось должного внимания, хотя следственная практика нуждалась в подобного рода научных исследованиях. В частности, выявление наиболее типичных и специфических характеристик умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах необходимо для дальнейшего совершенствования методики расследования данной категории преступлений.

Процесс раскрытия преступления складывается из действий следователя по обнаружению, собиранию, исследованию и использованию фактических данных об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. Криминалистическая характеристика той или иной категории преступлений является ориентиром для установления еще неизвестных обстоятельств расследуемого преступления. Принимая во внимание то, что все элементы криминалистической характеристики того или иного вида преступления взаимосвязаны и взаимообусловлены, следователь, руководствуясь рекомендациями, разрабатываемыми криминалистикой, в процессе раскрытия преступления идет от известных ему обстоятельств расследуемого преступления к неизвестным, но типичным в конкретной криминалистической методике.

Раскрытие умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах в подавляющем большинстве случаев осуществляется в условиях явной недостаточности фактических данных об обстоятельствах совершенного преступления. Тщательное и всестороннее изучение места совершения убийства дает возможность следователю на основе исходных данных выявлять другие, еще не известные ему обстоятельства, такие как способ совершения преступлений, способы их сокрытия, сведения о личности преступника, о мотивах убийства, о потер-

певшем и т.д. Каждый из элементов криминалистической характеристики преступлений по конкретному уголовному делу, будучи выявлен, служит своеобразным ориентиром к установлению других, еще неизвестных.

Проследим некоторые взаимосвязи элементов криминалистической характеристики умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах. Для чего используем данные, полученные при изучении архивных уголовных дел об убийствах при отягчающих обстоятельствах, расследованных следственными органами прокуратуры и Министерства Внутренних дел и рассмотренных Верховным судом ЛатвССР за последние 10 лет с 1973 по 1982 гг.

Среди обстоятельств совершения умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах существенным является место его совершения. Не столь редко первоначально перед следователем встает вопрос о том, где совершено убийство. Одним из путей к раскрытию убийства является всестороннее исследование обстановки на месте совершения убийства. Обстановка на месте преступления дает возможность следователю выяснить хотя бы в основных чертах обстоятельства совершенного убийства, а также указывает на то, где и какие ему следует искать материальные и идеальные следы преступления.

Изученные уголовные дела об умышленных убийствах при отягчающих обстоятельствах свидетельствует о том, что 64,2% убийств совершаются в городах, 27,5% - в рабочих поселках, 8,3% - вне населенных пунктов.

Обращает на себя внимание характеристика тех мест, где совершаются убийства при отягчающих обстоятельствах. Чаще всего эти преступления совершаются в квартирах убитых или потерпевших (58,3%), на улицах и площадях - 19,2%, в скверах и парках - 1,7%, а каждое десятое убийство - по месту работы потерпевшего.

Следователь должен иметь в виду, что убийство может быть совершено не в том месте, где обнаружен труп. Убийца с целью сокрытия преступления нередко перемещает труп в места, находящиеся на весьма значительном расстоянии от

места совершения преступления. Поэтому при осмотре места обнаружения трупа следует выяснить вопрос, является ли оно и местом совершения убийства. Особое внимание при этом должно быть обращено на наличие или отсутствие различных следов, в частности, пятен крови. Незначительное количество крови при наличии открытых телесных повреждений на трупе может свидетельствовать о том, что место обнаружения трупа не является местом совершения убийства.

Осмотр места, где обнаружен труп, отличается некоторыми особенностями ввиду того, что только в 30% случаев исследуемые убийства были совершены при очевидцах. Другой особенностью является характер объектов осмотра, т.е. труп и имеющиеся на нем повреждения, поза трупа, следы перемещения трупа как на самом трупе, так и на земле, положение одежды на трупе, расположение и цвет трупных пятен, произведенные преступником изменения в обстановке, следы крови, повреждения от пуль и холодного оружия, следы побочных действий преступника, место откуда можно было видеть и слышать то, что произошло на месте преступления, что оставил преступник на месте преступления и др., могущие иметь существенное значение для раскрытия убийства.

Как уже отмечалось выше, установление каждого элемента криминалистической характеристики имеет существенное значение для установления других. Так, например, обнаружив на трупе и на его одежде повреждения, следователь стремится установить нет ли на трупе таких повреждений, которые могли бы явиться причиной смерти и могли бы указать, какого рода орудие преступления (молоток, пистолет, кирпич, нож и т.д.) необходимо искать. Если на трупе обнаруживаются пулевые повреждения, следователь должен установить, какое из них является входным и какое выходным отверстием, направление раневого канала, обнаружить пулю, гильзу и дополнительные следы выстрела. Необходимо также выяснить, мог ли потерпевший сам причинить себе данное повреждение и далее искать место откуда был произведен выстрел.

Эти сведения дают возможность следователю установить другие, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела обстоятельства.

Среди элементов криминалистической характеристики умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах, центральное место занимает способ совершения убийства. Способ совершения убийства чаще всего заранее продумывается преступником и действия его складывается из комплекса подготовительных мер, в ходе самого преступления и после совершения его. Действия преступника оставляет в окружающей обстановке различные следы. Выявление этих следов позволяет собрать важные криминалистические сведения о происшедшем, характере примененных предметов и другие сведения. Способ совершения убийства может привести к обнаружению и изобличению преступника.

Изучение уголовных дел показало, что умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах совершают в 92,1% случаев мужчины и только в 7,9% случаев женщины, что также отражается в способах их совершения и в способах их сокрытия.

Изучая обстановку на месте происшествия следователь стремится раскрыть механизм образования обнаруженных следов и их относимость к преступлению. Чем полнее удастся изучить систему следов и установить существующие между ними связи, тем правильнее можно объяснить как событие преступления так и обстановку, в которой оно протекало [1].

Наиболее важными для дела являются следы, оставленные преступником. Однако для определения механизма преступления не менее важно выявить следы, оставленные потерпевшим, а также те изменения в материальной среде, которые не связаны с расследуемым событием.

С учетом закономерностей следообразования следует установить объекты, оставившие следы. Целесообразно, на наш взгляд, пользоваться классификациями следов, предложенными Б.И.Шевченко [2].

Исследованию различных следов на месте убийства спо-

собствует также использование классификаций, разработанных с учетом характера объектов, оставивших следы. По одной из предложенных классификаций все следы подразделяются на 7 групп: 1) следы действия преступника; 2) следы самообороны потерпевшего; 3) следы передвижения; 4) прочие следы пребывания человека; 5) следы ухищренные, замаскированные, инсценирования обстановки места происшествия; 6) следы изменений в обстановке после события преступления; 7) случайные следы, образовавшиеся вне связи с изучаемым событием, иногда задолго до него [3].

Обнаружение указанных следов имеет большое значение для следствия. Наличие разных следов может дать полное представление об обстоятельствах преступления. Учитывая характер обнаруженных следов, следователь может более целеустремленно решить стоящие перед ним задачи.

В зависимости от того, какие орудия преступления применялись, остаются и различные следы. Во всех случаях наружного осмотра трупа необходимо стремиться установить: обстоятельства наступления смерти и её причины, способ совершения убийства, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Следственная практика показывает, что при первичном осмотре трупа по делам об убийствах на месте его обнаружения чаще всего встречаются повреждения, причиненные тупыми и острыми предметами. Изученные уголовные дела показывают, что в 61,6% случаев умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах совершаются в результате применения тупых орудий, в 13,3% случаев - в результате применения острых орудий, а в 16,8% случаев на трупе встречались повреждения, нанесенные и тупыми и острыми предметами. Только в 3,3% случаев умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах были совершены в результате воздействия на организм человека других факторов внешней среды.

Тупыми орудиями служили кулак, обутая нога человека, прут, полено, топор и др.. В результате воздействия тупых орудий на тело убитого возникли различные повреждения в

виде ссадин, ушибов, ран, переломов костей, разрывов внутренних органов. Следует иметь в виду то, что при ударах, нанесенных тупыми предметами по одежде, последняя может оказаться целой. Некоторые из указанных повреждений иногда выявлялись лишь при внутреннем исследовании трупа.

Иногда на одежде трупа остаются отпечатки тупых предметов. При исследовании одежды трупа на ней могут быть выявлены следы применяемого оружия, характеризующие форму и особенности последнего.

В 60,8% случаев преступником в качестве орудия убийства использовались бытовые предметы, такие как молоток, топор, отвертка, нож, ломик и др. предметы. Только в 3,3% случаев в качестве орудия убийства преступником использовались предметы, специально приспособленные для убийства. В 1,7% случаев убийство было совершено с применением огнестрельного оружия, половина из которого являлась типичным оружием. Так же в 1,7% случаев убийство было совершено с применением холодного оружия. В 6,7% случаев убийство было совершено путем механического закрытия дыхательных путей: сдавление руками, сдавление петлей и закрытие дыхательных путей инородными телами.

Независимо от того, каким орудием была причинена смерть, всегда можно обнаружить признаки и следы, которые позволят выявить существенные детали происшествия.

Наряду со следами преступления большое значение могут иметь различные вещи и предметы, которые предположительно принадлежат преступникам. По изученным нами делам в 15,9% случаев на месте преступления были обнаружены различные предметы и вещи, принадлежащие убийцам и утерянные ими. Чаще всего обнаруживались перья, шапки, перчатки, а также авторучки, карандаши; расчески, газеты, записки, окурки и др.. В тех случаях, когда убийство совершается во время употребления алкогольных напитков или после их употребления, в качестве брошенных предметов остаются принесенные бутылки, стаканы, остатки пищи и др.. На этих предметах иногда можно найти отпечатки пальцев рук, губ, остатки

слоны, пота и др., по которым можно выявить видоленный антиген и связи с этим, установить данные, характеризующие личность преступника.

Сравнительно редко на месте преступления обнаруживаются оставленные документы, которые могут указать на личность преступника. От всего количества (15,9% случаев) только в 1,7% случаях на месте преступления были найдены утерянныe документы, такие как письма, выполненные рукой убицды и заметки.

Как известно, на орудиях преступления, на трупе и его одежде, на брошенных вещах и т.д. остаются различные следы, в том числе следы рук, следы ног человека, следы зубов человека, следы ногтей и др.

Значение следов рук, обнаруженных на месте убийства, определяется прежде всего возможностью идентификации убийцы по отображениям папиллярных узоров. По следам рук могут быть установлены механизм преступления и некоторые физические признаки оставившего их лица.

Следы ног человека, обнаруженные на месте убийства, позволяют судить о том, откуда пришел и куда ушел убийца. Следы ног человека способствуют установлению так же механизма преступления. По следам ног в благоприятных случаях могут быть установлены некоторые физические признаки оставившего их лица.

Во время борьбы на теле потерпевшего и убийцы могут образоваться следы зубов. Следы зубов находят иногда на продуктах, которые ест преступник на месте преступления. Следы зубов могут встретиться и на несъедобных предметах.

Если продукты или предметы пластичные, то они воспринимают и мелкие особенности строения зубов. Эти следы вполне пригодны для идентификации.

Следы ногтей чаще образуются на теле потерпевшего во время борьбы. По следу ногтей на трупе в большинстве случаев удается лишь судить об общей их форме и сделать на этом основании вывод лишь о родовом сходстве или различии следа с ногтями убийцы. Следует заметить, что из мелкие

поверхностные повреждения трупа необходимо обращать особое внимание, так как незначительные на первый взгляд, они свидетельствуют не только о том, что потерпевший сопротивлялся, но и позволяют сделать некоторые выводы об обстоятельствах происшедшего.

Изученные уголовные дела об умышленных убийствах свидетельствуют о том, что всегда при подготовке, совершении и сокрытии преступления, как бы ни изолялся преступник, на месте убийства остаются следы, в том числе и следы рук. Однако следы рук были обнаружены только в 15,1% случаях, следы ног человека в 3,3% случаях, следы зубов в 0,8% случаях и следы ногтей в 5,9% случаях. Данное положение указывает на то, что нужно всегда верить в возможность обнаружения следов, даже если убийство совершено давным-давно. Всегда надлежит предполагать возможность изменения следов и других объектов и их нужно искать не только в первоначальном виде, но и измененном.

На орудиях преступления, предметах, препятствиях, на трупе и его одежде, на брошенных вещах и т.д., остаются различные мелкие волокна и иные частицы одежды убийцы, некоторое количество клеток поврежденных живых тканей. Эти частицы всегда имеются на указанных объектах, но не всегда они обнаруживаются. Всегда возможно найти различные микрочастицы органического происхождения (волокна тканей, частицы растений, волосы человека, волосы животных и т.д.), неорганического происхождения (микрочастицы неметаллов и металлов), а также микрочастицы смешанного происхождения.

Ввиду того, что микрочастицы практически являются неустранимыми им необходимо уделить особое внимание. Они могут в значительной мере указать на род занятий человека, объяснить откуда убийца и потерпевший пришли и т.д..

Микрочастицы могут быть обнаружены путем применения научно-технических средств: под действием ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, с применением реактивов и др.

Изучение материалов уголовных дел показывает, что

только в 15,8% случаев были обнаружены микрочастицы, в том числе в 5,9% случаев были обнаружены микрочастицы без применения инструментальных методов, а в 9,9% случаев для обнаружения микрочастиц были использованы инструментальные методы. Для глубокого изучения обстановки и объектов места преступления целесообразно шире использовать новейшие научно-технические средства для выявления имеющихся микрочастиц.

Особое значение имеет способ сокрытия убийства. Поэтому необходимо выявить следы и другие фактические данные, характеризующие способы сокрытия. Чтобы успешно искать такие следы, необходимо знать встречающиеся в следственной практике способы сокрытия умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах. Следственная практика показывает, что чаще всего на месте убийства находятся следы, указывающие на попытки убийцы: скрыть вообще факт смерти потерпевшего; скрыть факт насильственного причинения смерти потерпевшему; уничтожить следы и предметы, изобличающие убийцу; устранить или уничтожить орудия убийства; создать ложные следы совершения убийства иным лицом и др..

По изученным нами делам в 28,3% случаев преступники совершили различные действия с целью сокрытия факта смерти потерпевшего. Обращает на себя внимание также и то, что убийца с целью сокрытия факта смерти потерпевшего в 15% случаев тело убитого переместил на весьма значительное расстояние от места совершения убийства, в 5% случаев тело убитого было брошено в воду, в 2,5% случаев тело убитого было закопано в землю, в 1,7% случаев сокрытие убийств было осуществлено путем сожжения трупа, в 0,8% случаев было произведено расчленение трупа и в 2,5% случаев были обнаружены другие способы сокрытия трупа.

Существуют определенные закономерности выбора преступником мест сокрытия орудий преступления. Как правило, преступники всегда пытаются освободиться от орудия убийства, особенно, если это огнестрельное или холодное оружие. Даже в тех случаях, когда преступником в качестве орудия

убийства использовались бытовые предметы в 19,1% случаев они пытались освободиться от них. Чаще всего, если вблизи находилась река, или другой водоем, преступники бросали орудия преступления в эти водоемы. Весьма часто преступники выбрасывают орудия преступления на месте преступления или поблизости от него в кустарнике, на дорогах и даже в средствах транспорта и в др. местах. Следует иметь в виду, что редко, в 1,9% случаев, преступники прятали орудия преступления по месту жительства или недалеко от него в различных местах. Так же редко, в 1,5% случаев, преступники прилагают усилия к тому, чтобы уничтожить орудия преступления. Эти сведения в отдельных случаях помогают определить место сокрытия орудий преступления.

После совершения преступления убийцы обычно предпринимают меры к сокрытию оставленных следов: следов крови, рук и ног, следов перемещения трупа, следов борьбы и т.д. Как показывает следственная практика, в 26,7% случаях, преступники пытались скрыть следы преступления, из них в 7,6% случаях преступники пытались уничтожить следы крови, замывая их, в 11,7% случаях выбрасывали вещи и предметы, на которых остались различные следы, в 4,1% случаях следы преступления были стерты, а в 3,3% случаях предметы и вещи, на которых были следы по показаниям обвиняемых были ими сожжены.

Изучая следственную практику, мы столкнулись с таким явлением, когда убийцы, чтобы не быть заподозренными в совершенном преступлении, предпринимают такие меры, которые фактически ведут к их обнаружению. При этом, чем больше усилий они прилагают к тому, чтобы остаться вне поля зрения следственных органов, тем больше они выдают себя. Чтобы, с одной стороны, облегчить свое психическое состояние и, с другой стороны, не быть заподозренным в причастности к расследуемому преступлению, они распространяют неправдоподобные слухи о преступлении и лицах их совершивших. Изучение материалов уголовных дел показывает, что в 20% случаев убийцы использовали различные психологические приемы

для сохранения в тайне своей роли в преступлении, из них в 15% случаях преступники распространяли заведомо ложные сведения о преступлении, а в 5% случаях ими были написаны ложные заявления.

Изложенное показывает, что разнообразные следы, предметы и микрочастицы, обнаруженные на месте совершения убийства могут иметь большое значение для раскрытия преступления. Изучение обстановки места убийства, его следов, способов подготовки и совершения убийства, а также способов его сокрытия дает возможность установить другие важные элементы криминалистической характеристики убийств при отягчающих обстоятельствах.

Указанные элементы криминалистической характеристики убийств взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждый из элементов является определяющим фактором для выявления других. Изучение обстановки места совершения убийства, её элементов и тех изменений, с которыми связано преступное деяние дает возможность выдвигать предположения о личности преступника. Практика борьбы с преступностью настоятельно требует исследования данных о личности неустановленного преступника, получаемых при изучении места совершения убийства и позволяющих выдвигать обоснованные суждения о его физических, биологических, психических и социальных качествах и свойствах.

Список литературы

1. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. - Л., 1976, с.62.
2. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии. - М., 1947, с.18-19.
3. Бегалиев К., Попов В.И. Теоретические вопросы осмотра места происшествия. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1983, вып. 39, с.62-63.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МЕСТА АВАРИИ

Повышение материального и культурного уровня трудящихся существенным образом зависит от успехов социалистического хозяйства и особенно от развития и роста его производительных сил.

При постоянном росте количественных и качественных показателей народного хозяйства и в условиях тесной взаимосвязи предприятий и производственных объединений с народным хозяйством стран-членов СЭВ, т.е. в рамках социалистической экономической интеграции, неизбежно возрастают требования, предъявляемые к народно-хозяйственному планированию и руководству народным хозяйством. Для достижения высоких показателей, в которых заинтересовано всё общество, необходимо непрерывное, без каких-либо помех развитие производства.

Однако всё же имеют место случаи, отрицательно влияющие на производственные процессы, т.е. случаи, которые в большей или меньшей степени наносят ущерб народному хозяйству и связаны с посягательствами на жизнь и здоровье трудящихся. Вполне возможны такие нарушения производственных процессов, которые ведут к авариям, ^{XXX} пожарам, взрывам или другим разрушениям в результате чего уничтожаются, повреждаются или выводятся из строя сооружения, оборудование, механизмы и приборы. Нарушения производственных процессов выступают как результаты множества различных причин и условий, имеющих как объективный так и субъективный характер. Можно предположить, что причиненный средствам производства ущерб как следствие аварий и иных происшествий в основном обусловлен техникой и технологи-

XXX

Авария — это умышленное или неосторожное деяние, или происшедшее независимо от воли человека событие, влекущее за собой уничтожение или повреждение средств производства, нарушение технологического процесса, человеческие жертвы, или ставящее под угрозу жизнь и здоровье людей.

ческими процессами. Практика расследования подобного рода происшествий, наносящих ущерб производству, прежде всего обращается к причинам их возникновения. В основе исследуемых явлений лежат прежде всего закономерности природного и технического характера и поэтому осмотр места аварии имеет исключительное значение для исследования причин их возникновения. Причиной каждой аварии следует считать действие или бездействие человека в виде нарушения юридических и профессиональных обязанностей, а природные и технические закономерности выступают лишь как условия её возникновения. При расследовании аварии центральное место занимает доказывание её причин и связанных с ними условий. Общеизвестно, что около 60 % всех аварий возникают в результате нарушения правовых предписаний, в том числе и ведомственных. Примерно 25 % аварий происходит из-за неполадок в технических устройствах или в технологических процессах. Сюда же следует отнести те аварии, которые выступают как результат недостаточности научных знаний, ошибок в конструировании и проектировании механизмов и оборудования, недостатков в организации труда. Весьма редки аварии по причине стихийных бедствий (бурь, наводнений, землетрясений, снегопадов и гололеда).

Необходимость выявления причин аварий при их расследовании объясняется необходимостью их предотвращения. Поэтому при расследовании подвергается тщательному исследованию весь процесс происшествия, факты, свидетельствующие о допущенных нарушениях правовых и технических норм, наличие или отсутствие причинной связи между действиями людей и наступившими последствиями, виновность соответствующих лиц.

Предупреждение, расследование и наказуемость аварий обеспечивается наличием соответствующих правовых установлений. Эти правовые положения относятся к деятельности:

- руководителей и работников объединений, комбинатов и предприятий;

- государственных и общественных органов контроля

(напр., государственного комитета по техническому надзору, государственного надзора по строительству, инспекции по охране труда);

- органов следствия и органов безопасности.

Использование органами следствия криминалистических средств и методов при выявлении и расследовании производственных аварий можно обосновать с различных точек зрения.

Как уже отмечалось, речь идет о тех случаях, которые отрицательно влияют на экономические, технологические и технические процессы и нередко

- создают опасность причинения вреда хозяйственным интересам или непосредственного причинения материального ущерба;

- причиняют существенный вред или значительный материальный ущерб;

- непосредственно угрожают жизни и здоровью людей;

- влекут за собой причинение телесных повреждений или даже человеческие жертвы.

Очевидность того, что происшествие является последствием преступления или иного правонарушения встречается лишь в редких случаях. Чтобы обеспечить объективный подход к расследуемым авариям и другим подобного рода происшествиям понятие "преступление" к ним не применяется, а если применяется, то не иначе как в обвинительном заключении на основании собранных доказательств. И в то же время указанные происшествия рассматриваются как относящиеся к криминалистике. Э.Штельцер относимость данных случаев к криминалистике определяет как их "...правовую релевантность, соединенную с необходимостью их расследования, раскрытия и предупреждения" [1]. Это означает, что исследование обстоятельств происшествия, если даже оно и не относится к криминалистике, необходимо всегда; по крайней мере оно необходимо для установления фактов, имеющих значение, например, для применения норм трудового права. Кроме того, следует учитывать, что такого рода происшествия взаимосвязаны с правовым обеспечением безопасности граждан, их правовыми, имущественными и немущественными интересами.

Расследованием в первую очередь ставятся на разрешение специальные вопросы относительно проектирования, конструирования, технологии, правил эксплуатации и организации охраны труда нарушенного производственного процесса. Разнообразие решаемых при этом задач исключает их достижение только силами следственных органов. Поэтому здесь предполагается сотрудничество с работниками производства, специалистами и экспертами различных направлений.

В случаях расследования происшествий, связанных с человеческими жертвами или значительным материальным ущербом на место происшествия обычно прибывают комиссии, состоящие из лиц разных специальностей. Эти комиссии разбираются на группы, одни из которых компетентны производить осмотр места происшествия или допросы свидетелей и подозреваемых, другие спасают потерпевших и оказывают им помощь, обрабатывают информацию и документацию. В группе расследования и в группе спасения наряду с криминалистами и криминалистами-техниками действуют и другие специалисты, в частности, специалисты в области судебной медицины, эксперты. Расследование аварий, относящихся к криминалистике, с начала и до конца является процессом собирания и обработки информации. Необходимо всесторонне изучить о каждом расследуемом происшествии имеющуюся информацию и на её основе принимать решения, касающиеся дальнейшей деятельности.

Сразу же после получения сообщения (заявления, информации) и с учетом вытекающих из сообщения выводов следует немедленно провести следующие мероприятия:

1. приступить к спасательным работам и оказанию помощи раненым, принять меры к поиску пропавших лиц и опознанию тяжело раненых;
2. принять меры к спасению недвижимого имущества (в сельском хозяйстве также скота);
3. устранить источники грозящей опасности (конизру-

щее излучение, утечка газа, кислоты и т.д.);

4. обезопасить место происшествия;

5. принять меры к сохранности имеющихся следов;

6. выявить и проконтролировать перемещения всех лиц и транспорта в непосредственной близости от места происшествия;

7. при наличии подозрений об умышленном характере действий, вызвавших аварию, безотлагательно принять меры по задержанию виновного.

Первоначально решается вопрос о том какого профиля специалистов и экспертов следует пригласить. Необходимо также тесное сотрудничество с заводской комиссией, занимающейся выяснением причин аварии, специалистами предприятия.

Недопустимо связывать границы места происшествия, подлежащего осмотру, о узкими рамками того участка, где непосредственно наступили последствия аварии: должны быть включены и те участки и сооружения, которые могут быть связаны с нарушенным производственным процессом. Соблюдение указанных условий проведения осмотра места происшествия должно быть постоянно в поле зрения.

Чтобы получить общее представление о размерах причиненного ущерба или имеющихся разрушениях производится ориентировочный осмотр всего места происшествия. Во время проведения осмотра также требуется соблюдение правил безопасности.

Осмотр места происшествия должен дать такое количество информации, какое необходимо для успешного проведения первого допроса тех лиц (водителей, машинистов, слесарей, кочегаров и т.д.), которые работали либо на аварийном участке, либо в непосредственной близости от него. Перед экспертами при осмотре стоит другая задача - получить общее представление о технологическом процессе, выявить технические данные как в общем виде, так и в части техники безопасности аварийного объекта. Перед группой должны ставиться задачи, обеспечивающие достижение быстрого и точного исхода следствия. Непременны должны быть сохра-

нены следы, не являющиеся устойчивыми (газы, улетучивавшиеся вещества).

Следующая задача сводится к составлению схем расположения трубопроводов и кабелей (воды, газа, пара, вентиляции, электрического тока), установлению их взаимосвязи с аварийным объектом и выяснению последствий при их отключении от системы. Установление механизма происшествия также связано с изучением проектной документации, инструкций по выполняемой работе и стандартизации, графиков и диаграмм, аварийной документации, протоколов и т.д. Значение указанных документов состоит в том, что они могут выступать как доказательства.

Следует учитывать возможности различного рода аварий в результате недостатков в техническом обслуживании. Отсюда следует вывод о необходимости учитывать все сведения о ранее проводимых ремонтах, проверках по осуществлению технического надзора, сведения об исправности аварийного объекта, фактах износа оборудования и т.п. Результатом осмотра места происшествия должны быть фактические данные, необходимые для выдвижения версий и составления плана расследования.

Содержание и цель всех действий, осуществляемых на месте происшествия, определяются стремлением создать максимальное количество информации при помощи которой возможно установить причины и условия, способствовавшие аварии, а также установить наличие или отсутствие признаков преступления.

Вещественные доказательства могут быть правильно и рационально использованы лишь при соблюдении правил собирания, оценки и использования следов с учетом их криминалистического и уголовно-процессуального значения. Это объясняется тем, что уровень расследования определяется степенью овладения средствами, методами и приемами оперирования доказательствами.

Расследование аварий возможно проводить в трех основных направлениях:

1. установление сложившейся и предшествующей происшествию ситуации путем обращения к производственной обстановке накануне аварии (наличие случайных неполадок, производимые ремонтные работы, незначительные перебои в работе);

2. установление материальных изменений, вызванных происшествием;

3. установление того, подпадает ли данный случай под действие той или другой правовой нормы.

В процессе целенаправленного и планового расследования устанавливаются:

- процесс аварии и его отдельные этапы;

- причины, вызвавшие разрушения; являются ли причиной технологические процессы или ими являются иные, "внешние" факторы;

- какие узлы или механизмы в исследуемой системе способствовали происшествию, создали аварийную обстановку;

- какие из разрушений оказались сопутствующими аварии и какие предшествовали ей;

- не используются ли ссылки на обусловленность аварии техническими причинами для того, чтобы склонить следствие к прекращению дела или хотя бы помешать ему.

Замечено, что большая часть повреждений при авариях причиняется строительным конструкциям или их элементам; отсюда следует, что по устойчивым следам на них они могут быть заново воспроизведены. Оставленные следы представляют ценность только тогда, когда известны закономерности их возникновения, в том числе специфика возникновения конкретных следов, а также если известны возможности применения и использования специальных средств и методов, основанных на предшествующем опыте.

Ситуация, предшествующая происшествию, непосредственно само происшествие и его результаты устанавливаются благодаря оставляемым при перегрузках следам, которые возможно классифицировать следующим образом:

1. следы, связанные с механическими перегрузками

(разломы, разрывы, трещины, износы, деформации);

2. следы, связанные с термическими перегрузками (перегрев, переохлаждение, термошок);

3. следы, связанные с электрическими перегрузками (электростатическая нагрузка, перенапряжение);

4. следы, связанные с химическими и электрохимическими перегрузками (коррозия, износ, воздействие химикатов).

Данная классификация следов может быть дополнена следами, которые возникают, например, как результат применения смазочных масел, осадки, грязь и т.п.

Параметры производственного процесса постоянно контролируются и фиксируются. Показания счетчиков и письменнo-зaфиксированные данные относительно давления, температуры, нагрузки или перегрузки устройств, дорог и т.д. - всё это имеет немаловажное значение для раскрытия происшествия. Зaфиксированные данные и их оценка позволяет точно установить время происшествия. Поскольку следы и показания измерительных приборов как доказательства имеют при расследовании аварий существенное значение постольку они подлежат тщательной фиксации путем фотосъемки (и в том виде как они обнаружены), а также должны быть описаны в протоколе.

Органическую часть работы со следами составляет их оперативная оценка. В данном случае речь идет не столько о работе со следами на месте происшествия, т.е. их обнаружении и фиксации с последующим направлением в распоряжение экспертов, сколько о том, каким информационным потенциалом они выступают для криминалиста или другого специалиста на месте происшествия. Установление механизма возникновения того или иного следа служит отправной точкой для обнаружения других следов и раскрытия всего происшествия в целом. Обнаруженный след позволяет оперативно выяснить какое место по логике вещей он занимает среди других данных, выявленных ранее, какую другую, еще неизвестную информацию можно получить путем применения научно-технических методов расследования, какие материалы

следует подготовить для сравнительного исследования и какие другие следы в этом случае следует искать. Возможна и такая постановка вопроса: возникли ли данные следы в результате правомерных или неправомерных действий?

Конечная цель оперативной оценки следов состоит в установлении причинно-следственных связей, что позволит сделать выводы, необходимые для выдвижения версий и составления эффективного плана расследования.

В заключение следует подчеркнуть, что обнаружение, сохранение, исследование и оценка следов не является единственным аспектом расследования. Должны учитываться также и такие источники информации, которые связаны с профилактическими мероприятиями, направленными на укрепление дисциплины, порядка и безопасности производства.

С Х Е М А

осмотра места происшествия

П Р О И С Ш Е С Т В И Е

Информация о происшествии (заявление, сообщение)

Срочные мероприятия (спасание потерпевших, оказание им помощи и их опознание, устранение источников опасности)

Охрана места происшествия (меры по сохранности следов и фиксация причинного ущерба)

Планирование осмотра и выдвижение версий

Непосредственный осмотр

Обнаружение следов, визуальный осмотр, их оценка	Информация Критическая оценка	Восприятие Опросы/допросы
--	----------------------------------	------------------------------

Оценка данных и дальнейший осмотр

проверка

Электри- ческих	металло- графичес- ких	фракто- графичес- ких	химико- аналити- ческих	механико- технологич- еских
--------------------	------------------------------	-----------------------------	-------------------------------	-----------------------------------

повреждений

Причины возникновения (поводы)

Доказывание причин и условий, а также

виновность лица

Профилактические меры

Предупреждение Статистика Работа с общественностью

Список литературы

I. Stelzer E. Sozialistische Kriminalistik.-Berlin, 1979,
Bd. I.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ "СУДЕБНАЯ ЭТИКА"

Марксистская этика как наука о нравственности (морали) содержит положение о том, что в рамках общей моральной системы социалистического общества существуют относительно самостоятельные области морального регулирования в виде профессиональной морали (педагогической, врачебной, воинской, научной и т.д.) [1]. Соответственно той или иной области профессиональной морали в науке этики формируются или уже сформировались особые отрасли профессиональной этики, рассматриваемые иногда как частные области знаний, одной из которых является судебная этика.

Судебная этика как особая область научного знания, отражающего действительность на стыке права и нравственности, находится в стадии формирования. Понятия, выработанные в этой области знания, еще не получили однозначного содержания. Наблюдаются серьезные расхождения и в применяемых для обозначения этих понятий терминах. До настоящего времени не утратило актуальности утверждение о том, что "специалистам в области права и этики предстоит еще многое сделать для уточнения таких понятий, как профессиональная мораль юриста, этика юриста, судебная этика, следственная этика и т.д. [2].

В этой связи следует заметить, что формирующаяся на стыке права и нравственности новая отрасль знания еще не получила однозначного наименования. Одни авторы именуют её юридической или правовой этикой, а другие - судебной. Наряду с указанными терминами в литературе также употребляются такие термины как следственная, экспертная и адвокатская этика. В частности, о следственной этике пишут Л.Д.Кокорев, С.Г.Лобичев, А.Р.Ратинов [3], об экспертной этике - Л.Е.Ароцкер [4], об адвокатской этике - А.Д.Бойков, Д.П.Ватман, Н.П.Кан, Я.С.Киселев [5] и другие авторы.

Наиболее конкурирующими являются понятия "судебная этика" и "юридическая этика", чем и обуславливается необходимость разобраться прежде всего в этих понятиях.

В литературе высказывается мнение, что формирующаяся науку следует именовать не судебной, а юридической этикой. Один из сторонников данной точки зрения В.П.Реутов исходит из того, что юристы — это не только судьи, прокуроры, следователи и адвокаты, но и также председатели и секретари исполкомов, начальники отделов кадров, арбитры, юрисконсульты, нотариусы и т.д. и, стало быть, в пределах юридической этики нужно изучать "общие для всех юристов этические основы их профессии" [6].

Предложение о создании единой для всех юристов системы моральных норм (морального кодекса юриста) и соответствующей отрасли научного знания (юридической этики), на наш взгляд, неприемлемо. Дело в том, что разделению труда в обществе предполагает не только различие в специальности, но и дальнейшую специализацию в пределах одной и той же специальности, т.е. наряду со специальностью следует также различать и профессию.

Индивид, имеющий специальность юриста, т.е. обладающий юридическими знаниями, специализируется в определенной сфере практической деятельности и, тем самым, приобретает профессиональную специализацию. Юрист по специальности, может быть судьей, прокурором, следователем, адвокатом, арбитром, нотариусом, юрисконсультантом, председателем исполкома, начальником отдела кадров, работником органов социального обеспечения, научным сотрудником и т.д. Перечень областей общественной жизни, в которых субъектом деятельности выступает юрист по специальности, настолько разнообразен, что не поддается простому перечислению. Различие в специфике профессиональной деятельности юристов, применяющих свои знания в самых различных сферах общественной жизни, настолько велико, что создание морального кодекса юриста невозможно. Чтобы создать такой моральный кодекс необходимо отвлечься от специфики профессиональной деятельности юриста, но в этом случае моральные нормы приобретут характер всеобщности. Попытки создания морального

кодекса юриста обречены на неудачу по той простой причине, что в силу всеобщности такие моральные нормы, регулирующие его деятельность, совпадут с господствующими в нашей стране общими нормами коммунистической морали, составляющими моральный кодекс строителя коммунизма. Соответственно беспредметной становится и попытка формирования такой науки как юридическая (правовая) этика, ибо для нее нет специфического конкретного вида профессиональной деятельности. Под профессиональной же этикой понимается совокупность нравственных норм, принципов, оценок, отражающих специфику конкретного вида профессиональной деятельности и долженствующих определять поведение лиц, принадлежащих к данной профессиональной группе [7].

Индивид, имеющий специальность юриста, специализируется в определенной сфере деятельности (судебной, следственной, прокурорской, адвокатской и т.д.) и тем самым приобретает профессиональную специализацию. В данном случае судья, следователь, прокурор, адвокат являются не только субъектами уголовно-процессуальных отношений, но и субъектами нравственных отношений. В сфере деятельности указанных индивидов тесная взаимосвязь и взаимообусловленность уголовно-процессуальных и нравственных отношений не может не отразиться на специфике нравственных отношений. Нравственные отношения в сфере судопроизводства складываются, с одной стороны, под воздействием общих и основополагающих принципов и норм коммунистической морали, а с другой — под воздействием сложившихся профессиональных моральных требований. Представляется вполне правомерным говорить о специфике моральных норм, действующих в сфере судопроизводства, и, тем самым, об относительной самостоятельности той области научного знания, которая именуется судебной этикой.

Как уже отмечалось, некоторые авторы пишут о специфике нравственной деятельности судьи, следователя, адвоката и т.д. и соответственно об этике судьи, следователя, адвоката как отраслях знания. Несомненно профессиональная мо-

раль следователя имеет некоторое отличие от профессиональной морали защитника. Однако это различие не выходит за рамки профессиональных нравственных норм, применяемых в уголовном судопроизводстве. Следователь и защитник являются участниками уголовно-процессуальной деятельности и складывающихся при этом уголовно-процессуальных отношений. Здесь уместно напомнить высказывание П.С.Элькинд о том, что советское уголовное судопроизводство - это не только правовая, но и высоконравственная деятельность его субъектов, направленная как на укрепление социалистической законности, так и на укрепление норм коммунистической морали в жизни общества, в поведении людей [8].

Судебная этика как наука существует благодаря наличию у нее специфического предмета исследования - нравственных отношений, складывающихся между участниками гражданского или уголовного судопроизводства. Субъектами нравственных отношений при этом оказываются не только лица, профессионально осуществляющие свои функции, но и другие лица, вовлеченные в сферу судопроизводства. Однако назначение судебной этики как науки состоит в том, чтобы способствовать высоконравственному исполнению профессиональных функций с сфере судопроизводства.

Правда, отдельные ученые более расширительно толкуют назначение судебной этики и считают, что она не должна ограничиваться нравственными аспектами профессиональной деятельности. В частности, А.Ратинов и Ю.Зархин пишут, что судебная этика имеет дело также и с внеслужебной деятельностью профессиональных участников судопроизводства [9]. Г.Ф.Горский, Л.Д.Кокорев, Д.П.Котов указывают, что "личная репутация судьи, прокурора, следователя, адвоката, их стремление укреплять престиж органов юстиции и своим внеслужебным поведением являются необходимыми условиями эффективной деятельности по осуществлению правосудия" [10]. Данная точка зрения не бесспорна по тем соображениям, что ее авторы расширяют профессиональную мораль до уровня общеморальной системы, существующей в нашем обществе. Дея-

тельность любого индивида прежде всего должна соответствовать моральному кодексу строителя коммунизма. Профессиональная же мораль исходит из общей моральной системы общества, дополняя и конкретизируя её нравственными аспектами той или иной профессиональной деятельности, в частности, деятельности по расследованию и рассмотрению в судах уголовных и гражданских дел.

Список литературы

1. Марксистская этика /Под ред. А.И.Титаренко.-М., 1980, с.272.
2. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Судебная этика: Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса.- Воронеж, 1973, с.10-11.
3. Кокорев Л.Д. Понятие, задачи и соотношение профессиональной этики юриста и следственной этики.- В кн.:Этика предварительного следствия: Труды ВСП МВД СССР.- Волгоград, 1976, вып.15; Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики.- М.,1980; Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика.- Соц. законность, 1970, № 10.
4. Ароцкер Л.Е. Об этике судебного эксперта.- В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза.- Киев, 1968, вып.5.
5. Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам.- М.,1978; Ватман Д.П. Адвокатская этика.-М.,1977; Кан Н.П. Некоторые вопросы адвокатской этики.- В кн.: Вопросы защиты по уголовным делам.-Л.,1967; Киселев Я.С. Этика адвоката.- Л.,1974.
6. Реутов В.П. О предмете юридической этики.- Уч.записки Пермского ун-та, 1973, № 284, вып.4, Государство, право, законность, с.128.
7. Петрецкий В.А. Будущий специалист и профессиональная этика.- В кн.: Проблемы этики и эстетики.-Л., 1973,с.64.
8. Элькинц П. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство.- Сов. юстиция, 1977, № 3, с.8.
9. Ратинов А., Зархин Ю. Указ. соч.,с.35.
10. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Указ.соч.,с. 16.

ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ ПОЛИЦИИ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННО -
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО РЕПРЕССИВНОГО АППАРАТА
(на примере ФРГ)

"Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса" [1].

Исследованию функций полиции в качестве исходного положения должно предшествовать исследование функций государства как продукта существующего общественного строя. Хотя по отношению к государству и в его системе полиция занимает подчиненное место, она тем не менее является для него значительной опорой. Тезис о том, что государство существует лишь во взаимоотношениях классов и не может быть классово индифферентным вполне распространяемо и на функции полиции.

К. Марко, Ф. Энгельс и В.И. Ленин в своих работах подвергли исследованию роль и функции полиции буржуазного общества [2]. Они пришли к выводу о том, что полиция капиталистических государств наряду с юстицией и армией поддерживает власть буржуазии и связанные с ней слои населения в борьбе против рабочего класса, т.е. является непосредственным орудием угнетения рабочего класса. Еще в 1917 году В.И. Ленин, говоря о классовом характере полиции, сформулировал мысль, которая не потеряла своей актуальности и сегодня: "во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия) ... Будучи отделена от народа, образуя профессиональную касту, составляясь из людей, "натасканных" на насилие против беднейшего населе-

ния, из людей, получающих несколько повышенную плату и привилегии "власти"... полиция в каких угодно демократических республиках неизбежно остается, при господстве буржуазии, ее вернейшим орудием, оплотом, защитой" [3].

На протяжении всей истории ФРГ - с момента образования по настоящее время - под различными лозунгами "обеспечения порядка и безопасности", "эффективной политики безопасности" и т.п. постоянно предпринимались попытки завуалировать классовый характер полиции. Утверждается, что полиция как "аполитичный институт" должна все более приобретать характер "специфического социального формирования", предназначенного в первую очередь служить всеобщим интересам, "общему благу". В действительности власть всегда осуществлялась и осуществляется не в интересах большинства, а меньшинства. Следовательно, когда речь идет об обеспечении "порядка и безопасности", имеются в виду гарантии буржуазной "демократии" в её борьбе против "инакомыслящих" одиночек или группировок. Наряду с попытками завуалировать классовый характер полиции, изобразить "общественный порядок и безопасность" как классово нейтральную "форму порядка", предпринимаются также попытки скрыть подлинную природу империалистического государства и представить его "классово нейтральным". В опубликованных с момента образования ФРГ работах по истории и организации полиции, а также по полицейскому праву ФРГ предпринимаются попытки представить полицию как "независимый орган" [4]. Обсуждение указанных вопросов продолжалось и в начале 70-х годов: вначале оно осуществлялось в дискуссиях о "внутренней безопасности", проводимых на правительственном и парламентарном уровнях, а затем эти вопросы под лозунгом "гарантии порядка и безопасности всех граждан" были вынесены средствами массовой информации на обсуждение многих граждан ФРГ.

К. Маркс в работе "К еврейскому вопросу", обращаясь к проблемам безопасности, указывал на то, что правящие круги буржуазного общества пытаются отождествить безопасность

как высшее социальное понятие с понятием полиции, однако "при помощи понятия безопасности гражданское общество не поднимается над своим эгоизмом. Безопасность есть, напротив, гарантия этого эгоизма" [5].

Главная задача полиции как части репрессивного аппарата ФРГ или другой капиталистической страны состоит в том, чтобы защищать капиталистический общественный строй и прежде всего его основные сферы - экономику, политику и идеологию. Именно к этому может быть сведено "поддержание общественного порядка и безопасности", рассматриваемое как в каждом конкретном случае деятельности полиции, так и в более широком плане в соответствии с так называемыми "общими правилами" полицейской деятельности в условиях узаконенных ограничений, существующих в обществе. С помощью вводимых ограничений монополистический капитал одновременно создает предпосылки для получения прибыли. Ими же обеспечивается безопасность существующей надстройки в виде всего правительственного аппарата (органы управления, юстиции, институты экономического регулирования, поддерживающие деятельность монополий, капиталистические учреждения культуры и искусства и т.п.) и преимущественное положение так называемых "правящих партий", а также деятельность преемствующих и вспомогательных организаций. На деле это проявляется, с одной стороны, в ограничении и разгоне демонстраций демократических и прогрессивных сил (при этом полицейские акции и способы действия полиции в значительной мере определяются сложившейся ситуацией на данном этапе классово-борьбы), с другой - в охране массовых мероприятий, организуемых правящими партиями и реваншистскими союзами. Сюда же следует отнести и непосредственную "охрану" неонацистских мероприятий, в частности, съездов НШ и т.п. от так называемых "нарушителей спокойствия", к которым причисляют демократически настроенных граждан ФРГ, - противников возрождения фашизма и которых пытаются представить как уголовный элемент.

Особо следует рассмотреть действия полиции империа-

листического государства во время забастовок и демонстраций, носящих экономический характер (средствами массовой информации они именуются "рабочими боями" и за ними отрицается идеологическая направленность). Когда классовые противоречия обостряются и господствующие круги усматривают в них угрожающую им ситуацию, они применяют против забастовщиков такой метод как "полицейская очистка помещений", применяемый к рабочим, занявшим предприятие. Чтобы как-то скрыть классовый характер репрессивного аппарата (в том числе и полиции) количество этих акций в ФРГ пытаются по возможности снизить.

Когда в 1969 г.^к власти в ФРГ пришло коалиционное правительство СПГ/СДП, монополистическая буржуазия с помощью правых лидеров социал-демократии сразу же предприняла попытку осуществить свое господство посредством более гибкой империалистической политики. Наряду с этим в свете намечаемых различных реформ предпринимались всяческие попытки представить новую власть как более демократическую.

В.И. Ленин в своей работе "Разногласия в европейском рабочем движении" при анализе политики империалистических государств выявил две основные формы осуществления власти: это, во-первых, метод насилия... метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше... в Западной Европе... становится одной из разновидностей общеполитической политики. Второй метод - метод "либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т.д. [6] Правительство СПГ/СДП стало придерживаться в начале 70-х годов второго пути осуществления империалистической политики. "Так как правительственная коалиция могла осуществлять не что иное как "буржуазную" политику, она создала такую внутривнутриполитическую атмосферу, которая создает впечатление, что "работодатели", если не просто рабочий класс, несут вместе с обществом ответственность за деятельность правительства" [7].

Сюда же следует отнести также немеренные воспрепятствовать дальнейшему распространению различного рода демократических движений посредством широко масштабной политики реформ в разных сферах общественной жизни. Эту же цель преследовали, осуществляя мероприятия, направленные на установление более тесных связей между "гражданами" и "полицией" и достижение "большого доверия" между ними. Варьев преступности, проникшей во многие сферы общественной жизни, и связанное с ней ухудшение условий жизни вызвали озабоченность многих граждан ФРГ, в связи с чем средства массовой информации вынуждены были ориентировать полицию на дальнейшую борьбу с преступностью, пытаясь в то же время умолчать о репрессивных функциях полиции и её задачах по сохранению власти империализма.

Под этим прикрытием осуществляется дальнейшее концентрированное развертывание полицейских сил в пределах их федеральной и земельной компетенции при одновременном расширении их полномочий и постоянной тенденция к повышению их мобильности. Следует учитывать также обострение классовых противоречий, связанное с ростом общих и приличных кризисных явлений конца 70-х и начала 80-х годов. Одновременно это создало предпосылки для введения "более жестких мер", направленных на усиление власти империализма. На передний план усиленно выдвигались консервативные черты государственно-монополистической политики. "Сильное авторитарное политическое руководство обществом" и вместе с ним полиция как "сила по обеспечению порядка" со всеми имеющимися в её распоряжении средствами дифференцированного подхода к сохранению безопасности - всё это соответствует возрастающим стратегическим соображениям, представлениям и концепциям господствующих в ФРГ сил об усилении своей власти в 80-е годы.

Вопрос борьбы с преступностью занимает в деятельности капиталистической полиции особое место, и, как установил В. Штельцер, скачкообразный рост преступности дает "... монополистической буржуазии жаданный подход к даль-

нейшему совершенствованию аппарата угнетения." [8].

Конечно, преступность в капиталистическом государстве затрагивает также интересы рабочего класса и отдельных граждан. Общеуголовные преступления^{XXX} при империализме представляют собой обусловленные индивидуализмом и спонтанным порывом действия одиночек против капиталистического общественного порядка и форм его существования, например, против принципа частной собственности, принципов человеческого общежития, характеризующихся высказыванием: "своя рубашка ближе к телу".

По отношению к борьбе рабочего класса за свои права и росту его организованности преступность выступает как негативное явление, противостоящее интересам трудящихся. Наличием преступности в ФРГ предпринимаются попытки дискредитировать рабочий класс, ибо ему приписывается порождение "основной массы" новых "преступников". "Взрывы преступности" в ФРГ и других империалистических государствах способствуют выдвиганию решающих аргументов в пользу "дальнейшего усиления" всех сил полиции — части империалистического репрессивного аппарата.

Изложенное позволяет сделать однозначный вывод: рабочий класс, имея свои объективные интересы, не заинтересован в росте преступности. С позиций рабочего класса судьбу каждого индивида необходимо рассматривать с учетом социального фона (бедность, безработица, жилищный кризис и многое другое) и из этого делать выводы о причинах его поведения, в том числе и противоправного, ибо "рабочие... неизбежно обречены на пьянство и вообще на всё то, что обычно называют деморализацией" [9].

Следует иметь в виду, что все самые значительные причины преступности обусловлены монополистичес-

^{XXX} В качестве общеуголовных мы рассматриваем преступления против собственности, против жизни и здоровья и т.п., но отнюдь не участие в демонстрациях, высказывание своих политических прогрессивных убеждений и другие деяния, подвергшиеся криминализации.

кои буржуазией и созданными ею, постоянно развивающимися и изменяющимися ограничительными рамками общественной действительности [10]. Кажущиеся совпадения интересов угнетаемого рабочего класса и представителей господствующего класса в преследовании преступности используются в пропаганде буржуазного общественного строя как "демократии всеобщего благоденствия". Цель господствующего класса состоит в том, чтобы трансформировать эти кажущиеся совпадения интересов на всевозможные сферы жизни. В конечном счете "... империализм... не заинтересован, да и не в состоянии вести серьезную борьбу с преступностью, не говоря уже о том, чтобы решить проблему преступности как социальную" [11]

Рассматривая современное "положение дел в полиции" ФРГ, следует отметить, прежде всего, продолжающийся небывалый рост преступности, связанные с ним последствия для граждан, а также усиление репрессивных полицейских актов. Все это является одним из показателей тех кризисных явлений, которые выражаются во всё более четко возрастающих процессах поляризации интересов и связанных с ними противоречий между представителями отдельных классов и слоев. Наряду с этим впервые в истории ФРГ совершается значительное число нападений на представителей монополистического капитала, государственного аппарата и "видных промышленников" в форме террористических актов (убийств, похищений и т.п.). Эти анархистские и террористические насильственные акты приобретают особое значение при оценке "положения дел в полиции", к исследованию каждого отдельного случая, а также для предупреждения подобных актов мобилизуется весь государственный механизм в целом.

Обратимся к тем тенденциям развития преступности в ФРГ, которые можно проследить за период с 1970 года по настоящее время. Отправным мы избрали 1971 год потому, что именно с этого года в уголовной статистике ФРГ применяются специфические методы учета преступлений, допускающие лишь приблизительное сопоставление с учетными данными прошлых лет.

Преступления, зарегистрированные в ФРГ с 1971 по 1980 год [12]:

год	количество преступлений	соотношение с прошлым годом (в %)	число преступлений на 100 000 жителей	количество раскрытых преступлений (в %)
1971	2.441.413	-	3.983	46,8
1972	2.572.530	+ 5,4 %	4.171	46,5
1973	2.559.974	- 0,5 %	4.131	46,9
1974	2.741.728	+ 7,1 %	4.419	45,6
1975	2.919.390	+ 6,5 %	4.721	44,8
1976	3.063.271	+ 4,9 %	4.980	45,9
1977	3.287.642	+ 7,3 %	5.355	44,8
1978	3.380.516	+ 2,8 %	5.514	44,6
1979	3.533.802	+ 4,5 %	5.761	44,7
1980	3.815.774	+ 8,0 %	6.198	44,9
1981	4.071.873	+ 6,7 %	6.603	45,3

Приведенные данные свидетельствуют, что за десять лет преступность в ФРГ возросла почти наполовину. Несмотря на то, что принятая в 1970 г. "Неотложная программа модернизации и интенсификации борьбы с преступностью" и последующие другие программы содержали существенные положения по увеличению количественного состава полицейских сил (федерального уголовного розыска, федеральных пограничных сил, полиции земель) и по расширению материального обеспечения полиции - все эти меры были не в состоянии устранить тенденции к росту преступности. Не способствовали этому также многочисленные изменения, внесенные в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Последние 25 лет показали, что предпринимаемые меры не способны обеспечить защиту большинства граждан страны от различных форм преступных посягательств. Многие авторы

признают, что преступность в условиях капитализма давно уже вышла за рамки явления, непосредственно затрагивающего незначительную часть населения. Х. Хамакер приходит к выводу: "Если подсчитать число жертв преступлений, их близких, число преступников, а также их близких, то получится интересная картина: меньше, чем за неделю, с преступностью сталкивается такое количество людей, какое составляет большой город. Каждая неделя - это большой город, составленный из преступников, жертв и связанных с ними людей" [13].

Высказываемые мнения, в том числе и комментарии уголовной статистики, по поводу того, что растущие статистические показатели якобы искажают подлинную картину, основываются на том, что основную "массу" прироста совершаемых преступлений составляют незначительные проступки и в первую очередь преступления против собственности. Указанные взгляды следует расценивать лишь как попытку создать более благоприятное "внешнее впечатление", ибо именно имущественные преступления в значительной мере посягают на интересы самых широких слоев населения. В действительности при оценке состояния преступности следует поступать наоборот, т.к. многие совершенные преступления остаются латентными. По оценкам буржуазных криминологов ФРГ соотношение между статистическими и фактически совершенными преступлениями колеблется от 1:6 до 1:14 [14]. Весьма гипотетичным является утверждение, связывающее колебания статистических данных о преступности (применительно к росту преступности) с различным отношением населения к тому заявлять или не заявлять о совершенном преступлении. Представляется, что дело обстоит как раз наоборот, т.е. фактический рост преступности более высок, ибо снижение раскрываемости преступлений не может не повлиять на готовность граждан - по крайней мере в случаях совершения незначительных имущественных преступлений - заявлять о них.

Президент земельной полиции в Штуттгарте А. Штэмлер в работе "Полиция на пути в 2000 год" констатирует:

"Дальнейший количественный рост преступности (в ФРГ

по сравнению с 1963 годом он составил примерно 100%); структурные сдвиги применительно к детской и молодежной преступности (взрослые преступники +24%, подростки +92%, молодежь +160%, дети +121%); непропорционально значительный прирост насильственных преступлений (ограбления +190%); вышеназванное - в отношении молодых преступников (рост преступников: взрослые +138%, подростки +227%, молодежь +437%, дети +854%); интернационализация преступности (например, наркотики вслед за "твердой" валютой); возрастание количества преступных банд и случаев организованной преступности (кражи грузовых и других машин по заказу, обширные мошеннические манипуляции, кражи произведений искусств и т.п.).

Прогноз: "тенденции сохраняются" [15].

Значительный рост преступности, связанная с ним неуверенность граждан ФРГ в завтрашнем дне и их сомнения в правильности созданных капиталистической общественной формой общения, а также неэффективность принятых в 70-е годы мер по совершенствованию деятельности полиции по охране прав граждан привели к неудовлетворенности деятельностью полиции. Чтобы в какой-то мере оправдать "неудовлетворительное положение" в борьбе с преступностью, предпринимаются попытки найти объяснение этому в том, что мол необоснованно расширены основные права граждан ФРГ. Известный в ФРГ юрист Вассерман по этому поводу писал:

"нельзя одновременно обладать обоими состояниями: широкой сферой свобод, в которую никто не вправе вторгаться, и отличной от нее борьбой с преступностью" [16].

В заключение следует признать, что полиция все чаще используется для борьбы с представителями прогрессивных, демократических организаций, для прямого или завуалированного подавления рабочего класса, а борьба с преступностью в её деятельности, наоборот, отодвигается на задний план. Мало того, что политические акции и мероприятия рабочего класса и других прогрессивных сил объявляются буржуазным законодательством (отчасти - откровенно, отчасти - заву-

ализовано) преступными и преследуются исполнительными органами, империализм к тому же с целью сохранения и стабилизации своего господства пытается поставить себе на службу существующую преступность [17].

На VI съезде ГКИ (29-30 мая 1981 г.) её председатель Герберт Мис констатировал обострение внутривластной обстановки в ФРГ и отметил: "Для того, чтобы иметь возможность проводить политику конфронтации и гонки вооружений, чтобы даже против воли трудящегося народа переложить на его плечи бремя кризисов и вооружения, правящий класс взял курс на изменение общих условий борьбы в свою пользу и в ущерб демократическим силам" [18]. Особое значение придается дальнейшему расширению полицейского аппарата и его агентуры. Наряду с этим, как подчёркнул Г. Мис, принимаются и другие меры, такие как ограничение прав на забастовки, продолжающаяся антикоммунистическая практика запретов на профессии. Изложенные факты еще раз подтверждают положение о необходимости рассматривать функции полиции с классовых позиций. Данное положение должно служить исходным пунктом в оценке состояния и тенденциях развития империалистических полицейских органов.

Основная задача всех правительств ФРГ, независимо от стоящих у власти партий, заключается в том, чтобы "располагать всегда находящимся в боевой готовности репрессивным инструментом - особенно для подавления антиимпериалистической активности, а также на случай, если монополии почувствуют угрозу своему господству" [19]. Таким инструментом является полиция независимо от сферы деятельности её служащих, например, или в отделе государственной безопасности, или в отделе политической полиции, или же - хотя это проявляется в неявном виде - в деятельности транспортной или железнодорожной полиции.

"Нарушение демократических прав и свобод правящими кругами, государственными органами, юстицией, полицией и секретными службами становится повседневной политической практикой. Внутригосударственный аппарат власти раздува-

ется и совершенствуется" [20]. Эту метку оценки развития ФРГ в 70-е годы дает Программа ГКП. Представители полиции ФРГ всё чаще открыто заявляют о том, что защита полицией империалистической политики правящих кругов приобретает всё возрастающее значение. А. Штумпер в цитированной уже нами статье "Полиция на пути к 2000 году" сформулировал это положение следующим образом: "Сегодня наряду с прежними задачами, стоящими перед полицией, на передний план выдвинута первоочередная и новая по своей направленности задача, а именно: обеспечение внутренней безопасности и внутреннего порядка государства. Сущность полиции приобрела для государства значение равноценное его существованию... стала политикой существования" [21]. Более откровенного высказывания буржуазного ученого о роли и функциях полиции в охране власти империализма в ФРГ вряд ли можно было ожидать.

Выводы, сделанные в настоящей статье о функциях и месте полиции в аппарате подавления такого монополистического государства как ФРГ в конечном итоге относятся ко всем развитым капиталистическим странам. При этом различия, как правило, проявляются только в способах организации и осуществления господства, обусловленных исторически сложившимися формами организации и структуры репрессивного органа, в том числе и его полицейских сил.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.21, с.171.
2. Маркс К. Гольгийские избяния. К рабочим Европы и Соединенных штатов. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.16.
Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.2.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.21.

- Ленин В.И. Наша программа. - Полн. собр. соч., т.4.
Ленин В.И. Случайные заметки. - Полн. собр. соч., т.4.
3. Ленин В.И. Позабыли главное (муниципальная платформа партии пролетариата). - Полн. собр. соч., т.32, с.25.
 4. Raible, E. Geschichte der Polizei. - Stuttgart, 1963;
Riege, P. Kleine Polizei-Geschichte. - Lübeck, 1954;
Drews, B. Allgemeines Polizeirecht: (6., völlig neu von G. Wascke bearb. Aufl.). - (West-) Berlin/Köln, 1955;
Ploch, H.-H. Das Polizeirecht einschließlich der Polizeiorganisation: 2. Verm. Aufl. - Tübingen, 1952;
Dierske, L. (unter Mitwirkung von R. Bogs) Grundriß der Polizei-Verwendung. - Lübeck, 1950.
 5. Маркс К. К еврейскому вопросу. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.401.
 6. Ленин В.И. Разногласия в европейском рабочем движении. - Полн. собр. соч., т.20, с.67.
 7. Wiegrefe, W.F. Grundgesetzänderungen zur "Inneren Sicherheit" seit 1967. Diss. - (West-) Berlin, 1976, S. II6.
 8. Stelzer, E. Sozialistische Kriminalistik. - Berlin, 1977, Bd. I, S.89.
 9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., с.404.
10. Vgl. hierzu u.a. Buchholz, E. u. L. Welzel. Soziale Unsicherheit unter dem Aspekt der Entwicklung der Kriminalität im Imperialismus. In: Lebesweise im Kapitalismus - Ideologie und Wirklichkeit. Teil I. Reihe Berichte. Hrsgg. durch die Humboldt-Universität zu Berlin, 1981, S. 68 ff.
- II. Ebenda, S. 80.
12. Die Kriminalität in der Bundesrepublik Deutschland (Polizeiliche Kriminalistik), 1971 - 1980, Bulletin des Presse - und Informationsamtes der Bundesregierung 153/1972, 92/1973, 79/1974, 86/1975, 67/1976, 59/1977, 105/1978, 60/1979, 85/1980, 70/1981, 44/1982.
 13. Hamacher, H.W. Tatort Deutschland. Bergisch Gladbach 1973, S. 43.
 14. Vgl. bei Welzel, L., a.a.O., S. 16.

15. Stümper A. Die Polizei auf dem Weg in das Jahr 2000.
In: Kriminalistik. 33 (1979) 6, S. 254.
16. Zitiert bei Wehner, B. BKA-Cheft Horst Herold gibt
auf ... In: Kriminalistik. 35 (1981)I, S. 34.
17. Stelzer, E., a.a.O., S. 89.
18. Neues Deutschland. B.-Ausgabe. Berlin, vom 30./31. Mai
1981, S.5.
19. Autorenkollektiv u. Ltg. von K.H. Röder. Widersprüche
und Tendenzen im Herrschaftssystem der BRD.-Berlin,
1973, S. 64.
20. Programm der Deutschen Kommunistischen Partei.-Berlin,
1979, S. 33.
21. Stümper A., a.a.O.

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЛАТВИЙСКОЙ ССР (1959-1980 г.г.)

Конец 50-х начало 60-х годов в нашей стране характеризуется значительным обновлением законодательства, в том числе законодательства, направленного на борьбу с преступностью несовершеннолетних. В эти же годы после двадцатилетнего перерыва возобновилось изучение преступности и ее причин, было положено начало криминологическим исследованиям в нашей республике. Особое значение придавалось борьбе с преступностью несовершеннолетних как одному из способов осуществления задачи сокращения и постепенной ликвидации преступности в стране. В эти годы удельный вес привлеченных к уголовной ответственности несовершеннолетних в республике был несколько выше, чем в целом по стране, хотя в целом доля несовершеннолетних в общем количестве привлеченных к ответственности лиц была незначительной [1]. Разработка научных основ исследования, принципов организации этой борьбы, разграничение компетенции и обеспечение взаимодействия государственных органов и общественных организаций, а также определение основных методов борьбы в зависимости от состояния преступности несовершеннолетних имела не только теоретическое но и практическое значение. Сектор права института экономики АН Латвийской ССР включил в план своих исследований тему "Преступления несовершеннолетних и пути их предупреждения" и стал таким образом первым в республике научным центром по исследованию этой проблемы. Так в 1959-60 г.г. началось изучение причин преступности несовершеннолетних. Это был первый этап большого конкретно-социологического исследования, который на многие годы объединил усилия юристов-ученых, юристов-практиков и других специалистов в борьбе с преступностью несовершеннолетних. Тесные связи с практическими работниками правоохранительных органов и общественных организаций республики способствовали всестороннему изучению состояния и динамики преступности, причин и условий ее существования как социального явления, а конкретные рекомендации, которые были

разработаны в результате этих исследований, были направлены на борьбу с преступностью несовершеннолетних в помощь этим органам. Результаты этой работы обсуждались на совместно организованных научно-практических конференциях, публиковались в печати.

На первой в Латвийской ССР научной конференции ("Коммунистическое воспитание и предупреждение правонарушений несовершеннолетних"), которая состоялась в мае 1962 года в г.Риге, были обсуждены проблемы предупреждения правонарушений несовершеннолетних. В работе этой конференции участвовали ученые-юристы Латвии, Эстонии, Белоруссии, г.Ленинграда, а также большое количество работников правоохранительных органов республики (прокуратуры, милиции, суда), представители общественности. Ученые сектора права Г.Я.Клява, Л.А.Ключинская и Э.Я.Стумбина исследовали состояние правонарушений несовершеннолетних в 1959-1962 г.г. Основные проблемы, которые были исследованы, касались характера и причин преступлений детей и подростков, роли семьи, школы, государственных органов и общественных организаций в предупреждении правонарушений, отдельных вопросов применения уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних. Изучение показало, что в те годы уровень преступности несовершеннолетних в республике снижался. В 1959-1960 г.г. несовершеннолетними не было совершено преступлений в Лудзенском, Дагдском, Сигулдском, Добельском, Прейльском, Илукстском районах Латвии. В первом квартале 1962 г. в 18% районов республики не было привлечено к уголовной ответственности ни одного подростка, по 12% районов не было ни одного правонарушения несовершеннолетних, а в 30% районов привлечено к уголовной ответственности лишь по одному несовершеннолетнему [1].

И вместе с тем как уже указывалось, уровень преступности несовершеннолетних в республике был несколько выше, чем в целом по стране. Латвийские криминологи объясняли это тем, что Латвия позже других республик встала на путь социалистических преобразований, территория республики была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками в годы

воини, территориальная близость капиталистических государств способствовала сильному влиянию на молодежь республики западной культуры. Конкретными причинами преступности несовершеннолетних названы недостатки воспитания в семье, школе, на предприятиях по месту работы и т.д. [1]. Наиболее распространенными преступлениями среди несовершеннолетних в республике в эти годы были преступления против социалистической собственности и личной собственности граждан. Одной из причин повторной судимости несовершеннолетних были трудности в раскрытии преступлений (краж), которые создавали у подростков иллюзию безнаказанности. Особое внимание было обращено на перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей в колонии и подчеркнуто, что краткосрочное пребывание в колонии (до 6 месяцев) в большинстве случаев не дает нужного эффекта. Криминологами было также внесено предложение о создании в колониях для несовершеннолетних отделений для воспитанников, которым во время отбывания наказания исполнилось 18 лет.

Большое внимание на конференции было обращено на необходимость разработки теоретических проблем уголовного, уголовно-процессуального права, проблем борьбы с преступностью. Отсутствие глубоких исследований по этим проблемам сказалось при разработке основ законодательства. В работах Г.Я.Клявн, Л.А.Ключинской, Э.Я.Стумбиной была подчеркнута необходимость изучения психологических особенностей личности несовершеннолетнего и их роли в совершении правонарушений; обращено внимание на отсутствие единого мнения среди юристов по вопросу разграничения преступлений и проступков и других непроступных правонарушений; на недостатки в работе практических органов в связи с неправильным пониманием ими вопроса об усилении воздействия на несовершеннолетних правонарушителей убеждением и др. воспитательными мерами по сравнению с мерами принуждения и в связи с этим необоснованным применением строгих санкций там, где можно было достичь большего результата мерами воспитательного характера; на отсутствие четкости в вопросе об основаниях прекращения уголовных дел в отношении несовер-

шеннолетних, а также указано на необходимость координации деятельности научных учреждений и практических работников суда, прокуратуры, милиции с педагогами, экономистами, философами, на необходимость придания этим исследованиям постоянного и систематического характера [1].

Практические работники подчеркнули необходимость и целесообразность поручения ведения предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних опытным следователям, имеющим большой жизненный опыт, знающим психологию подростков, умеющим правильно применять тактику допроса несовершеннолетних, способным правильно разобраться в сложных обстоятельствах дел этой категории, а также рассмотрения в суде указанных дел одним и тем же народным судьей; отмечалась необходимость специальной дополнительной подготовки следователей и судей, рассматривающих указанную категорию дел, по вопросам педагогики и психологии подростков [1].

В каждом выступлении на конференции было подчеркнуто первостепенное значение воспитания подростка в семье, необходимость применения строгих мер ответственности к родителям, не занимающимся воспитанием детей в семье, необходимость улучшения трудового воспитания в школе (в 1962 году все средние школы республики были реорганизованы в школы с производственным обучением), роль общественности по месту жительства подростка; отмечен положительный опыт работы недавно созданных советов общественности при домоуправлениях и новой формы привлечения актива общественности - выдвижение общественных инспекторов детских комнат милиции [1].

Были обсуждены и проблемы уголовного процесса, судопроизводства по делам несовершеннолетних. С сожалением отмечено, что в процессе разработки уголовно-процессуального кодекса законодатель республики отступил от первоначального проекта и вычеркнул выделенные в отдельную главу нормы о производстве по делам несовершеннолетних [1].

Криминолагами выдвинуто предложение о создании в республике школ-интернатов специального режима, в которые следовало бы помещать подростков, совершающих правонару-

шения, убегающих из дома, безнадзорных, родители которых не способны заниматься их воспитанием [1].

В качестве неперемennого условия успешной борьбы с преступностью несовершеннолетних отмечен строгий контроль со стороны практических органов за правильным и строгим выполнением решений государственных и общественных органов по конкретным делам, систематическое изучение и обобщение статистических данных, опыта работы практических органов по применению законодательства о правонарушениях несовершеннолетних, об исключении формализма из работы комсомольских и других общественных организаций, по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних [1].

31 января 1962 года Президиум Верховного Совета Латвийской ССР принял Указ "Об утверждении положения о комиссиях по делам несовершеннолетних" [2]. В связи с этим на конференции были подведены предварительные итоги еще столь непродолжительной работы преобразованных комиссий по делам несовершеннолетних и подчеркнута их значенне в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. Была отмечена положительная роль комиссий в урегулировании вопросов о трудоустройстве несовершеннолетних, подчеркнут воспитательный характер мер, применяемых комиссиями, а также необходимость усиления помощи комиссиям по делам несовершеннолетних со стороны органов суда, прокуратуры, милиции и обобщения опыта их работы [1].

Эти вопросы и явились предметом обсуждения второй научной конференции по проблемам правонарушений несовершеннолетних, которая состоялась в г.Риге в сентябре 1963 года.

Как и полтора года назад инициатором ее проведения явился сектор права. В работе конференции принимали участие ученые Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Г.М.Миньковский, А.И.Пергамент, В.С.Пронина. Конференции предшествовало изучение полуторагодового опыта работы комиссий после утверждения нового Положения.

Одним из главных направлений работы комиссии была признана профилактика правонарушений детей, организация

надзора за ними, оказание помощи в их воспитании. Первостепенное значение имела организация контроля за исполнением мер воздействия, применяемых комиссией. Анализ изучения повторных правонарушений несовершеннолетних в республике, проведенный старшим научным сотрудником сектора права Л.А.Ключинской, подтвердили это, а также необходимость усиления профилактической работы и контроля за исполнением мер воздействия в городах республики. Так, в 1962 г. из числа вернувшихся из колоний несовершеннолетних правонарушителей вновь совершили преступления в Риге 45,9 %, в других городах республики - 29 %, в сельской местности - 16,9%. Участники конференции подчеркнули важную роль комиссии в осуществлении наблюдения за условно осужденными и за поведением несовершеннолетних после отбытия наказания. Недостатки работы комиссии подтверждены цифрой: 58,8 % лиц из числа осужденных вторично, первоначально были осуждены условно [3]. Высокий процент рецидива среди условно осужденных подростков - это и свидетельство серьезных недостатков во взаимодействии народных судов и комиссий. Это подтвердило и специальное исследование, проведенное старшим научным сотрудником сектора права Э.Я.Стумбиной. Одной из мер, могущих устранить эти недостатки является участие народного судьи в работе комиссии.

Как и на первой конференции был обсужден вопрос об ответственности родителей за воспитание детей, и вновь подчеркнуто, что одной из главных причин преступности несовершеннолетних и основной причиной рецидива являются недостатки воспитания в семье, пренебрежение со стороны родителей выполнением своих обязанностей, ссоры и неполадки в быту. Это отметили все участники этой конференции, особенно в связи с подготовкой Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (введены в действие с октября 1968 года).

Были отмечены и недостатки в самом Положении о комиссиях по делам несовершеннолетних, требующие законодательной регламентации. Так, старший научный сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предуп-

реждения преступности В.С.Пронина предложила внести поправки, касающиеся разграничения компетенции комиссии и отделов народного образования, обязательности исполнения постановлений комиссии для других органов и предоставления им права обращаться в вышестоящие органы с требованием о наложении дисциплинарного взыскания на должностное лицо, если последнее не выполняет постановлений комиссии; установления единого требования об обязательном согласовании с комиссией всех случаев увольнения лиц, моложе 18 лет и случаев исключения несовершеннолетних из школ: законодательного урегулирования помещения подростков до рассмотрения дела комиссией в детский приемник-распределитель, а также предоставить председателю комиссии право до рассмотрения дела об общественно опасном деянии подростка в необходимых случаях помещать его в детский приемник-распределитель; предоставить комиссиям право применять меры воздействия к родителям или лицам, их заменяющим, во всех случаях неправильного воспитания последними своих детей независимо от того, совершили дети правонарушение или нет [3].

Большой интерес среди материалов конференции представляли доклады А.Степе, ст.преподавателя кафедры педагогики ЛГУ, о необходимости учета психологических особенностей развития подростков и совершения ими правонарушений при применении к ним мер воздействия; ректора Даугавпилсского педагогического института А.М.Калнберзиной о проведенном ею в 1963 г. исследовании воспитательного воздействия советской художественной литературы на воспитанников колонии для несовершеннолетних. Результаты анализа анкет, заполненных воспитанниками колонии, устные беседы-опросы свидетельствовали о недостатках в организации учебной и воспитательной работы с детьми в I-8 классах общеобразовательных школ, о недостаточном нравственном и эстетическом воспитании детей в этом возрасте, незнании психологии и физиологии детей этого возраста. Одновременно было установлено, что имеющиеся достижения ученых в этих областях не известны тем, кто ежедневно общается с детьми - родителям, воспита-

телям, учителям, общественным работникам [3].

Комиссии были определены как координирующие центры деятельности общественности, правоохранительных органов по предупреждению безнадзорности и правонарушений детей и подростков, а главным методом их деятельности был признан метод убеждения, воспитания. Вся свою работу комиссии в дальнейшем должны проводить, опираясь на общественные организации, органы народного образования, здравоохранения, культурно-просветительные и другие учреждения [3].

Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних в республике стало систематическим. Благодаря участию в исследованиях широкого круга специалистов, разработке единой методики они приобрели комплексный характер, а юридический факультет и сектор права ЛГУ (до 1963 г. - сектор права Института экономики АН ЛатвССР), наряду с Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности стали традиционными центрами изучения преступности несовершеннолетних в нашей стране.

Результаты исследования деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в 60-х годах были опубликованы в материалах этой конференции ("Общественность в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних", Рига, 1964), в статьях Л.А.Ключинской, Э.Я.Стумбийной, Л.А.Бергере и др., было издано методическое пособие о работе комиссий по делам несовершеннолетних, научно-практический комментарий к Положению о комиссиях по делам несовершеннолетних и др. [3; 4; 5; 6]. Они стали первыми в республике и пока единственными такими работами. Основное внимание в этих работах как и на самой конференции было обращено на разъяснение действующего законодательства об ответственности несовершеннолетних, видов ответственности, форм и методов деятельности комиссии и других правоохранительных органов по применению законодательства в отношении несовершеннолетних, наиболее эффективных способов предупреждения правонарушений несовершеннолетних, даны рекомендации по применению норм Положения. Много внимания было обращено на этику работы комиссии особенно при подготовке и рассмотрении дел. В при-

ложении к ним даны примерные образцы документации комиссии. В качестве несомненного достоинства этих работ хочется отметить простоту и конкретность их изложения, и несмотря на значительные изменения в законодательстве с момента издания этих работ, на их актуальность сегодня.

Третье подведение итогов конкретно-социологического изучения причин преступности несовершеннолетних в республике состоялось в феврале 1964 г., когда в г.Даугавпилсе была проведена третья научно-практическая конференция, организаторами которой явились кроме сектора права Даугавпилсский педагогический институт и исполком Даугавпилсского Совета депутатов трудящихся.

Темой основного доклада была работа партийных и комсомольских организаций г.Даугавпилса по воспитанию молодежи. Были обсуждены проблемы трудового воспитания, охраны трудовых прав молодежи. В выступлениях участников конференции говорилось о работе с родителями "трудных детей", о роли классного руководителя в борьбе с детской безнадзорностью, об опыте индивидуального шефства над подростком [7].

Для оценки значения проведенных трех научно-практических конференций надо отметить, что перед проведением их организовывались бригады, в состав которых включались представители сектора права, общественного отдела по делам несовершеннолетних Прокуратуры Латвийской ССР, Министерств просвещения и охраны общественного порядка, ЦК ЛКСМ Латвии, которые выезжали в районы республики и проверяли работу административных и общественных органов, школ, предприятий по предупреждению правонарушений несовершеннолетних на местах, причины и конкретные условия, их порождающие. Эти материалы совместно с проанализованными сотрудниками сектора права статистическими данными Верховного Суда, Прокуратуры, и МООН республики, данными комиссии, проведенными по определенной программе наблюдениями за деятельностью воспитательных и трудовых колоний для несовершеннолетних, анкетированием судебных дел, посещением судебных процессов по делам по обвинению несовер-

шеннолетних, изученным нормативным материалом, опросом самих осужденных несовершеннолетних легли в основу этих конференций [7].

Наряду с указанными исследованиями проводились также исследования эффективности применения мер наказания к несовершеннолетним правонарушителям, эффективности работы специальных воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Результаты исследования были обсуждены на следующей, четвертой, специальной научно-практической конференции, проведенной в мае 1965 г. в г.Цесисе Латвийской ССР. Тема этой конференции: "Научные основы организации работы в специальном воспитательном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей и предупреждения рецидива." Организаторами ее были МООН и Прокуратура Латвийской ССР, Цесисский РК КП Латвии и сектор права. Как и на предыдущих конференциях с докладами и сообщениями выступили ученые сектора права, юридического факультета, кафедры педагогики и психологии ЛГУ им.П.Стучки, работники прокуратуры республики, осуществляющие надзор за соблюдением законности в специальных воспитательных учреждениях для несовершеннолетних, работники МООН, а также работники самой колонии - воспитатели, мастера, директор школы.

Выступая на конференции Л.А.Ключинская (сектор права) отмечала, что "одной из причин недостаточной социальной эффективности лишения свободы является то, что крайне незначительное количество подростков полностью отбывает срок наказания. Досрочное и условно-досрочное освобождение из заключения стало широко применяемым правилом", и далее "большая текучесть воспитанников в результате перевода в колонии для взрослых, чрезмерно широкое применение досрочного освобождения, а также ряд других причин не создает, по существу, коллектива, в результате чего процесс перевоспитания исключительно затруднен" [8]. Еще одной из причин недостаточной социальной эффективности лишения свободы ей же указано длительное содержание подростков в тюрьме (в следственном изоляторе) в результате нарушения сроков следствия и судебного разбирательства дел. В ка-

честве выхода рекомендовалось помещение несовершеннолетних на указанный период в детские учреждения, которые должны быть созданы в соответствии со статьей 69 УПК ЛатвССР [8].

Как и на конференции 1963 г. учеными и работниками трудовой колонии вновь было высказано мнение о необходимости создания в республике кроме колонии общего типа также и колонии строгого режима для несовершеннолетних.

Интересным было исследование формирования личности подростка в условиях специального воспитательного учреждения, проведенное доцентом кафедры педагогики и психологии ЛГУ им. П. Стучки Н. П. Клегерисом. Как он установил, важна здесь ломка старого стереотипа поведения, воспитание у подростков таких социально-полезных привычек, как привычка к труду, точность и аккуратность, привычка заботиться о ком-то и о чем-то. Эффективным методом воспитания является создание традиций в общественной работе, эстетическом воспитании и т. д., при этом минимальным сроком для более или менее эффективного воздействия на личность и предупреждения рецидива необходимо считать один-два года [8].

Изучение эффективности уголовно-правовых мер в борьбе с преступностью несовершеннолетних продолжало оставаться в центре внимания ученых и правоохранительных органов страны. Они обсуждались и на всесоюзных научно-практических конференциях, в работе которых принимали участие ученые нашей республики. Несмотря на большую работу, проводимую в республике по предупреждению правонарушений, уровень преступности несовершеннолетних по-прежнему был несколько выше, чем в других союзных республиках, а поэтому в 1967 году Верховный Суд нашей республики организовал изучение этих вопросов с участием научных работников, а в мае 1968 года по этим вопросам была проведена научная конференция. В её работе принимали участие ведущие ученые и специалисты нашей республики, Литвы, Украины, городов Москвы, Минска, Ленинграда. Обсуждение проводилось по пяти основным направлениям: общие вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия; деятельность государственных органов и

общественных организаций в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних; эффективность деятельности специальных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей и осужденных молодежного возраста; борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность как условие эффективности уголовного наказания; психологические и судебно-психиатрические аспекты эффективности уголовно-правовых мер. Прежде всего был дан анализ состояния и динамики преступности несовершеннолетних в республике, отмечена их стабилизация, последовательное сокращение числа преступлений несовершеннолетних и количества их участников с 1965 года. Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними в 1966 г. составил 12,2%, в 1967 г. - 10,3% ко всем зарегистрированным преступлениям (данные прокуратуры Латвийской ССР). Отмечалось снижение доли краж в преступности несовершеннолетних. Это объяснялось улучшением материального положения населения по сравнению с послевоенными годами. Наиболее часто совершаемым правонарушением несовершеннолетних было хулиганство. Наибольшее количество несовершеннолетних правонарушителей по своему социальному положению были рабочими (в 1967 г. - 45,9%), учащимися общеобразовательных школ (18,0%). Изменения в карательной практике республики усилили эффективность уголовного наказания; координация усилий государственных и общественных организаций в воспитании несовершеннолетних и огромная работа, проведенная комиссиями, дали свои положительные результаты [10].

Впервые в республике обсуждались вопросы психологии и психиатрии несовершеннолетних правонарушителей. Доклады были сделаны учеными-психиатрами ЦНИИ судебной психиатрии им. В. П. Сербского, ВНИИ профессионально-технического образования. Они отметили необходимость дальнейшей разработки медицинскими работниками методики определения психической незрелости, инфантилизма подростка, соответствия его физического и психического развития и законодательного разрешения вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, отстающих в психическом развитии. Ученые республики изучили опыт работы с преступностью несовершенно-

нолетних в зарубежных социалистических странах. Они принимали участие в работе международного симпозиума. О результатах этой работы на конференции было сделано два доклада. Э.Я.Стумбина рассказала об участии в работе международного симпозиума по проблемам рецидивной преступности молодежи в социалистическом обществе в декабре 1967 г. в г.Берлине, где криминологи социалистических стран обратили внимание на тенденцию сужения круга лиц с преступным поведением и антиобщественными взглядами и отметили необходимость усиления внимания к вопросам воспитания и самовоспитания молодежи, а также на проблемы включения молодежи в общественную и трудовую жизнь, "поскольку затруднения, испытываемые молодыми людьми при вступлении в жизнь, организованную по определенным законам и выдвигающую серьезные требования, являются одной из непосредственных причин преступлений" [10].

Л.А.Бергеру изучила материалы ПНР о деятельности судебных кураторов. Их надзор за поведением несовершеннолетних правонарушителей в ПНР осуществляется на основании решения суда как самостоятельная мера воздействия в случае условного осуждения или досрочного освобождения из исправительного заведения на время исправительного срока. В случае необходимости надзор куратора распространяется и на семью, в которой живет несовершеннолетний, микросреду, в которой он общается. Эффективность такого надзора подтверждается статистическими данными [10].

Своеобразным подведением итогов работы этих лет явилась и изданная в 1967 г. монография Л.Ключинской и Л.Бергеру "Несовершеннолетние и уголовный закон". Это исследование эффективности уголовного наказания несовершеннолетних по материалам нашей республики с конца 50-х до 1965 г. включительно отразило сложный и противоречивый процесс исправления и перевоспитания несовершеннолетних, отметило реорганизацию в 1964 г. воспитательных колоний в специальные профессионально-технические училища, создание в г.Риге специальной школы Министерства просвещения Латвийской ССР, то, что законодателем учтены рекомендации ученых и

практиков, выработанные в результате исследований не только при принятии нового Положения о комиссиях, но и в процессе совершенствования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства. В 1971 г. Л.А.Ключинской была подготовлена и издана брошюра "Некоторые возрастные особенности несовершеннолетних и предупреждение правонарушений", а спустя два года - брошюра "Труд молодежи".

Следующая научно-практическая конференция состоялась спустя много лет, 19-20 апреля 1979 г. в г.Риге. Это была наиболее представительная, многочисленная конференция из всех, ранее проведенных в республике. В организации и проведении ее принимали участие юридический факультет ЛГУ им. П.Стучки, министерства юстиции и внутренних дел Латвийской ССР, Верховный Суд и Прокуратура республики, Президиум Коллегии адвокатов Латвийской ССР и правление республиканского общества "Знание". Тема этой конференции "Актуальные задачи советского права по укреплению семьи и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в советских республиках Прибалтики" предполагала обсуждение преступности несовершеннолетних специалистами всех отраслей права и правоохранительных органов из многих союзных республик и городов страны. Обсуждение велось в нескольких секциях: секции проблем семейного, гражданского права и процесса; секции социальных проблем укрепления семьи и правового воспитания молодежи; секции по проблемам уголовного права, процесса, криминологии. Так, на заседании этой секции Шевченко Я.Н. (Киев) отметила депенализацию мер ответственности, применяемых в отношении несовершеннолетних. Во-первых, это расширение принудительных мер воспитательного характера и отсрочка исполнения приговора, и, во-вторых, это применение мер административной ответственности за совершение уголовно-противоправных деяний Комиссиями по делам несовершеннолетних, которые являются органом административной юрисдикции в отношении несовершеннолетних. Как положительный момент отмечено также то, что постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. позволяет смягчить уголовную ответственность умственно отсталых под-

ростков, рекомендуя применять при этом меры воспитательного характера. Она, как и М.И.Блум, в своем докладе подчеркивает, что практика требует внести изменения в Основы законодательства по этому вопросу. М.И.Блум предлагает решить этот вопрос в плане законодательного расширения понятия невменяемости (ст. II Основ) или в плане самостоятельной регламентации ограниченной ответственности. Она же отметила необходимость внесения в законодательство дополнения, расширяющего право суда возлагать на несовершеннолетнего обязанности, выполнение которых в период отсрочки исполнения приговора может свидетельствовать о его исправлении, дающем основание для освобождения от наказания [II].

А.Л.Цветинович (Калининградский гос. университет) предлагает дальнейшее совершенствование Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних путем внесения туда подробных правил процедуры рассмотрения дел и принятия решений; возможность обжалования в суде решения комиссии о направлении в спецшколу и спецучилище. Отмечен также недостаточный контроль за поведением условно осужденных подростков и при применении судами отсрочки исполнения приговора [II].

Недостатки применения указанных мер воздействия на несовершеннолетних, а также недостатки в работе инспекции по делам несовершеннолетних по постановке на учет несовершеннолетних правонарушителей отмечались в докладах Н.Ф. Рыжникова (МВД Латвийской ССР), Е.И. Тищенко (Прокуратура гор. Риги) и др. [II].

Много интересных исследований и докладов было посвящено проблемам изучения личности несовершеннолетнего правонарушителя, дана характеристика социально-демографических и нравственных аспектов личности несовершеннолетнего правонарушителя на основании конкретных исследований в республике и вновь отмечены неблагоприятные условия семейного воспитания как источник противоправного поведения.

Отмечено, что в числе осужденных весьма высок удельный вес учащихся общеобразовательных школ и ПТУ, в целом уровень образования и нравственный уровень несовершеннолетних правонарушителей низкий [II]. Наиболее часто несовершеннолетние совершают преступления против личной собственности

граждан, на второе место выдвигаются то преступления против социалистической собственности, то хулиганство [II].

Интерес представляли также доклады по социальным проблемам укрепления семьи. Выступали работники органов ЗАГС и судов, ученые и работники статистического управления, работники здравоохранения республики и Консультации брака и семьи г. Риги и др.

Несомненно огромное значение исследований преступности несовершеннолетних, осуществляемых на протяжении четверти века в республике. Системность и комплексность исследований, регулярные обсуждения результатов работы на научно-практических конференциях вызывают состояние, динамику, тенденции развития мер профилактического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в тот или иной период времени. Интересными и полезными были конференции, проведенные в 1962-65 г., за каждой из которых крестами, учителями, работниками Советов и др. обсуждалась одна, сравнительно узкая проблема теории и практики борьбы с преступностью несовершеннолетних. Две последние конференции были проведены со значительным разрывом во времени и характеризовались более широким кругом вопросов, обсуждаемых на них. Выводы, сделанные таким образом, требуют последующей проверки. Изменившиеся социальные условия также требуют дальнейшего углубления исследования преступлений в наши дни. Большинство предложений, сделанных учеными по совершенствованию законодательства, были впоследствии учтены при внесении изменений и дополнений в действующие нормативные акты. Однако этого нельзя сказать о практике борьбы с правонарушениями несовершеннолетних: далеко не все предложения этого плана, высказанные на конференциях, сформулированные в опубликованных работах, были претворены в жизнь. А между тем, многие из этих предложений не потеряли своей актуальности и сегодня и должны, на наш взгляд, быть учтены сейчас, когда в АН Латвийской ССР возобновлены исследования преступности несовершеннолетних в республике.

Список литературы

1. Клява Г.Я. Благородная задача общества строителей коммунизма, и др. - В кн.: Предупреждение правонарушений несовершеннолетних. Рига, 1963, с.17, 35, 39, 49, 57, 58, 79, 118, 122-123, 136.

2. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Советской Социалистической Республики, 1962, 22 февраля.

3. Рейхманис О.Р. Формы и методы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, и др. - Ученые записки ЛГУ им. П.Стучки. Рига, 1964, т.56. Общественность в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних, с.108, 144-148, 155-156, 177-182, 205-226.

4. Ключинская Л.А. Комиссии по делам несовершеннолетних (научно-практический комментарий). - Рига: Зинатне, 1970.

5. Ключинская Л.А., Стумбина Э.Я. Повышение роли общественности в предупреждении правонарушений несовершеннолетних. - Известия АН Латвийской ССР, 1962, №10, с.33-43.

6. Ключинская Л.А., Стумбина Э.Я. Судопроизводство по делам несовершеннолетних (на лат.яз.) Latvijas PSR Augstākās tiesas biļetens, 1961, Nr.2.

7. Ключинская Л. Научно-практическая конференция с привлечением общественности как метод социологического правового исследования. - Известия АН Латвийской ССР, 1965, № 2(211), с.26.

8. Ключинская Л.А. К вопросу о социальной эффективности лишения свободы как меры уголовного наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей, и др. - В кн.: Научные основы организации работы в специальном воспитательном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей и предупреждение рецидива: Тезисы докладов и сообщений. Цесис, 1965, с.16-18, 26-27, 33-47.

9. Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1967, № 14 (2207).

10. Стумбина Э.Я. Борьба с рецидивной преступностью молодежи в социалистических странах, и др. - Ученые записки ЛГУ им.П.Стучки. Рига, 1971.- Т.135. Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, с.24,43-48,111-118,171-188,195-203.

11. Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних в период развитого социализма, и др. - В кн.: Актуальные задачи советского права по укреплению семьи и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в советских республиках Прибалтики. Рига: ЛГУ им. П.Стучки, Рига, 1979, т.2, с.8-14,15-16,18-23,48-49,53-54, 82.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

1. НЕЙ В. Правовая защита культурного достояния в законодательстве ГДР	3
2. БАБАЕВ С. Правовая охрана окружающей среды в процессе морской ресурсной деятельности	13
3. ЛАУРА А., РУДЗИТИС О. Некоторые вопросы эффективности борьбы с незаконным производством абортов	28
4. ПЕШУКОВ М. О расхождении структур уголовно-процессуального права и УПК Латвийской ССР	36
5. ШУРИХ Ф.-Р. О криминалистическом мышлении	46
6. ДОМБРОВСКИЙ Р. Субъекты криминалистической деятельности	57
7. КЛОЗЕНЕР Э. Криминалистическая тактика как составная часть социалистической криминалистики	71
8. КАВАЛИЕРИС А. Пути повышения эффективности допроса подозреваемого и обвиняемого ..	79
9. СМИЛГАЙНИС В. К вопросу о криминалистической характеристике умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах	96
10. ХАГЕМЕЙЕР В. К вопросу об исследовании места аварии	107
11. КАМИНСКАЯ Г. К вопросу о понятии "судебная этика"	117
12. ГЕЛЬБХААР Р. Функции и задачи полиции в рамках государственно-монополистического репрессивного аппарата (на примере ФРГ)	122
13. ЖУПИК А. Изучение преступности несовершеннолетних в Латвийской ССР (1959-1980) ...	136